

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2021`1

Кермен Толга

Djangan,
Barun

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2021. № 1

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2021. № 1.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2021. No. 1.

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурькин А. А.*, д-р ист. наук, д-р фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. фил. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. фил. наук;
Намруева Л.В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдииков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© КалмНЦ РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bicheev B. A.*, Dr. Sc. (Philosophy);
Burykin A. A., Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaeva A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© KalmSC RAS, 2021

© Composite authors, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.** Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) 8

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Дэмбэрэл Колягийн.** К вопросу о культурном наследии тюрков в Монголии и его защите 54
- Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б.** Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранных в 1935–[19]42 гг. в совхозе „Улан-Хееч“» 66
- Митруев Б. Л.** Описание калмыцкой борьбы в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» Б. Бергмана 89
- Дола.** Исследование текстов на тибетском языке: корпусный подход (на основе 600 публикаций за 40 лет) 102

Социология

- Намруева Л. В.** Как живет село Калмыкии: полевые наблюдения 121
- Бадмаева Н. В.** Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия 135
- Донгак В. С., Монгуш Д. Ш.** Тувинская этничность как объект исследования. 146
- Трошкина И. Н., Шапошников Г. М.** Этноязыковая ситуация в Республике Хакасия (по результатам социологического исследования) 173
- Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф.** Женщина как глава неполной семьи в современном российском обществе: стратегии самоопределения 194

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Bembeeva L. A., Ochir-Goryaeva M. A.** Archaeological Burial Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Excavations, 1998–2009 8

SOURCE STUDY

- Demberel Kolyagiin.** Cultural Heritage of Turks in Mongolia and Its Protection: The Issues Revisited 54
- Mandzhikova L. B., Mandzhieva L. B.** *Notes to Kalmyk Proverbs and Sayings Collected in Ulan Kheech Sovkhoz, 1935–[19]42: The Manuscript by D. S. Bembeev-Salmin Revisited* . . . 66
- Mitruiev B. L.** *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803* by B. Bergmann: The Description of Kalmyk Wrestling Revisited 89
- Dola.** Exploring of Tibetan-Language Texts: The Corpus Approach (A Case Study of 600 Publications Issued over 40 Years) 102

SOCIOLOGY

- Namrueva L. V.** Contemporary Life of Rural Kalmykia: On-Site Observations 121
- Badmaeva N. V.** Republic of Kalmykia: Educational Migration of Rural Youth 135
- Dongak V. S., Mongush D. Sh.** Tuvan Ethnicity as an Object of Research 146
- Troshkina I. N., Shaposhnikov G. M.** Ethnolinguistic Situation in the Republic of Khakassia: Summarizing Results of a Sociological Survey 173
- Gritsenko G. D., Maslova T. F.** Woman as Head of Incomplete Family in Modern Russian Society: Self-Determination Strategies Revisited 194

Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.).

*Любовь Алексеевна Бембеева,¹
Мария Александровна Очир-Горяева²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembееva.l.a@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бембеева Л.А., Очир-Горяева М. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Работа является продолжением свода археологических памятников, в котором были собраны сведения об археологических памятниках, раскопанных с 1929 г. по 1997 г. включительно. *Цель исследования.* Статья посвящена публикации сведений о погребальных археологических памятниках, исследованных в период с 1998 по 2009 гг. в волго-маньчских степях. Этот участок степи в основном совпадает с территорией Республики Калмыкия. *Материалы и методы.* В данной работе собраны сведения только о погребальных памятниках. Сведения о раскопках памятников проживания (поселений и городищ), а также результатам археологических разведок будут посвящены отдельные публикации. *Результаты.* Установлено, что за этот период были раскопаны 117 курганов, содержащих 413 погребения. Подавляющее большинство памятников составили погребения, датирующиеся эпохой бронзы — 241 погребение, большинство из которых относится к катакомбной

культуре среднего бронзового века. Погребальные памятники кочевников раннего железного века и эпохи средневековья насчитывают 77 и 60 погребений соответственно. Статистика дополнена пространственным анализом, а также рассмотрены наиболее примечательные черты исследованных в этот период археологических погребальных памятников.

Ключевые слова: Евразия, археологические памятники, курганы, погребения, волго-маньчские степи, Республика Калмыкия, спасательные раскопки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53

Archaeological Burial Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Excavations, 1998–2009

Lyubov A. Bembeeva¹, Maria A. Ochir-Goryaeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Bembeeva L. A., Ochir-Goryaeva M. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The work continues the Collection (Corpus) of archaeological monuments to have published data on sites excavated between 1929 and 1997 inclusive. *Goals.* The paper introduces further data on burial sites investigated from 1998 to 2009 in the Volga-Manych steppe, the latter largely matching the borders of Kalmykia. *Materials and Methods.* The review focuses on burial monuments only, and data on excavated habitats (settlements and hillforts) — including outcomes of archaeological reconnaissance — shall be examined in separate publications. *Results.* The period under consideration witnessed excavations of 117 kurgans to have contained 413 burials. The bulk of the latter numbering 241 are dated to the Bronze Age and primarily cluster with the Catacomb culture. Burial monuments of nomads from the Early Iron and Middle Ages number 77 and 60 respectively. Statistical analysis is supplemented with spatial one, and special attention is paid to most remarkable features of archaeological burial grounds explored during the mentioned years.

Keywords: Eurasia, archaeological monuments, kurgans, burials, Volga-Manych steppe, Republic of Kalmykia, rescue excavations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Sociopolitical and Cultural Development of Southern Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Bembeeva L. A., Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Burial Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Excavations, 1998–2009. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 8–53. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53

Введение

После публикации свода памятников, исследованных с первых научных раскопок до 1998 г., одного из авторов статьи не покидала надежда собрать сведения по археологическим памятникам, раскопаным в последующие годы. Наконец удалось провести эту работу. Настоящая статья является продолжением опубликованного в 2008 г. свода [Очир-Горяева 2008]. Сведения собирались и оформлялись по схеме, уже отработанной в указанном своде. На первом этапе был произведен сбор исходных данных. Для этого была проведена работа по сбору информации из Отчетов о полевых исследованиях. В ходе работы одним из

авторов лично было обработано 20 полевых отчетов в архиве Института археологии РАН (далее — ИА РАН), а вторым — 16 технических отчетов из архива Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН). Для каждого памятника (курганной группы) заполнялась ведомость, где, кроме общей информации, заводилась отдельная строка для каждого погребения данного могильника, в которой указывалась его культурная принадлежность в двух формах: общей (бронзовый век, ранний железный век, эпоха средневековья, неопределенное, современное) и уточненной (при ее наличии) по археологическим культурам (ямное, катакомбное, срубное, скифского времени, ранне-средне-поздне-сарматское, хазарское время, золотоордынское и т. д.). Все данные ведомости базируются на данных полевых отчетов и культурно-хронологических определениях авторов раскопок, указанных в отчете.

В результате был создан список из 39 памятников, по каждому из которых указаны следующие данные: шифр полевого отчета в архиве ИА РАН и КалмНЦ РАН, название отчета, автор раскопок, год раскопок, названия курганных групп, словесное описание расположения памятника¹, количество раскопанных курганов, культурная принадлежность каждого погребения по определению автора раскопок. В случаях использования результатов раскопок в аналитических или публикационных исследованиях, в списке указаны данные о публикации (см. приложение 1). Собранные данные были сведены в общую таблицу с разбивкой каждого памятника по культурам и эпохам с указанием точного количества погребений, года и автора раскопок (см. таблицу 1).

Методы и материалы

История изучения археологических памятников волго-мамычских степей неразрывно связана с экономическим развитием

---

¹ В данной публикации намеренно не указаны географические координаты памятников. После публикации свода [Очир-Горяева 2008] рядом коллег были высказаны опасения, что информация может быть использована черными археологами.

Республики Калмыкия, потому что подавляющее большинство археологических раскопок носили охранный характер. Они были проведены в целях спасения объектов археологии, попадавших в зону строительства хозяйственных объектов: дорог, орошаемых участков, каналов и нефтепроводов. Можно без преувеличения сказать, что трудовой пульс республики напрямую влиял на развитие археологической науки. Первые раскопки в только что восстановленной республике, после возвращения калмыков из депортации, были проведены в зоне строительства лесозащитных насаждений в 1961–1963 гг. За ними последовало строительство железной дороги Элиста – Ставрополь в 1964 г. и Чограйского водохранилища в 1965–1968 гг. Этими стройками были охвачены южные районы республики.

Следующие стройки — Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система в 1974–1984 гг. и Канал Волга-Чограй в 1985–1988 гг. — были расположены в северных и восточных районах республики. Это были наиболее масштабные строительные объекты советской эпохи. В зонах их строительства были раскопаны десятки, а иногда и сотни курганов. В последующие годы перестройки и постперестроечного периода спасательные раскопки велись в небольших масштабах в зоне строительства объектов регионального и местного масштабов.

Собранные и публикуемые в данной работе сведения о памятниках охватывают период с 1998 по 2009 гг., то есть 12 лет или раскопочных сезонов. Этот период начинается со спасательных раскопок в зоне единственного крупного межрегионального строительного объекта постперестроечной эпохи — нефтепровода Тенгиз – Новороссийск. Трасса нефтепровода проходила с востока на запад по самому югу республики. Археологические раскопки велись с 1998 по 2001 гг., было раскопано 30 курганов, содержащих 156 погребений (см. таблицу 1. Позиции 1–8).

В ходе этих работ в 1999 г. были проведены первые археологические раскопки на территории Черноземельского района. Несмотря на то, что Черноземельский район является самым большим по

территории (занимает 18,7 % территории республики), он оставался малоисследованным в археологическом отношении.

За все предыдущие 70 лет археологических исследований в Калмыкии в наиболее засушливом полупустынном районе археологами были изучены несколько разветвленных стоянок каменного века [Очир-Горяева 2008: 138–139].

В 1950 г., когда калмыки еще были в сибирской ссылке, ставропольским археологом Т. М. Минаевой и научным сотрудником Государственного института овцеводства Н. И. Басовым была обнаружена разветвленная стоянка древнего человека, названная ими по урочищу Яста-худук, что в переводе с калмыцкого означает «колодец с костями». На стоянке Яста-Худук были найдены также фрагменты керамики и предметы из бронзы, датирующиеся более поздними бронзовым и ранним железным веком. Однако многочисленность, разнообразие и сконцентрированность микролитического инвентаря, а также прослеженные аналогии в материале культуры неолита соседних регионов позволили автору определить местонахождение Яста-Худук как стоянку неолитического времени [Минаева 1955: 46–53].

В 1970-х гг. П. М. Кольцовым на территории Черноземельского района на песчаной косе была найдена стоянка неолитического облика, названная Нарын-Худук (по названию ближайшего поселка). Тогда же на землях совхоза «Улан Туг», центральной усадьбой которого является п. Нарын Худук, были открыты еще три крупных местонахождения *Улан-Туг – I–III*. Аналогии материалам имеются на Самсоновском поселении и стоянке Ракушечный Яр на Дону [Кольцов 1985: 40].

Курганные группы *Черноземельский 1–2* и *Колтан-Нур 1–2*, раскопанные в 1999 г., были первыми погребальными памятниками, изученными в этих краях (см. таблицу 1. Позиция 4–7). Кроме того, это были первые памятники населения более поздних хронологически этапов: эпохи бронзы, скифо-сарматской и эпохи средневековья. Все погребения группы *Колтан-Нур 1–2* принадлежали кочевникам раннего железного века и средневековья. Название Черноземельского района связано с расположением его на терри-

тории участка полупустынных степей, которые оставались зимой «черными», без снежного покрова. Эта особенность здешних мест высоко ценилась во все эпохи кочевниками, содержащими скот на подножном корму круглогодично. До 1970-х гг. многие колхозы и совхозы по установленной очередности отгоняли свои отары овец на зимовку на «черные земли», что обеспечивало сохранность и упитанность овец в течение всей зимы.

В курганной группе *Черноземельский 1–2* были раскопаны шесть небольших курганов и один — более крупных размеров. Шесть небольших курганчиков содержали так же, как и группы *Колтан-Нур 1–2*, погребения скифо-сарматской и средневековой эпохи. Они содержали по одному-два погребения, то есть были типичными погребальными памятниками кочевников. Курган же более крупных размеров под номером 4 (высотой 1,7 м и диаметром 52–56 м) содержал 36 погребений и 7 жертвенников. При этом подавляющее количество погребений (общим числом 29) и все семь жертвенников в насыпи датировались эпохой средней бронзы и относились к катакомбной культуре (см. приложение 1).

В волго-маньчских степях курганы эпохи бронзы отличаются от курганов кочевников раннего железного века и средневековья сложным устройством насыпи и наличием впускных однокультурных погребений, но такое большое количество однокультурных погребений в одном кургане является очень редким явлением даже в местностях наибольшего скопления курганов бронзового века, таких как Ергенинская возвышенность и Кумо-маньчская впадина [[Очир-Горяева 2008: 143](#)].

В зону нефтепровода попали также курганные группы, расположенные в Ики-Бурульском районе, в южной части Ергенинской возвышенности: *Манджикины 1*, *Му-Шарет 1–2*, а также группа *Островной* в междуречье рр. Восточный Маныч и Калаус. Раскопки этих памятников были проведены археологической экспедицией Государственного исторического музея под руководством Н. И. Шишлиной. Ики-Бурульский район является наиболее изученным в археологическом отношении районом в Калмыкии. На его территории, начиная с 30-х гг. прошлого столетия, были про-

ведены археологические раскопки наиболее многочисленных курганных групп и сделано наибольшее количество больших и малых открытий, таких как находка каменного скипетра в кургане 27 Архаринской группы [Синицын, Эрднеев 1966: 93–94, рис. 62]; погребальной маски из серо-зеленоватой необожженной глины в кургане 43 могильника *Кермен Толга* [Шишлина 1989: 231–236].

В Ики-Бурульском районе были проведены раскопки курганных групп *Восточный Маныч* [Кекеев, Буратаев: 2016]. По количеству раскопанных погребений оно до сих пор составляет без малого половину всех раскопанных памятников на территории региона, а именно 329 курганов, содержавших 1 541 погребение, из которых 1 329, то есть подавляющее большинство, датируется эпохой бронзы. Под названием курганная группа *Восточный Маныч* объединены, по крайней мере, 9 курганных групп, каждая из которых насчитывала до нескольких десятков курганов. Перечисленные курганские группы были расположены на площади протяженностью с востока на запад примерно 20 км, с юга на север — примерно 5 км, что позволяет определять их как единую, уникальную для восточноевропейских степей, агломерацию курганных групп ямной и катакомбной культур эпохи бронзы.

В рассматриваемый период археологические раскопки в Ики-Бурульском районе также принесли новые открытия. В кургане 3 группы *Островной* были открыты 40 погребений и 120 находок в насыпи. Это, пожалуй, самый насыщенный находками и погребениями курган на территории республики. Под руководством Н. И. Шишлиной раскопки всех трех курганных групп — *Манджикины*, *Му-Шарет* и *Островной* — проводились комплексно, с применением широкого спектра естественно-научных методов [Могильник *Манджикины* 1999; Могильники *Му-Шарет* 2001; Могильник *Островной* 2002].

В течение трех полевых сезонов с 2001 по 2004 гг. проводились спасательные раскопки в зонах строительства автодорог. На юге республики в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» курганы 2–6 группы *Зунда-Толга*, расположенные в Кумо-манычской впадине, показали пре-

обладание курганов ямной и катакомбной культуры, характерное для этой ландшафтно-географической зоны.

Под руководством Н. И. Шишлиной были проведены спасательные раскопки группы *Бага-Бурул* в зоне строительства автодороги «Яшалта – Бага-Тугтун» в Яшалтинском районе Республики Калмыкия в 2001 г. До этого времени в Яшалтинском районе было раскопано только одно погребение позднего средневековья у с. Красный Партизан с каменным надмогильным геометрической формы сооружением, а также была известна случайная находка скульптурного изображения головы барана с закрученным рогом [Буратаев 2020: 606–619].

Новые раскопки принесли новое открытие: в кургане 21 была обнаружена каменная антропоморфная скульптура половецкого бабая-предка. Бабай представляет собой изображение сидящей мужской фигуры. Руки изваяния сложены на животе и держат ритуальный сосуд. Лицо овальной формы, на голове — головной убор округлой формы. Детали костюма изваяния хорошо проработаны, видны манжеты у запястья, прорисованы черты лица, тщательно показаны пальцы рук, обхватывающие прямоугольный сосуд. Уникальность этой скульптуры не только в ее прекрасной сохранности, но и в том, что она была обнаружена в насыпи кургана, то есть «in situ», по крайней мере, в том месте, куда она была помещена ее современниками, поклонявшимися своему предку [Шишлина 2002; Буратаев 2018].

В этом же Яшалтинском районе в зоне строительства автодороги «Яшалта – Манычский» были раскопаны в 2004 г. археологической экспедицией под руководством В. В. Яценко два кургана, содержавшие 21 погребение, подавляющее большинство из которых (15 погребений) датировалось эпохой бронзы. Важно заметить, что среди них 6 погребений относились к срубной культуре. Надо полагать, что это памятники срубной культуры донского варианта, которые распространялись из лесостепной зоны рр. Дон и Северский Донец [Батиева 2012: 56–59].

Археологические раскопки в зоне строительства автодорог у с. Кануково Сарпинского района, расположенного у западной

границы Калмыкии с Волгоградской областью, также привнесли новые данные об археологических памятниках севера республики, тоже пока малоизученного. Новым является то, что основные погребения в курганах бронзового века принадлежали ямной культуре. Это подтверждает замеченную ранее закономерность, что ямное население занимало территории вокруг Ергенинской возвышенности. Село Кануково располагается с западной стороны, после спуска в низину с отрогов Ергенинской возвышенности. На самой возвышенности доминируют курганы катакомбной культуры [Очир-Горяева 2008: рис. 16; Очир-Горяева 2017: 9].

Раскопки курганов у с. Улан-Хееч пополнили знания о памятниках еще одного хорошо изученного района республики — Яшкульского (см. приложение 1). Два кургана с тремя погребениями у п. Олинг Яшкульского района были разрушены строителями до исследования их археологами (см. приложение 1). Всего в зоне строительства автодорог было исследовано 30 курганов, содержащих 64 погребения.

В 2006 г. экспедицией под руководством И. И. Дремова был раскопан курган в зоне строительства резервуара чистой воды Ики-Бурульского группового водопровода с подключением к Северо-Левому местуорождению подземных вод (см. таблицу 1. Позиция 20).

После перерыва в два года начинаются спасательные раскопки в зоне прокладки газопровода на востоке и на севере республики (2006–2007 гг.). Основные объекты изучения по проекту газификации были расположены на юго-востоке (Яшкульский район), в центре (Кетченеровский район) и на севере республики (Малодербетовский и Сарпинский районы). Спасательные раскопки велись в течение двух полевых сезонов тремя экспедициями, и было раскопано 30 курганов, содержащих 64 погребения (см. таблицу 1, позиции 25–31).

Важным для археологического исследования было изучение памятника наиболее северного участка Ергенинской возвышенности — группы *Малые Дербеты 2*, где в двух курганах основными были ямно-катакомбные погребения, а все многочисленные впускные погребения относились к восточноманычской катакомб-

ной культуре. В группе же *Малые Дербеты 1*, расположенной в нескольких километрах от могильника *Малые Дербеты 2*, но в Прикаспийской низменности с восточной стороны Ергенинской возвышенности, основными были срубные погребения. Похоже, что население катакомбной культуры доминировало на Ергенинской возвышенности на протяжении всей их истории. Всего в зоне строительства газопровода было раскопано 30 курганов с 67 погребениями (см. таблицу 1. Позиции 22–30).

В 2008 г. впервые проведены археологические раскопки в Городовиковском районе. Площадь Городовиковского района составляет всего 1 099 км². Географически территория Городовиковского района определяется как северо-восточная периферия Ставропольской возвышенности. По занимаемой площади это самый малый район республики. Также это единственный район республики, расположенный в зоне степей со злаковой поlyingно-разнотравной растительностью на черноземных почвах. Вся остальная территория республики — 76,9 тыс. км² — входит в зону полупустынных степей и полупустынь с малоплодородными каштановыми, солонцеватыми и солончаковыми почвами. Городовиковский район является также самым отдаленным от столицы республики районом. Границы установлены так, что проезд в Городовиковский район из республики возможен только через территорию Ставропольского края.

Первые археологические раскопки носили спасательный характер и были проведены в зоне строительства Высоковольтной линии электропередачи — 500 КВ «Волгодонская АЭС – Невинномыск СПС 500 КВ и Заходами 330 КВ» в части, проходящей по территории Городовиковского района Республики Калмыкия. Археологической экспедицией под руководством И. И. Дремова были раскопаны: один позднесредневековый курган у с. Розенталь и один одиночный курган у с. Бурул с тремя разрушенными погребениями без инвентаря, датирующимися, возможно, эпохой поздней бронзы [Очир-Горяева 2018: 84–100].

В 2009 г. проводились спасательные раскопки в зоне строительства водного канала к п. Алцын-Хута Кетченеровского райо-

на на двух курганных группах: *Алцын-Хута* и *Шамта I*. Это был локальный небольшой проект местного значения, было раскопано 6 курганов с 14 погребениями (см. таблицу 1. Позиции 36–37).

Со следующего 2010 г. на территории республики велись в основном разведочные работы, а также раскопки поселений и городищ, то есть памятников проживания, поэтому сведения об исследованиях с 2010 г. будут рассмотрены в специальной работе.

Выводы

С 1998 по 2009 гг. на территории республики регулярно велись исследования погребальных памятников. В ходе раскопок были в значительной степени пополнены знания о древней истории участка Евразийских степей, расположенного между рр. Волгой и Манычем. В двух районах Республики Калмыкия — в наибольшем по размерам занимаемой площади и наиболее засушливом Черноземельском и наименьшем по размерам занимаемой площади, расположенном в зоне степей с более благоприятным климатом Городовиковском — были проведены первые археологические исследования и тем самым закрыты белые пятна на карте древней истории региона. Все археологические исследования были проведены в целях охраны и спасения памятников недвижимости в зонах строительства крупных межрегиональных и мелких, локального значения, хозяйственных объектов. Строительные проекты оказались весьма разнообразными: нефте- и газопроводы, автомобильные дороги, гидросооружения (такие, как резервуар чистой воды, канал), а также высоковольтная линия электропередач.

В рассматриваемый в данной работе период на территории республики были раскопаны 117 курганов, содержащих 413 погребений, то есть в среднем по 10 курганов с 34,4 погребениями в год. Если сравнивать их с данными предыдущих годов, то там был охвачен период с 1929 г. по 1997 г., что составило 68 лет или раскопочных сезонов, когда были раскопаны 1 259 курганов и 3 885 погребений, то есть в среднем по 18,5 кургана с 57,1 погребениями в год. Собранный материал можно рассматривать как выборку, отражающую закономерности генеральной совокупности.

Сокращения

бронз. — бронзовый век
золотоордын. — золотоордынский период
кат. — катакомбная культура
позд. — поздний(ая)
позднебронз. — поздний бронзовый век
позднекат. — поздняя катакомбная культура
позднесарм. — поздняя сарматская культура
позднесредн. — позднее средневековье
позднеямн. — поздняя ямная культура
раннекат. — ранняя катакомбная культура
раннесруб. — ранняя срубная культура
р. ж. в. — ранний железный век
сарм. — сарматская культура
скиф. вр. — скифское время
ср. бронз. — средний бронзовый век
средневек. — средневековая эпоха
северокавказ. — северокавказская культура
сруб. — срубная культура
ямн. — ямная культура
ямно-кат. — ямно-катакомбная группа

Литература

- Батиева 2012 — *Батиева Е. Ф.* Историческая динамика антропогенного присутствия в дельте Дона // Экологическая безопасность приморских регионов (порты, берегозащита, рекреация, марикультура): мат–лы Междунар. научн. конф., посвящ. 150-летию Н. М. Книповича (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июня 2012 г.). Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 56–59.
- Буратаев 2018 — *Буратаев Е. Г.* Половецкие «бабаи» в коллекции Национального музея Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4(8). С. 9–25.
- Буратаев 2020 — *Буратаев Е. Г.* Геометрические и зооморфные каменные скульптуры из фондов Национального музея Республики Калмыкия // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 602–619.
- Кекеев, Буратаев 2016 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Свод археологических памятников Кумо-маньчской впадины (1965–1967 гг.) Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 352 с.

- Кольцов 1985 — *Кольцов П. М.* Новые памятники неолита и энеолита Черных земель // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 34–42.
- Минаева 1955 — *Минаева Т. М.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 59. С. 46–53.
- Могильник *Манджукины* 1999 — Могильник *Манджукины-1* — памятник эпохи бронзы – раннего железного века в Калмыкии (опыт комплексного исследования) / отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ; Элиста: КИСЭПИ, 1999. 94 с.
- Могильники *Му-Шарет* 2001 — Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование / отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ; Элиста: КИСЭПИ; Каспийский трубопроводный нефтяной консорциум, 2001. 132 с.
- Могильник *Островной* 2002 — Могильник *Островной*. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / сост. и ред. Н. И. Шишлиной и Е. В. Цуцкина. М.: ГИМ; Элиста: КИСЭПИ, 2002. 325 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ИД «Герел», 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Городовиковского района Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4(8). С. 84–100.
- Синицын Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории КалмАССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды КНИИЯЛИ. Калм. респ. краевед. музей. Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 1–118.
- Шишлина 1989 — *Шишлина Н. И.* Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // Советская археология. 1989. Вып. 3. С. 231–236.
- Шишлина 2002 — *Шишлина Н. И.* Краткий отчет о раскопках могильника Бага-Туктун (Бага Бурул) в Яшалтинском районе Республики Калмыкия в 2002 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 78, 79.

**Археологические погребальные памятники
волго-маньчских степей
(по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.)**

1. Манджикины 1. 1998

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: могильник располагался на водораздельном холме треугольной формы, вытянутом по линии северо-восток – юго-запад. Максимальная высота холма составила 143,2 м над уровнем моря. Группа протянулась по линии северо-восток – юго-запад и представляла собой цепочку из 17 курганов. В 2 км к юго-западу от курганной группы находится кошара Манджикины, а в 20 км к северу — поселок Ики-Бурул.

Год раскопок: 1998.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего: 17 курганов.

Раскопано курганов/погребений — 2/8.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 3 — 3/1 (кат.); 3/2 (основное — ям.); 3/3 (кат.); 3/4 (позд. бронз. (сруб.?); 3/5 (сруб.). Курган 4 — 4/1 (основное — ранний этап позд. бронз.); 4/2 (эпоха бронз. века).

Итого: 7 погребений, из них 1 ямное, 2 катакомбных, 2 срубных.

Погребение раннего железного века:

Курган 4 — 4/3 (сарм.).

Итого: 1 погребение.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Источник: Могильник *Манджикины-1* — памятник эпохи бронзы – раннего железного века в Калмыкии (опыт комплексного исследования) / отв.ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ; Элиста: КИСЭПИ, 1999. 94 с.

2. Му-Шарет 1. 1998–1999

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: могильник располагался на восточном склоне всхолмления, на гребне водораздела, между балками Му-Шарет с юга и Чилюта — с севера. Могильник состоял из 8 курганных насыпей.

Год раскопок: 1998–1999.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего: 8 курганов.

Раскопано курганов/погребений — 5/9

Погребения эпохи бронзы:

Курган 2 — 2/1 (ямн.); 2/3 (основное — раннесеверокавказское время (ср. бронз.). Курган 3 — 3/1 (основное — ямн.). Курган 7 — 7/1 (основное — сруб.). Курган 8 — 8/1 (основное — ямн.); 8/3 (ямно-кат. (ср. бронз.)).

Итого: 6 погребений, из них 3 ямных, 1 ямно-катакомбное, 1 срубное.

Погребения раннего железного века:

Курган 8 — 8/2 (сарм.).

Итого: 1 погребение.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 4 — 4/1 (основное — золотоордын.).

Итого: 1 погребение.

Погребения неопределенные:

Курган 2 — 2/2.

Итого: 1 погребение.

Источник: Могильники *Му-Шарет* в Калмыкии: комплексное исследование. / отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ; Элиста: КИ-СЭПИ; Каспийский трубопроводный нефтяной консорциум, 2001. 132 с.

3. *Му-Шарет* 4. 1998–1999

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: могильник располагается на небольшом всхолмлении, ориентированном по линии запад-восток, являющемся водоразделом между балкой Гашун-Сала, расположенной на юге, и балкой Арадък, расположенной на севере. Высота над уровнем моря этого небольшого плато — 160 м. Всего в 7 км к юго-востоку расположена гора Шаред, высота которой над уровнем моря составляет 222 м. Могильник состоял из 12 курганных насыпей, протянувшихся с запада на восток, отклоняясь к югу (курганы 1, 3–6) и далее по линии северо-запад – юго-восток (курганы 2, 7–12).

Год раскопок: 1998–1999.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего: 12 курганов

Раскопано курганов/погребений — 6/16.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/2 (позднеямн.); 1/3 (ямн.); 1/4 (ямн.); 1/5 (основное — ямн.). Курган 2 — 2/1 (основное — кат.). Курган 4 — 4/1 (основное — сруб.). Курган 6 — 6/2 (основное — ямн.); 6/3 (основное — ямн.). Курган 7 — 7/1 (основное — ямн.). Курган 8 (основное — ямн.).

Итого: 10 погребений, из них 7 ямных, 1 позднеямное, 1 катакомбное, 1 срубное.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1 (сарм.). Курган 8 — 8/2.

Итого: 2 погребения, из них 1 сарматское.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 6 — 6/1 (позднесредн.); 6/4 (позднесредн.); 6/5 (позднесредн.).

Итого: 3 погребения, все позднесредневековые.

Современное погребение:

Курган 2 — 2/2 (впускное, в насыпь — XVII в.).

Итого: 1 погребение.

Источник: Могильники *Му-Шарет* в Калмыкии: комплексное исследование / Отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ; Элиста: КИ-СЭПИ; Каспийский трубопроводный нефтяной консорциум, 2001. 132 с.

4. Черноземельский I. 1999

Черноземельский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганный могильник расположен на невысоком естественном всхолмлении, вытянутом по линии восток-запад, расстояние между крайними курганами составляло 180 м. Насыпи стояли ровной цепочкой по линии восток-запад.

Год раскопок: 1999.

Автор раскопок: В. А. Лопатин.

Всего 7 курганов

Раскопано курганов/погребений — 7/46.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 3 — 3/4 (основное — кат.). Курган 4 — 4/3 (кат.); 4/4 (кат.); 4/5 (кат.); 4/7 (раннесруб.); 4/10 (кат.); 4/11 (позд.бр.); 4/12 (кат.); 4/13 (кат.); 4/14 (кат.); 4/15 (кат.); 4/16 (раннесруб.); 4/18 (основное (?)) — раннекат.); 4/19 (кат.); 4/23 (позд. бронз.); 4/25 (основное — раннекат.); 4/27 (кат.); 4/28 (кат.); 4/29 (кат.); 4/30 (кат.); 4/31 (кат.); 4/32 (позднекат.); 4/33 (кат.); 4/34 (кат.); 4/35 (кат.); 4/36 (кат.). Курган 7 — 7/1 (основное — сруб.)

Итого: 27 погребений, из них 22 катакомбные, 2 раннесрубные, 1 срубное, 2 погребения поздней бронзы.

Погребения раннего железного века:

Курган 2 — 2/2 (основное — среднесарм.). Курган 3 — 3/3 (скиф. вр.). Курган 4 — 4/6 (скиф. вр.); 4/8 (позднесарм.); 4/9 (скиф. вр.); 4/17 (новочеркасский вариант); 4/21; 4/22. Курган 5 — 5/1 (основное — сарм.)

Итого: 9 погребений, из них 3 скифского времени, 2 сарматские, 1 позднесарматское.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (осн. — позднесредн.). Курган 2 — 2/1 (осн. — позднесредневек.). Курган 3 — 3/1 (позднесредневек.); 3/2 (позднесредн.). Курган 4 — 4/2 (золотоорд.); 4/24. Курган 7 — 7/2 (позднесредн.)

Итого: 7 погребений, из них 1 золотоордынское, 5 позднесредневековых.

Погребения неопределенные:

Курган 4 — 4/1; 4/20; 6/1.

Итого: 3 погребения.

Источник: Охранные исследования в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 23817.

5. Черноземельский 2. 1999.

Черноземельский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: погребение на дюне близ фермы 2 совхоза Черноземельский.

Год раскопок: 1999.

Автор раскопок: В. А. Лопатин.

Всего 1 погребение на дюне, позднесредневековое.

Многочисленные находки в дюне: кольцо железное, микропластины, фрагмент лепного ямного сосуда. Вдоль Черноземельского канала — находка копья бородинского облика XVII–XVI вв.

Источник: Охранные исследования в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 23817.

6. Колтан-Нур 1. 1999

Черноземельский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: группа расположена на трассе строящегося нефтепровода «Тенгиз-Новороссийск» в 7 км к северо-западу от п. Лагань Черноземельского района Республики Калмыкия на южном берегу соленого озера Колтан-Нур. В группе единственный курган.

Год раскопок: 1999.

Автор раскопок: В. А. Лопатин.

Раскопано курганов/погребений — 1/2.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (основное — позднесредн.)

Итого: 1 погребение

Современное погребение:

Курган 1 — 1/2

Итого: 1 погребение.

Источник: Охранные исследования курганных могильников *Колтан-Нур 1, 2* в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 23810.

7. Колтан-Нур 2. 1999.

Черноземельский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: группа состоит из 4 курганов на небольшом всхолмлении, у южного берега озера, курганы расположены в виде зигзагообразной линии, ориентированной по линии запад – восток.

Год раскопок: 1999.

Автор раскопок: В. А. Лопатин.

Раскопано курганов/погребений — 4/3. Курган 4 разрушен скотомогильником.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (основное — позднесредневек.). Курган 2 — 2/1 (основное — позднесредневек.). Курган 3 — 3/1 (основное — позднесредневек.).

Итого: 3 погребения, все позднесредневековые.

Источник: Охранные исследования курганных могильников *Колтан-Нур 1, 2* в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 23810.

8. Островной. 2000

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: могильник располагался на трассе нефтепровода Тенгиз-Новороссийск, на острове, образованном при сли-

янии реки Калаус и реки Восточный Маныч. Состоял из 17 курганов, вытянутых по линии север – юг.

Год раскопок: 2000.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 17.

Раскопано курганов/погребений — 5/71.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 3 — 3/2 (сруб.); 3/6 (сруб.); 3/7 (кенотаф — кат.); 3/8 (кенотаф — кат.); 3/9 (кенотаф — кат.); 3/10 (кат.); 3/11 (сруб.); 3/12 (сруб.); 3/15 (кат.); 3/16 (позднекат.); 3/17 (кенотаф — кат.); 3/21 (кат.); 3/23 (кат.); 3/24 (кат.); 3/25 (кенотаф (?)); 3/26 (северокавказ.-кат.); 3/27 (основное для насыпи 3 — кат.); 3/28 (кат); 3/29 (кат.); 3/30 (кат.); 3/31 (кенотаф — кат.); 3/32 (кат.); 3/33 (основное — ямн.); 3/34 (основное — ямн.); 3/36 (северокавказ.); 3/37 (раннекат.); 3/38 (кат.); 3/39 (сруб.); 3/40 (кат.).
Курган 6 — 6/1 (кат.); 6/4 (основное — сруб.); 6/5 (сруб.); 6/6 (кат.); 6/8 (сруб.); 6/9 (сруб.); 6/10 (кат.); 6/11 (позднеямн.); 6/12 (кат.); 6/13 (кат.).
Курган 7 — 7/2 (сруб.); 7/3 (сруб.); 7/4; 7/7 (позднекат.); 7/9 (основное — кат.); 7/10 (кат).
Курган 12 — 12/2 (позднекат. или сруб.); 12/3 (основное — позднекат. или сруб.); 12/4 (позднекат. или сруб.).

Итого: 48 погребений, из них 3 ямных, 24 катакомбных, 11 срубных.

Погребения раннего железного века:

Курган 3 — 3/3 (сарм.); 3/4 (р.ж.в. или средневековье (?)); 3/13 (сарм.); 3/14 (сарм.); 3/18 (сарм.); 3/20 (р.ж.в. или средневековье (?)); 3/22. Курган 6 — 6/3; 6/7. Курган 7 — 7/5; 7/8; 7/12 (киммерийское время). Курган 12 — 12/1; 12/5. Курган 14 — 14/1.

Итого: 15 погребений, из них 4 сарматских, 1 киммерийское.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 3 — 3/35. Курган 6 — 6/2. Курган 7 — 7/1; 7/6; 7/11.

Итого: 4 погребения.

Погребения неопределенные:

Курган 3 — 3/1; 3/5; 3/19. Курган 6 — 6/2.

Итого: 4 погребения.

Источник: Могильник *Островной*. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / сост. и ред. Н. И. Шишлиной и Е. В. Цуцкина. М.: ГИМ; Элиста: КИСЭПИ, ГУ «Археол. лаб.», 2002. 325 с.

9. Зунда-Толга 2. 2001

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа состоит из двух курганов. Курган 1 расположен с северо-восточной стороны автодороги напротив «ПК-122 л 5,0» на расстоянии 20 м от внешнего края кювета до юго-западного внешнего края около курганного ровика. Возведен на возвышенной части высокой надпойменной террасы левого берега р. Восточный Маныч (ныне Чограйское водохранилище) в 0,8 км к северо-западу от п. Зунда-Толга. Над курганом по направлению северо-запад – юго-восток проходит линия высоковольтной электропередачи. Курган 2 находится западнее к. 1 с юго-западной стороны автодороги в 33 м от внешнего края кювета близ «ПК-120 л 6,0» на краю высокой надпойменной террасы левого берега р. Восточный Маныч в 0,9 км к северо-западу от п. Зунда-Толга.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина

Всего курганов: 2.

Раскопано курганов/погребений — 2/9.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (основное — раннекат.); 1/4 (кат.); 1/5 (кат.).

Итого: 3 погребения, все катакомбные.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/2 (впускное, в насыпи); 1/3 (впускное, в насыпи).

Итого: 2 погребения.

Погребения неопределенные:

Курган 2 — 2/1; 2/2; 2/3; 2/4.

Итого: 4 погребения.

Источник: Отчет по результатам охранно-археологических исследований (разведок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 5 от 26.06.2001г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 72

Отчет по результатам охранно-археологических исследований (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67

п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 6 от 26.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 73.

10. Зунда-Толга 3. 2001

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа была расположена на расстоянии 20 км к юго-западу от п. Зунда, недалеко от дамбы, перекрывающей русла рек Восточный Маныч и Калаус.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 2.

Раскопано курганов/погребений — 2/15.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (кат.); 1/2 (кат.); 1/3 (кат.); 1/4 (основное для насыпи 2 — позднемн.); 1/5 (сруб.); 1/6 (кат. (?); 1/7 (ямн.); 1/8 (ямн.); 1/9 (основное для насыпи 1, кенотаф — среднебронз.); 1/10 (ямн.); 1/11 (раннекат.). Курган 2 — 2/2 (сруб.); 2/3 (поздний этап бронзового века); 2/4 (основное — северокавказская культура)

Итого: 14 погребений, из них 4 ямных, 5 катакомбных, 2 срубных.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья: нет.

Погребения неопределенные:

Курган 2 — 2/1.

Итого: 1 погребение.

Источник: Отчет по результатам охранно-археологических исследований (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 8 от 22.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 77.

11. Зунда-Толга 4. 2001

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа включает три кургана, расположенных компактно с северо-восточной стороны грейдера по ли-

нии северо-запад-запад – юго-восток-восток на участке «ПК-108 л 4,0» +/- 100 м, расположена на краю высокой надпойменной террасы левого берега р. Восточный Маныч в 2,8 км к северо-западу от п. Зунда-Толга. Могильник частично разрушен существующим к началу строительства грейдером — юго-западная пола наиболее крупного и ценного в научном и культурно-историческом плане кургана 1 полностью срезана кюветом. С восточной стороны группа ограничена двумя линиями высоковольтных электропередач, идущих параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 3.

Раскопано курганов/погребений — 3/9.

Погребения бронзового века:

Курган 2 — 1/2 (основное — кат.); Курган 3 — 3/1 (основное — кат.)

Итого: 2 погребения, все катакомбные.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1; 1/3; 1/4. Курган 2 — 2/1.

Итого: 4 погребения.

Источники: Отчет по результатам охранно-археологических исследований (разведок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (По договору № 5 от 26.06.2001 г. между ГУ Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 72.

Отчет по результатам охранно-археологических исследований (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 6 от 26.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 74.

Шишлина Н. И. Отчет об исследовании Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ в РК в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 25280.

12. Зунда-Толга 5. 2001

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа расположена с юго-западной стороны автодороги напротив «ПК-103 л 25» на краю высокой надпойменной террасы левого берега р. Восточный Маныч в 3 км к северо-западу от п. Зунда-Толга. Группа состоит из трех насыпей, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток, удаленных от внешнего края кювета грейдера на 40 км к юго-западу.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 3 (в кургане 3 погребений нет).

Раскопано курганов/погребений — 2/7.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (позднекат.); 1/2 (сруб.); 1/4 и 5 (раннекат.); 1/6 (основное для насыпи 2 — кат.); 1/7 (основное — ямно-кат.). Курган 2 — 2/1 (основное — ранняя северокавказ. культура).

Итого: 7 погребений, 1 ямно-катакомбное, 5 катакомбные, 1 срубное.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья: нет.

Источники: Отчет по результатам охранно-археологических исследований (разведок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 5 от 26.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 72.

Отчет по результатам охранно-археологических исследований (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору № 5 от 26.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 73.

13. Зунда-Толга 6. 2001

Ики-Бурульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа расположена в 6 м от внешнего северо-восточного края кювета грейдера, в непосредственном месте поворота грейдера из п. Зунда-Толга на север в сторону г. Элисты, в промежутке между пикетами «90+50 м» – «98+50 м», на краю высокой

надпойменной террасы левого берега р. Восточный Маныч напротив дорожного знака «77 км» грейдера «Элиста – Зунда-Толга» и в 3,3 км к северо-востоку от п. Зунда-Толга.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 5.

Раскопано курганов/погребений — 5/12.

Погребения бронзового века:

Курган 1 — 1/2 (основное — ямное); 1/4 (ямно-кат). Курган 2 — 2/1 (основное — ямно-кат.); 2/2 (кат.). Курган 3 — 3/1 (основное — кат.). Курган 4 (полностью разрушен) — 4/1 (кат.).

Итого: 6 погребений, из них 3 ямные, 3 катакомбные.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1 (сарм.); 1/3 (сарм.).

Итого: 2 погребения, оба сарматские.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 3 — 3/2. Курган 5 (полностью разрушен) — 5/1.

Итого: 2 погребения

Неопределенные погребения:

Курган 2 — 2/3. Курган 5 — 5/2.

Итого: 2 погребения.

Источник: Отчет по результатам охранно-археологических исследований (разведок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (По договору № 5 от 26.06.2001 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 72.

Отчет по результатам охранно-археологических исследований (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Элиста – Зунда-Толга – Арзгир – Минеральные воды» на участке км 67 п. Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия (по договору №9 от 17.09.2001г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория»). Элиста, апрель 2001 // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 75.

14. Бага-Тугтун (Бага-Бурул). 2001

Яшалтинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа из 9 курганов, протянувшихся по вершине водораздела по линии запад – восток, располагалась по трассе Яшалта – Бага-Тугтун. Несколько курганов было разрушено при строительстве дороги тяжелой техникой.

Год раскопок: 2001.

Автор раскопок: Н. И. Шишлина.

Всего курганов: 9.

Раскопано курганов/погребений — 4/30. (Курганы 1, 3, 4 и 5)

Погребение эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (кат.); 1/2 (основное — кат.); 1/3 (финал эпохи средней бронзы). Курган 4 — 4/1 (основное для насыпи 1 — кат.); 4/3 (позднелебронз.). Курган 5 — 5/2 (сруб.); 5/3 (сруб.); 5/4 (сруб.); 5/5 (впускное в насыпь 1, основное для насыпи 2 — кат.); 5/6 (раннекат.); 5/7 (жертвенник — кат.); 5/8 (кат.); 5/9 (кенотаф — раннекат.); 5/11 (кат.); 5/12 (кат.); 5/16 (раннекат.); 5/19 (основное для насыпи 1 — кат.); 5/20 (кат.); 5/21 (кат.).

Итого: 19 погребений, из них 14 катакомбных, 3 срубных.

Погребения раннего железного века:

Курган 5 — 5/10; 5/13; 5/14; 5/15; 5/17; 5/18 (сарм.).

Итого: 6 погребений, из них 1 сарматское.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 3 — 3/1 (основное — золотоордын.); 3/2 (золотоордын.). Курган 4 — 4/2 (основное для насыпи 2 — средневеков.).

Итого: 3 погребения, из них 2 золотоордынских.

Погребения неопределенные:

Курган 4 — 4/2. Курган 5 — 5/1.

Итого: 2 погребения.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (разведок и раскопок) в зоне строительства участка км 0 – км 10 автодороги «Яшалта – Бага-Тугтун» в Яшалтинском районе Республики Калмыкия (по договорам № 9, 10 от 22.05.2001 г.) // НА КалмНИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 78.

15. Утта 1. 2002

Яшкульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: могильник *Утта 1* располагался в зоне строительства автодороги «Утта – Привольное» на участке км 0 – км 15 в Яшкульском районе.

Год раскопок: 2002.

Автор раскопок: Е. В. Цуцкин.

Всего курганов: 1.

Раскопано курганов/погребений — 1/1.

Погребение эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (основное, в материке — золотоордын.).

Итого: 1 погребение.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (раскопок) памятников истории и культуры в зоне строительства автодороги «Утта – Привольное» на участке км 0 – км 15 в Яшкульском районе Республики Калмыкия (по договору № 3 от 22.05.2002 г.) // НА КалмНИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 80.

16. Улан-Хееч. 2002

Яшкульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа находится в 1,5 км к юго-западу от пос. Привольное (с-з «Улан-Хееч») Яшкульского района Республики Калмыкия и в 15 м к западу от автодороги «Утта – Привольное» (ПК-157 – ПК-158).

Год раскопок: 2002.

Автор раскопок: П. М. Кольцов.

Всего курганов: 6.

Раскопано курганов/погребений — 6/18.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/3 (сруб.); 1/4 (кат.); 1/5 (кат.); 1/6 (впускное, в насыпи — кат.); 1/7 (основное — кат.). Курган 2 — 2/2 (возможно, кат.); 2/3 (возможно, ранняя бронз.); 2/4 (сруб.); 2/5 (основное — кат.). Курган 6 — 6/1 (в материке — ямн.).

Итого: 10 погребений, из них 1 ямное, 6 катакомбных, 2 срубных.

Погребения раннего железного века:

Курган 4 — 4/1 (основное — сармат.). Курган 5 — 5/1 (основное — сарм.).

Итого: 2 погребения, все сарматские.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (IX–XIV вв.); 1/2. Курган 2 — 2/1; 2/6; 2/7 (возможно, средневек.?). Курган 3 — 3/1 (основное — «погребение аланского мальчика»).

Итого: 6 погребений.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (раскопок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Утга – Привольное» на участке км 15 – Привольный в Яшкульском районе Республики Калмыкия (по договору № 4 от 22.05.2002 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория») // НА КалмНИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 81.

17. Кануково. 2002

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа из 46 курганов, вытянутых по линии юго-восток – северо-запад, протяженностью 530 м на южной окраине п. Кануково Сарпинского района Республики Калмыкия в зоне проектируемого строительства участка км 0 – км 12 автодороги «Кануково – Шарнут».

Год раскопок: 2002.

Автор раскопок: П. М. Кольцов.

Всего курганов: 46.

Раскопано курганов/погребений — 5/22.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 7 — 7/2 (основное — ямн.); 7/3 (сруб.). Курган 6 — 6/5 (основное для насыпи 3 — эпоха бронзы); 6/6 (основное для насыпи 2 — ямн.); 6/7 (эпоха бронзы); 6/8 (основное — ямн.).

Итого: 6 погребений, из них 3 ямных, 1 срубное.

Погребения раннего железного века:

Курган 7 — 7/1. Курган 11 — 11/1 (основное — предскифское время); 11/2 (предскифское время). Курган 13 — 13/1 (основное — сарм.). Курган 1 — 1/1, 1/ 2, 1/3, 1/ 4, 1/5, 1/6 (основное). Курган 6 — 6/2 (сарм.); 6/3 (сарм.); 6/4 (сарм.); 6/10 (сарм.).

Итого: 14 погребения, из них 2 предскифских; 5 сарматских.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Неопределенные погребения:

Курган 6 — 6/1.

Итого: 1 погребение.

Современные погребения:

Курган 6 — 6/9 (историческое время).

Итого: 1 погребение.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (раскопок) памятников истории и культуры

в зоне проектирования к строительству автодороги «Кануково – Шарнута» в Сарпинском районе Республики Калмыкия (по договору № 7 от 22.05.2002 г. между ГУ «Калмдор» и ГУ «Археологическая лаборатория») // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 83.

18. Маньчский 1. 2004

Яшалтинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа из трех курганов находится в 5,5 км к северу от с. Яшалта районного центра Яшалтинского района РК и в 4,5 км к югу от п. Маньчский по трассе строящейся автодороги «Яшалта – Маньчский» (ПК-55) на гребне возвышенности в долине Маньчской впадины.

Год раскопок: 2004.

Автор раскопок: В. В. Яценко.

Всего курганов: 3.

Раскопано курганов/погребений — 2 /21.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (сруб.); 1/2 (сруб.); 1/3 (сруб.); 1/4 (сруб.); 1/5; 1/6 (впускное, в насыпи); 1/7 (кат.); 1/9; 1/10 (сруб.); 1/11 (сруб.); 1/13 (впускное, в материке — кат.); 1/14 (кенотаф — кат.); 1/15; 1/17 (кат.); 1/18 (основное — раннекатакомбная культура).

Итого: 15 погребений, из них 1 раннекатакомбное, 4 катакомбных, 6 срубных.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/12 (сарм. 2 погребения (2 скелета) верхний и нижний горизонты — отражает обряд преднамеренного дозахоронения в ранее имевшуюся могилу); 1/16 (сарм.); 1/19 (сарм.).

Итого: 4 погребения, все сарматские.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 2 — 2/1 (основное, в материке — золотоордын.).

Итого: 1 погребение.

Погребения неопределенные:

Курган 1 — 1/8 (впускное, в насыпи, детское).

Итого: 1 погребение.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (раскопок) памятников истории и культуры, расположенных в зоне строящейся автодороги «Яшалта – Маньчский» в Яшалтинском районе Республики Калмыкия (по договору № 5 от 22.05.2004 г.

между Комитетом по управлению автомобильными дорогами Республики Калмыкия и ГУ «Археологическая лаборатория») // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 87.

19. Яшкуль – Олинг 3. 2004

Яшкульский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа из пяти курганов расположена в 0,5 км к северо-востоку от окраины п. Яшкуль — районного центра Яшкульского района Республики Калмыкия и в 1,–1,3 км к северу от ПК-0 строящейся автодороги «п. Яшкуль – п. Олинг» на небольшой возвышенности на юго-восточном берегу оз. Яшкуль в северной части Черных земель.

Год раскопок: 2004.

Автор раскопок: В. В. Верещагин.

Всего курганов: 5.

Раскопано курганов/погребений — 2/3.

Курган 4 — погребения были разрушены при строительстве дороги, реконструировать обряд и их культурную принадлежность можно только в общих чертах. В кургане было погребено, по крайней мере, два взрослых человека. Судя по сохранности костей, фрагментам лепной керамики и характеру ритуального жертвоприношения, курган был насыпан в эпоху средней фазы бронзового века.

Курган 5 — погребение находилось в центре кургана 5 и было уничтожено при сооружении огневой позиции. Поэтому реконструировать погребальный обряд, определить датировку и культурную принадлежность можно только относительно: один из периодов бронзового века — III–II тысячелетие до н. э.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 4 — 2 погребения. Курган 5 — 1 погребение.

Итого: 3 погребения.

Источник: Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (разведок и раскопок) памятников истории и культуры, расположенных в зоне работ по приведению в нормативное состояние сельской автомобильной дороги «п. Яшкуль – п. Олинг» в Яшкульском районе Республики Калмыкия (по договору № 07/5 от 08.07.2004 г. между Комитетом по управлению автомобильными дорогами Республики Калмыкия и ГУ «Археологическая лаборатория») // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 86.

20. Красномихайловский 1. 2005

Яшалтинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа из 2-х курганов находится в 26 км к юго-востоку от с. Яшалта (районный центр) и в 1,7 км к северу от с. Красномихайловское Яшалтинского района Республики Калмыкия, с западной стороны автодороги «Соленое – Джалга» на склоне северного борта балки, протянувшейся с запада на восток к долине р. Джалга.

Год раскопок: 2005.

Автор раскопок: П. М. Кольцов.

Всего курганов: 2.

Раскопано курганов/погребений — 1/15.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/7 (кат.), 1/8 (кат.), 1/9 (кат.), 1/10 (кат.), 1/12 (позднекат.), 1/13 (кат.), 1/14 (кат.), 1/15 (основное — ямно-кат.).

Итого: 8 погребений, из них 1 ямно-катакомбное, 4 катакомбных.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/2, 1/3, 1/4.

Итого: 3 погребения.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1, 1/6 (золотоордын.).

Итого: 2 погребения.

Погребения неопределенные:

Курган 1 — 1/5 (впускное), 1/11 (впускное).

Итого: 2 погребения.

Источник: Исследование курганов и старокалмыцких поселений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.) / П. М. Кольцов, И. И. Дремов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 48–58.

21. Курган Элиста-Аршань. 2006

Целинный район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: в зоне строительства резервуара чистой воды на южной окраине г. Элиста. Памятник *Элиста-Аршань* расположен на пустыре в 50 м к югу от объездной дороги с южной стороны города. С северной стороны объездной дороги начинается жилая зона города, расположены частные дома. В 1 км к юго-западу от курганов находится «старый» хурул, в 2 км — п. Аршань.

Год раскопок: 2006.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Раскопано курганов/погребений — 1/3.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (основное — кат.); 1/2 (кат.).

Итого: 2 погребения, все катакомбные.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/3.

Итого: 1 погребение.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ветки газопровода у с. Садовое и кургана в зоне строительства резервуара чистой воды на южной окраине г. Элисты в Республике Калмыкия в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

22. Садовое 1. 2006

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: Курганная группа *Садовое 1*, состоящая из 8 курганов, была расположена в 1,5–2 км к востоку от границы Республики Калмыкия и Волгоградской области.

Год раскопок: 2006.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего: 8 курганов

Раскопано курганов/погребений — 4/2. Курган 1 — пустой, курган 2 — пустой.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 3 — 3/1 (возможно, хазарское, разрушено); курган 4/1(разрушено).

Итого: 2 погребение, из них 1 хазарское.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ветки газопровода у с. Садовое и кургана в зоне строительства резервуара чистой воды на южной окраине г. Элисты в Республике Калмыкия в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

23. Садовое 2. 2006

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: расположено там же, где курганная группа *Садовое 1*. Одиночный курган.

Год раскопок: 2006.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего: 1 курган, одиночный
Раскопано курганов/погребений — 1/1.

Погребения эпохи бронзы: нет

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1.

Итого: 1 погребение

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ветки газопровода у с. Садовое и кургана в зоне строительства резервуара чистой воды на южной окраине г. Элисты в Республике Калмыкия в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

24. Садовое 3. 2006

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: расположено там же, где курганная группа *Садовое 1*.

Год раскопок: 2006.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего: 3 кургана.

Раскопано курганов/погребений — 3/0.

Курган 1 — пустой, курган 2 — пустой, курган 3 — пустой.

Погребения эпохи бронзы: нет

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья: нет.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ветки газопровода у с. Садовое и кургана в зоне строительства резервуара чистой воды на южной окраине г. Элисты в Республике Калмыкия в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

25. Садовое 4. 2006

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: в зоне газопровода. Курганы расположены к западу от с. Садовое. Курганный могильник *Садовое 4* расположен в 16 км к северу от автодороги Садовое – Абганерово, представляет собой компактную группу вокруг кургана 8 с геодезическим знаком. С запада на восток — 110 м, с севера на юг — 70 м.

Год раскопок: 2006.

Автор раскопок: Л. С. Ильюков.

Всего: 8 курганов. Раскопаны все (курган 2 и курган 4 — пустые)

Раскопано курганов/погребений — 6/21.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 8 — 8/8 (кат.); 8/3; 8/5; 8/7; 8/9; 8/11; 8/12; 8/13; 8/14; 8/15; 8/16 — все позднебронз.

Итого: 11 погребений, из них 1 катакомбное, 10 позднебронзовые.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/2 (основное — скиф. вр.). Курган 3 — 3/1 (основное — позднесарм.). Курган 5 — 5/1 (основное — скиф. вр.). Курган 6 — 6/1 (основное — скиф. вр.). Курган 7 — 7/1 (основное — позднесарм.). Курган 8 — 8/2; 8/4.

Итого: 7 погребений, из них 3 скифского времени, 2 позднесарматские.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 8 — 8/10 (позднесредн.).

Итого: 1 погребение.

Погребения неопределенные:

Курган 1 — 1/1. Курган 8 — 8/1.

Итого: 2 погребения.

Источник: Ильюков Л. С. Отчет об исследовании курганов в Сарпинском районе Республики Калмыкия (курганный могильник *Садовое-4*) в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

26. Садовое 1. 2007

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа расположена на высоком гребне Ергенинской возвышенности в 3,6 км к северу от с. Садовое. Гребень тянется в направлении северо-запад – юго-восток. Группа расположена на восточной оконечности гребня и тянется цепочкой по центру оконечности в широтном направлении с некоторым отклонением на юго-восток.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: М. А. Очир-Горяева.

Всего: 2 кургана.

Раскопано курганов/погребений — 2/2.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1 (сарм.). Курган 2 — 2/1 (сарм.)

Итого: 2 погребения, все сарматские.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Источник: Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 142–181.

27. Садовое 2. 2007

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курган был расположен на самой высокой точке отрога Ергенинской возвышенности. Гребень возвышенности тянется в направлении северо-запад – юго-восток. Автомобильная трасса Элиста – Волгоград пересекает гребень в 500–600 м к западу от кургана.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: М. А. Очир-Горяева.

Всего: 1 курган.

Раскопано курганов/погребений — 1/1.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1 (сарм.).

Итого: 1 погребение.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Источник: Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 182–200.

28. Садовое 4. 2007

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курган находился в 10 км к югу от с. Садовое по трассе Волгоград – Элиста, в 300 м к востоку от этой трассы.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: В. В. Верещагин.

Всего: 1 курган (пустой).

29. Садовое 5. 2007

Сарпинский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: одиночный курган в 500 м на северо-восток от поворота на с. Садовое с автотрассы Волгоград – Элиста, на гребне водораздела между балками Зельмень (Север) и большая Суха (по Югу).

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: В. В. Верещагин.

Всего: 1 курган.

Раскопано курганов/погребений — 1/1

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья: 1/1.

Итого: 1 погребение.

Источник: Верещагин В. В. Отчет об охранных раскопках курганного могильника *Малые Дербеты-1* на территории Малодербетовского района, курганов *Садовое-5* и *Садовое-6* на территории Сарпинского района РК в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 47005.

30. Кетченеры 1. 2007

Кетченеровский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганные группы Кетченеры 1 и 2 расположены в 3,5 и 4,5 км к северо-востоку от райцентра — с. Кетченеры. Расстояние между памятниками составляет около 1 км. Курганы расположены на южном склоне водораздела между двумя овражными системами.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего: 3 кургана.

Раскопано курганов/погребений — 1/5.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/2 (кат.); 1/3 (кат.); 1/4 (кат.); 1/5 (кат.).

Итого: 4 погребения, все катакомбные.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Современное погребение:

Курган 1 — 1/1 (XVIII–XX вв.).

Итого: 1 погребение.

31. Кетченеры 2. 2007

Кетченеровский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганные группы *Кетченеры 1* и *Кетченеры 2* расположены в 3,5 и 4,5 км к северо-востоку от райцентра — с. Кетченеры. Расстояние между памятниками составляет около 1 км.

Курганы расположены на южном склоне водораздела между двумя овражными системами.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего: 2 кургана.

Раскопано курганов/погребений — 2/3.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (основное — кат.); 1/2 (кат.). Курган 2 — 2/1 (кат.).

Итого: 3 погребения, все катакомбные.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках курганов у с. Кетченеры в Республике Калмыкия в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 47374.

32. Малые Дербеты 1, 2007

Малодербетовский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа находилась в 9,5 км к юго-юго-востоку от с. Малые Дербеты Малодербетовского района Республики Калмыкия.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: В. В. Верещагин.

Всего: 12 курганов (курган 6 и курган 12 — пустые)

Раскопано курганов/погребений — 10/14.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 2 — 2/1 (основное — сруб.). Курган 9 — 9/1 (основное — сруб.).

Итого: 2 погребения, все срубные.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (основное — позднесредневек.). Курган 3 — 3/1 (позднесредн.). Курган 4 — 4/1 (позднесредневек.); 4/2 (основное — позднесредн.). Курган 5 — 5/1 (позднесредневек.); 5/2 (хазар.). Курган 7 — 7/1 (основное — позднесредн.). Курган 8 — 8/1; 8/2 (основное — позднесредн.). Курган 10 — 10/1 (позднесредн.). Курган 11 — 11/1; 11/2 (основное — позднесредн.).

Итого: 12 погребений, из них 1 хазарское, 9 позднесредневековые.

Источник: Верещагин В. В. Отчет об охранных раскопках курганного могильника *Малые Дербеты – 1* на территории Малодербетовского рай-

она, курганов *Садовое-5* и *Садовое-6* на территории Сарпинского района Республики Калмыкия в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 47005.

33. Малые Дербеты 2. 2007

Малодербетовский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа находилась в 6,3 км на юго-восток от с. Малые Дербеты на пологом восточном склоне очередного гребня Ергенинской возвышенности и состояла из 5 курганов, расположенных по склону в меридиальном направлении вдоль западного берега пересыхающей в летнее время речки Пришиб.

Год раскопок: 2007.

Автор раскопок: М. А. Очир-Горяева.

Всего: 5 курганов.

Раскопано курганов/погребений — 2/18.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (кат.); 1/3 (кат.); 1/6 (кат.); 1/7 (кат.); 1/9 (основное — ямно-кат.); 1/10 (кат.); 1/11 (кат.); 1/12 (кат.). Курган 2 — 2/1 (кат.); 2/2 (кат.); 2/3 (кат.); 2/5 (кат.); 2/6 (кат.); 2/7 (основное — ямно-кат.).

Итого: 14 погребений, из них 2 ямно-катакомбные, 12 катакомбные.

Погребения раннего железного века:

Курган 2 — 2/4 (сарм. (?)).

Итого: 1 погребение.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/2; 1/4; 1/5.

Итого: 3 погребения.

Источник: Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 15–141.

34. Ергенинское. 2006–2008

Кетченеровский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: в 800 м на восток от автотрассы Элиста – Волгоград, на восточной окраине поселка Ергенинский, на южном склоне очередного гребня Ергенинской возвышенности, в виде цепочки с юга на север.

Год раскопок: 2006–2008 гг.

Авторы раскопок: М. А. Очир-Горяева, К. Малек.

Всего: 29 курганов (из которых 12 раскопаны в 1981–1986 гг. В. П. Шиловым).

Раскопано курганов/погребений — 2/12.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 13 — 13/1 (основное в насыпи 2 — кат.); 13/2 (основное в насыпи 2 — кат.); 13/3 (кат.); 1/5 (кат.); 13/6 (кат.); 13/7 (кат.); 13/10а, 13/10б (основное — кат.). Курган 14 — 14/1 (основное — кат.).

Итого: 9 погребений, все катакомбные.

Погребения раннего железного века:

Курган 14 — 14/1 (переходное).

Итого: 1 погребение.

Погребения эпохи средневековья: нет.

Погребения современные:

Курган 13 — 13/8.

Погребения неопределенные:

Курган 13 — 13/9 (совр. (?)).

Итого: 1 погребение.

Источник: Очир-Горяева М. А. Отчет об исследовании двух курганов могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2006 г. // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 91.

Очир-Горяева М. А. Отчет о исследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2007 г. // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 92.

Очир-Горяева М. А. Отчет о исследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2008 г. // НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 93.

35. Розенталь 1. 2008

Городовиковский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: одиночный курган расположен в 2,6 км к северо-востоку от с. Розенталь.

Год раскопок: 2008.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Раскопано курганов/погребений — 1/1.

Погребения эпохи бронзы: нет.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья:

Курган 1 — 1/1 (золотоордын.).

Итого: 1 погребение.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках в Городовиковском районе Республики Калмыкия одиночного кургана *Розенталь 1*, курганной

группы *Южная 1* и одиночного кургана *Бурул* в 2008г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 42734.

36. Курганная группа *Южная*. 2008

Городовиковский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: в 2,1 км от п. Южный.

Год раскопок: 2008.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Раскопано курганов/погребений — 6/–.

Все 6 курганов пустые. Только в кургане 3 найдены 3 черепа лошади.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках в Городовиковском районе Республики Калмыкия одиночного кургана *Розенталь 1*, курганной группы *Южная 1* и одиночного кургана *Бурул* в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 42734.

37. *Бурул 1*. 2008

Городовиковский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: одиночный курган в 3 км к востоку от с. Бурул на северном берегу балки Гахин.

Год раскопок: 2008.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Раскопано курганов/погребений — 1/3.

Погребение эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/1 (позднебронз.).

Итого: 1 погребение.

Погребения раннего железного века: нет.

Погребение эпохи средневековья: нет.

Погребения неопределенные:

Курган 1 — 1/2; 1/3.

Итого: 2 погребения.

Источник: Дремов И. И. Отчет о раскопках в Городовиковском районе Республики Калмыкия одиночного кургана *Розенталь 1*, курганной группы *Южная 1* и одиночного кургана *Бурул* в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 42734.

38. *Шатта 1*. 2009

Кетченеровский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа расположена в 22 км к северо-востоку от п. Шатта и 11,5 км — к юго-юго-востоку от п. Алцын-хута.

Год раскопок: 2009.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Раскопано курганов/погребений — 2 /13.

Погребения эпохи бронзы:

Курган 1 — 1/2 (кат.); 1/6 (кат.); 1/7 (основное — ямн.); 1/8 (ямно-кат.); 1/9 (ямно-кат.); 1/10 (ср. бронз.). Курган 2 — 2/3.

Итого: 7 погребений, из них 1 ямное, 2 ямно-катакомбные, 2 катакомбные.

Погребения раннего железного века:

Курган 1 — 1/1 (р. ж. в. или средневек.?). 1/4 (сарм.).

Итого: 2 погребения, из них 1 сарматское.

Погребение эпохи средневековья: нет.

Погребения неопределенные:

Курган 1 — 1/3, 1/5. Курган 2 — 2/1; 2/2.

Итого: 4 погребения.

Источник: Дремов И. И. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала к п. Алцын-хута в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

39. Алцын-хута 1. 2009

Кетченеровский район Республики Калмыкия.

Описание местоположения: курганная группа расположена в 9 км от п. Алцын-хута и в 22,5 км — к северо-востоку от п. Шатта.

Год раскопок: 2009.

Автор раскопок: И. И. Дремов.

Всего курганов: 4 (к. 1, 3, 4 — пустые)

Раскопано курганов/погребений — 4/1.

Погребения эпохи бронзы: нет.

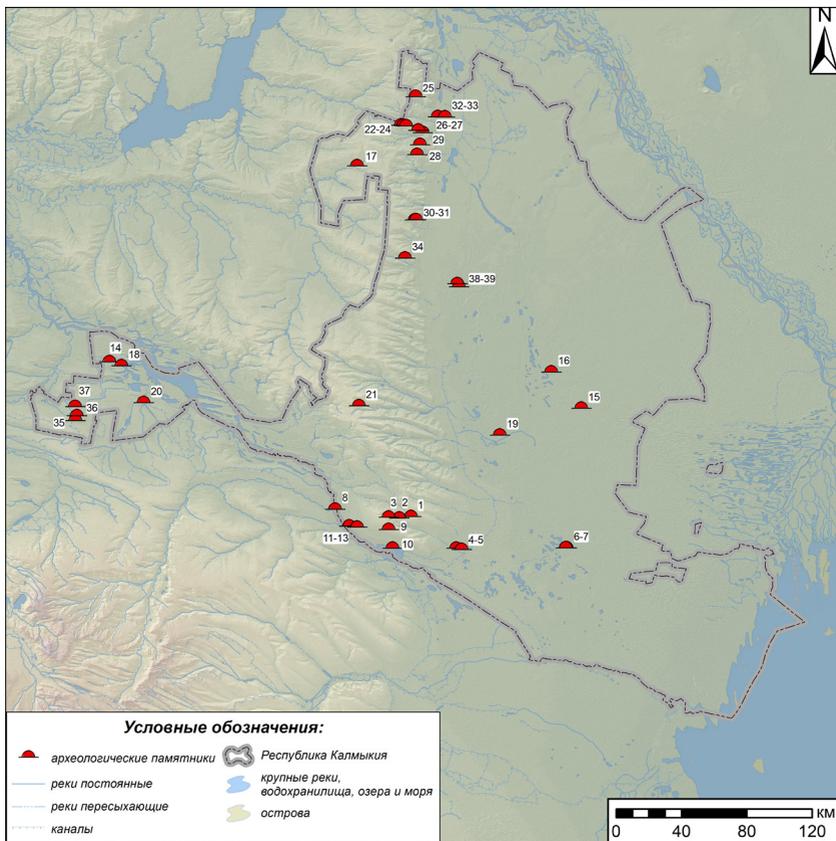
Погребения раннего железного века: нет.

Погребения эпохи средневековья:

Курган 2 — 2/1 (золотоордын.).

Итого: 1 погребение.

Источник: Дремов И. И. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала к п. Алцын-хута в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 36178.

Рис. Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.)
 [Archaeological Burial Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Excavations, 1998–2009]

Таблица 1. Археологические памятники, исследованные на территории Республики Калмыкия в 1998–2009 гг.

Общее количество и культурно-хронологическая принадлежность

[Table 1. Archaeological monuments of Kalmykia explored in 1998–2009. Total number and cultural-chronological affiliation]

№ п/п	Год	Автор	Могильник	Курганов
1	2	3	4	5
1.	1998	Цуцкин Е. В, Шишлина Н. И.	Манджикины 1	2
2.	1998–1999	Шишлина Н. И.	Му-Шарет 1	5
3.	1998–1999	Шишлина Н. И.	Му-Шарет 4	6
4.	1999(1998?)	Лопатин В. А.	Черноземельский 1	7
5.	1999(1998?)	Лопатин В. А.	Черноземельский 2	1
6.	1999(1998?)	Лопатин В. А.	Колтан-Нур 1	1
7.	1999(1998?)	Лопатин В. А.	Колтан-Нур 2	4
8.	2000	Шишлина Н. И.	Островной	5
9.	2001	Шишлина Н. И.	Зунда-Толга 2	2
10.	2001	Шишлина Н. И.	Зунда-Толга 3	2
11.	2001	Шишлина Н.И.	Зунда-Толга 4	3
12.	2001	Шишлина Н. И.	Зунда-Толга 5	2
13.	2001	Шишлина Н. И.	Зунда-Толга 6	5
14.	2001	Шишлина Н. И.	Бага-Тугтун (Бага-Бурул)	4
15.	2002	Цуцкин Е. В.	Утта 1	1
16.	2002	Кольцов П. М.	Улан-Хееч	6
17.	2002	Кольцов П. М.	Кануково	5
18.	2004	Яценко В. В.	Манычский 1	2

Погребений	Бронзовый век	Ямная культура	Катакомбная культура	Срубная культура	Ранний железный век	Средние века	Неопределенные	Современные
6	7	8	9	10	11	12		
8	7	1	2	2	1	0	0	0
9	6	3	1	1	1	1	1	0
16	10	8	1	1	2	3	0	1
46	27	0	22	3	9	7	3	0
1	0	0	0	0	0	1	0	0
2	0	0	0	0	0	1	0	1
3	0	0	0	0	0	3	0	0
71	48	3	24	11	15	4	4	0
9	3	0	3	0	0	2	4	0
15	14	4	5	2	0	0	1	0
6	2	0	2	0	4	0	0	0
7	7	1	5	1	0	0	0	0
11	6	3	3	0	2	2	1	0
30	19	0	14	3	6	3	2	0
1	0	0	0	0	0	1	0	0
18	10	1	6	2	2	6	0	0
22	6	3	0	1	14	0	1	1
21	15	0	5	6	4	1	1	0

19.	2004	Верещагин В. В.	Яшкуль – Олинг 3	2
20	2005	Кольцов П. М.	Красномихайловское	1
21.	2006	Дремов И. И.	Курган Элиста – Аршан	1
22.	2006	Дремов И. И.	Садовое 1	4

23	2006	Дремов И. И.	Садовое 2	1
24	2006	Дремов И. И.	Садовое 3	3
25.	2006	Ильюков Л. С.	Садовое 4	6
26.	2007	Очир-Горяева М. А.	Садовое 1	2
27.	2007	Очир-Горяева М. А.	Садовое 2	1
28.	2007	Верещагин В. В.	Садовое 4	1
29.	2007	Верещагин В. В.	Садовое 5	1
30.	2007	Дремов И. И.	Кетченеры 1	1
31	2007	Дремов И. И.	Кетченеры 2	2
32.	2007	Верещагин В. В.	Малые Дербеты 1	10
33.	2007	Очир-Горяева М. А.	Малые Дербеты 2	2
34.	2006–2008	Очир-Горяева М. А.	Ергенинское	2
35.	2008	Дремов И. И.	Розенталь 1	1
36.	2008	Дремов И. И.	Курганная группа Южная	6
37.	2008	Дремов И. И.	Бурул 1	1
38.	2009	Дремов И. И.	Шатта 1	2
39.	2009	Дремов И. И.	Алцын-хута 1	4
	1998–2009		ИТОГО	117

3 ¹								
15	8	1	4	0	3	2	2	0
3	2	0	2	0	0	1	0	0
2	0	0	0	0	0	2	0	0

1	0	0	0	0	0	1	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0
21	11	0	1	10	7	1	2	0
2	0	0	0	0	2	0	0	0
1	0	0	0	0	1	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0
1 ¹	0	0	0	0	0	1	0	0
5	4	0	4	0	0	0	0	1
3	3	0	3	0	0	0	0	0
14	2	0	0	2	0	12	0	0
18	14	2	12	0	1	3	0	0
12	9	0	9	0	1	0	1	1
1	0	0	0	0	0	1	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0
3	1	0	0	1	0	0	2	0
13	7	1	4	0	2	0	4	0
1	0	0	0	0	0	1	0	0
413	241	31	132	46	77	60	30	5

---

¹ Погребения были разрушены до охранно-спасательных работ.

К вопросу о культурном наследии тюрков в Монголии и его защите

*Дэмбэрэл Колягийн*¹

¹ Институт международных отношений АН Монголии (II здание Академии наук, Баруун Сэлбэ-15, район Чингэлтэй, 15170 Улан-Батор, Монголия)

Ph. D. (History), старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-7671-3563. E-mail: kdembee@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дэмбэрэл Колягийн, 2021

Анотация. *Введение.* Центральная Азия является одним из древних очагов кочевой цивилизации. На территории Монголии находится большой ряд памятников, относящихся к разным эпохам и оставленных кочевыми народами. *Цель* данной статьи, в которой рассматриваются памятники именно тюркского периода, — освещение вопроса о сохранении этих исторических памятников, расположенных на территории Монголии. *Результаты.* Памятники тюркского периода, обнаруженные на территории Монголии, включают погребения и курганы, каменные изваяния, а также памятники письменной культуры. Эти исторические памятники находятся под особым вниманием Правительства Монголии и ЮНЕСКО. В последние годы немало внимания им уделяет Правительство Турецкой республики. Сегодняшнее экономическое положение Монголии заставляет обратить особое внимание на исторические памятники, так как наблюдается активное развитие горной промышленности, и в результате активной разработки недр могут иметь место негативные последствия, в том числе и исчезновение некоторых памятников. В статье затрагиваются вопросы результатов проектов и программ, которые связаны с сохранением памятников тюркского периода.

Ключевые слова: археология, тюркский период, Монголия, Центральная Азия, письменные культуры, погребения, каменные изваяния, курганы

Для цитирования: Дэмбэрэл Колягийн. К вопросу о культурном наследии тюрков в Монголии и его защите // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 54–65. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-54-65

Cultural Heritage of Turks in Mongolia and Its Protection: The Issues Revisited

*Demberel Kolyagiin*¹

¹ Institute of International Affairs, Mongolian Academy of Sciences (Bldg. II, Baruun Selbe-15, Chingeltei District, Ulaanbaatar 15170, Mongolia)
Ph. D. (History), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0002-7671-3563. E-mail: kdembee@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Demberel Kolyagiin, 2021

Abstract. *Introduction.* Central Asia is a cradle of nomads. Since the territory of Mongolia hosts numerous monuments of nomads of all times, most researchers unanimously noted that Mongolia could be viewed as a hotbed of nomads. *Goals.* This study focuses on the preservation of historical monuments dated to the Turkic period. *Results.* These monuments include those of written cultures, burials, stone sculptures, and mounds. These historical monuments are under distinctive protection of the Government of Mongolia and UNESCO. In recent years, the Government of the Republic of Turkey shows significant interest too. The current economic situation in Mongolia makes it necessary to pay special attention to historical monuments: the mining industry is developing strongly, and this may negatively result in disappearance of some such monuments. This study addresses the issues of improving results of projects and programs dealing with the preservation of monuments of the Turkic period.

Keywords: archeology, Turkic period, Mongolia, Central Asia, written cultures, burials, stone sculptures, burial mounds

For citation: Demberel Kolyagiin. Cultural Heritage of Turks in Mongolia and Its Protection: The Issues Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. (In Russ.) 54–65. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-54-65

Введение

Древнетюркское кочевое государство, сформировавшееся в Центральной Азии, занимало обширные территории, в которые входили и монгольские степи, горы Хангая, бассейн реки Орхон. Тюрки являются носителями этнической культуры, сформированной за тысячелетие до нашей эры. Предки тюркоязычных народов вместе с протомонгольскими племенами известны в истории еще за много лет до нашей эры. В настоящее время потомки древних тюрков расселены по всему миру, и ни одно государство не может претендовать на статус единственного «собственника» тюркской истории [Ганхуяг 2012].

С давних времен в Центральной Азии сформировались ареалы расселения народов трех языковых групп: тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского происхождения, часть из них расселялась чересполосно. Наследие тюркских народов связано с разными эпохами, в том числе с периодом тюркских каганатов, первый из которых возник в середине VI в.

В долине реки Орхон сохранился до наших дней тюркский историко-культурный памятник — памятник наследному принцу Тюркского каганата Кюль-тегину, который воздвиг знаменитый полководец древних тюрков Тоньюкук. Территориями, в которых найдено наибольшее количество памятников тюркского культурного наследия, являются бассейны рек Орхон, Туул и Селенга.

Древнетюркские каганаты оказали влияние на формирование современного расселения народов в Центральной Азии. Древние тюрки продолжили развитие традиционной центральноазиатской кочевой культуры и оставили после себя обширное материальное, литературное и культурное наследие; впервые среди центральноазиатских кочевников они привнесли в культуру своего мира письменность. Таким образом, население этих государств оставило большое наследие, имеющее значимость во всемирном историко-культурном масштабе [Баабар 1996: 31].

Цель данной статьи, в которой рассматриваются памятники именно тюркского периода, — освещение вопроса о сохранении этих исторических памятников, расположенных на территории Монголии.

Культурный след, материальное наследие тюрков на территории Монголии

1. Наследие письменной культуры

Памятники, написанные древнетюркским письмом, являющимся буквенной (не слоговой) системой и названным древнетюркским руническим письмом, в основном сохранились на территории Монголии. Исследователи считают, что монголы, находясь под подчинением тюрков, входили в ареал распространения древнетюркского согдийского письма и древнетюркского рунического письма [Түдэв 2013: 156]. Уникальным их культурным достижением является то, что они создали и использовали знаменитую орхон-енисейскую письменность (состоящую из 38 букв и словоразделительного знака).

Большая часть памятников на этой письменности относится к эпиграфическим, но сохранилось и определенное количество рукописей, считается, что письменность использовалась для ведения записей государственной истории. Хотя единого мнения о возникновении древнетюркского рунического письма нет [Гузев, Кляшторный 2019: 497], многие факты свидетельствуют о том, что данное письмо связано с жизнью и бытом кочевых народов. Орхон-енисейская письменность появилась во второй половине VII в. и применялась до XII в., ее использование не относилось какой-либо одной территории, она была распространена на территориях расселения тюркоязычных народов [Степи Евразии 1981: 42].

Надпись на каменном изваянии, найденном в Чойра, в Восточногобийском (монг. *Дорноговь*) аймаке, считается самой древней [Кляшторный 1973: 262] надписью на этой письменности, и относится она к 688–691 гг. Исходя из этого, появилась концепция о том, что древнетюркское руническое письмо впервые возникло в Центральной Азии, а именно на территории Монголии [Кляшторный 1973: 45–47].

Исследования обнаруживают все большее число памятников — надписей на данном письме, и на территории Монголии обнаружено более 50 таких находок. Среди них памятники-стелы в честь таких великих и известных ханов и аристократов, как Биль-

ге-каган, Кюль-тегин, Тоньюкук, Моюнчур каган. На территории Монголии обнаружено также множество больших и малых надписей на этом письме.

К этим находкам, помимо специальных памятников-стел тюркского рунического письма, относится большое количество разновидностей надписей на обычных природных камнях и скалах, в настенной росписи в строениях, денежных монетах, на драгоценных камнях на обложках старинных книг.

Многие ученые мира посвятили свои умы и интеллектуальные способности расшифровке и изучению содержания надписей рунических письмен, являющихся бесценными памятниками литературного и культурного наследия центрально-азиатской кочевой общности, а также работе по восстановлению истории народов, использовавших руническое письмо. Монгольские исследователи также вносят свой вклад в эти исследования. Памятники рунического письма об истории государственности, сохранившиеся до наших дней в качестве документальных доказательств и подтверждений высокого уровня культуры кочевых народов, имеют важное научное значение. Они являются значимым историческим источником, важным материалом для исследования развития языков алтайской группы, в том числе сравнительного исследования монгольских и тюркских языков. Письменные памятники на руническом письме входят в бесценную копилку наследия поэзии и литературы древних кочевников.

2. Погребальные памятники

На территории Монголии в обильном количестве среди материальных памятников тюркского периода сохранились погребальные памятники. Ученые продолжают изучать многочисленные сооружения погребений тюрков, сохранных на территории Монголии. Впервые в конце XIX в. открытие погребальных памятников эпохи тюркских каганатов сделал русский ученый Н. М. Ядринцев; финский ученый А. Гейкел провел исследования памятников. В 1891 г. работала «Исследовательская группа Орхона» под руководством академика В. В. Радлова, и были изданы «Атлас древ-

ностей Монголии» и «Сборник трудов Орхонской экспедиции» [Радлов, Мелиоранский 1897].

К середине прошлого столетия совместная монголо-чешская экспедиция произвела раскопки и исследовала погребение наследного принца Второго Восточно-тюркского каганата Кюль-тегина, расположенное в местности Кошоо-Цайдам (в долине реки Орхон), а также соратника Эльтериш-кагана, полководца и министра Тоньюкука в местности Налайх, которые являются частью монументальных комплексов тюркских аристократов [Сэр-Оджав 1970: 29–42].

Кошоо-Цайдам (монг. *Хөшөө Цайдам*) в долине реки Орхон является одним из значимых центров в истории тюркского периода [Радлов, Мелиоранский 1897]; на его территории находятся погребения Бильге-кагана, Кюль-тегина и меньшие по размеру два погребения, также относящиеся к тюркскому периоду, о которых еще В. В. Радлов писал, что они «по внешнему виду весьма сходные» с памятниками Бильге-кагану и Кюль-тегину [Радлов, Мелиоранский 1897: 12].

В исследовательских работах эти погребальные памятники отмечены как «Кошоо Цайдам–I, II, III, IV». Памятники Бильге-кагану и Кюль-тегину, открытые Н. М. Ядринцевым, занимают особо важное место как во всемирной тюркологии, так и в археологическом исследовании Центральной Азии [Ядринцев 1885].

Работавшая в 1990–1993 гг. совместная монголо-японская исследовательская группа проекта «Гурван гол» обнаружила и отметила плиточный каменный забор с 489 погребениями на территории сомона Мунгунморьт Центрального аймака и сомонов Батширээт, Биндэр, Баян-Адрага, Умнудэлгэр, Дэлгэрхаан Хэнтийского аймака. Опубликована исследовательская работа по детальному исследованию 86 крупнейших погребений аристократов, нашедшихся на территории центральной части Монголии [Войтов 1996: 8].

Кроме этих уникальных погребальных памятников знати, на территории Монголии обнаружены и другие погребальные памятники, связанные с курганами. В стране проведено достаточное

количество раскопчных и исследовательских работ могильников и курганов, относящихся к тюркскому времени. Размер этих курганов, окруженных по кругу камнями, в основном в диаметре составляет 6–8 м, по высоте — около 0,4–0,7 м. Их исследование дает возможность представить картину жизни, культуру и быт кочевников тюркского времени. При раскопках курганов найдены многочисленные предметы быта, раскрывающие особенности традиций, потребностей, жизненных ценностей кочевников.

На территории Монголии проведены археологические исследования около 30 объектов, которые исследователи относят к тюркскому периоду, среди них и исследования курганов у горы Баруун-Хайрхан Сонгино близ г. Улан-Батора, и могильник у горы Цагаанхайрхан сомона Цагаанхайрхан Убсунурского (Увс) аймака [Худяков, Цэвээндорж 1999: 82–90], и другие.

Как отмечает Н. Н. Серегин, «несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры центральноазиатских номадов. Актуальной задачей является системное обобщение результатов раскопок, а также последовательная интерпретация памятников. Кроме того, необходимо признать, что большая часть рассмотренных выше комплексов раннесредневековых тюрков, опубликованных на монгольском языке, остается неизвестной многим российским исследователям, занимающимся изучением различных аспектов истории кочевников» [Серегин 2014: 111].

3. Руины города

На территории Монголии находятся развалины столицы Уйгурского каганата Орду-балык, которые следует отнести к общетюркскому наследию, хотя время существования этого города не относится к древнетюркскому периоду. Руины Орду-балыка (монг. *Хара балгас*), занимающие площадь не менее 25 км² [Крадин 2008: 334; Васютин 2011: 101], а по некоторым сведениям — до 50 км²,

находятся на территории сомона Хотонт Архангайского аймака. Столица каганата была построена за короткое время могущественности уйгуров в период после тюркских каганатов. Эти руины являются одним из памятников, построенных на самом высочайшем уровне градостроительства, и свидетельством культурного наследия кочевников того времени. Данный памятник находится на грани уничтожения из-за влияния природных и иных многочисленных факторов.

4. Каменные изваяния

В Монголии обнаружено более 400 каменных изваяний тюркского периода [Khurmetkhan, Burkitjan, Bira 2006: 254], дальнейшие исследования могут привести к увеличению количества учтенных находок.

Каменные изваяния, в основном, изготавливались из гранита и мрамора, они обнаружены в составе погребальных сооружений. Эти изваяния являются не только историческим первоисточником, но и наглядно показывают уровень развития изобразительного искусства и художественного промысла того времени. При анализе каменных изваяний выявляется антропологический тип носителей культуры, оставившей эти памятники (они выполнены с широкими скулами и узкими глазами, и во многих случаях со скрученными в концах жидкими усами); изображения каменных изваяний, распространенных во множестве на территории Монголии, свидетельствуют о том, что тюрки были внешне схожи с монголами, и изучавшие это ученые и исследователи отмечали эту особенность [Монгол Улсын түүх 2004: 317]. Также каменные изваяния являются одним из основных источников исследования одежды, причесок, принадлежностей и украшений древних тюрков.

Исследователи отмечают, что отраженные на каменных изваяниях изображения играют важную роль в еще большем уточнении принадлежностей, найденных в курганах.

О современном состоянии исследований культуры древних тюрков в Монголии, защите и охране культурного наследия

Монгольские исследователи отмечают [Орхоны хөндийн 2002: 3], что исследовательские работы на объектах, связанных с наследием древних тюрков, в основном проведены. Вместе с тем они обращают особое внимание на необходимость решения следующих вопросов: защиты, охраны наследия и информирования общественности [Орхоны хөндийн 2002: 3].

Так, до сегодняшних дней на территории сомона Эрдэнэ Центрального аймака сохранилось два кургана, воздвигнутые в честь мудрого советника трех тюркских ханов Тоньюкука. Погребальные комплексы Бильге-кагана, правившего Восточнотюркским каганатом, и его младшего брата — военачальника Кюль-тегина, находящиеся в Кошоо-Цайдам в долине реки Орхон, в начале XXI в. как ценнейшие памятники древнетюркской культуры были перенесены в организованный поблизости музей «Орхон», а на месте их прежнего расположения установлены бетонные копии. Монголия установила защитную зону и взяла под государственную охрану памятные места Бильге-кагана, наследника престола Кюль-тегина и политического деятеля Тоньюкука и обратилась в ЮНЕСКО с вопросом о внесении этих мест в список Всемирного наследия. В результате в 2004 г. культурно-памятные места долины реки Орхон были внесены в список Всемирного наследия. Таким образом, Монголия продолжает вносить свой вклад в дело защиты культурного наследия кочевников.

В июле 1994 г. Министерство образования, культуры и науки и ТИКА¹ подписали документ об осуществлении проекта «Памятники тюркского времени на территории Монголии», и с 1997 г. началась работа по проекту, которая продолжалась до 2003 г. Созданная в рамках этого проекта совместная группа ученых по археологическому, филологическому, геофизическому, топографическому, историческому, реставрационному направлениям произ-

¹ Турк Улсын хамтын ажиллагаа, зохицуулах агентлаг (Турецкое агентство сотрудничества и координации), Turkish Cooperation and Coordination Agency.

вела раскопки и провела исследования погребального сооружения Бильге-кагана, военачальника Кюль-тегина, а также проведены реставрационные работы над найденными там находками и начаты работы по созданию «Зала колыбели тюркской культуры» в Монгольском Национальном историческом музее, с тем чтобы это стало доступным общественности. Только в рамках данного проекта из погребального сооружения Бильге-кагана найдены золотая корона в виде изображения птицы, золотые и серебряные пряжки, различная посуда из драгоценных камней культового назначения, большая неглубокая металлическая гладкая тарелка вместе с золотой ложкой, мастерски выполненные 4 каменные плиты с изображением 2 птиц, 1 878 единиц серебряных изделий 17 видов, 78 золотых изделий 20 видов, 26 единиц драгоценных камней 6 видов.

Защита и сохранение тюркского культурного наследия являются актуальными не только для Турецкой республики, которая сегодня проявляет инициативу и активность в работе, и для более 40 этнических групп тюркоязычных, монгольязычных, а также тунгусо-маньчжурских народов и др., но и вопросом всемирного масштаба [[Төв Азийн геополитик 2005: 104](#)].

Тем не менее, сегодня Турция проводит сравнительно активную деятельность посредством религии и культуры в центральном-азиатском регионе. Значительный интерес к этому наследию проявляют и другие государства. Так, в Договоре, заключенном между Академией наук Монголии и Министерством науки Казахстана, отражены следующие моменты: «Изучить вопрос о возможности передачи монгольской стороной копий предметов древнетюркского рунического письма, находящихся на территории Монголии, казахстанской стороне согласно договору, соглашению в торговом порядке» [[Казахстан – Монголия 2013: 211](#)].

В 1990 г. Монголия присоединилась ко Всемирной Конвенции наследия, а в 1999 г. был создан Монгольский Национальный комитет Всемирного наследия.

Сохранение, защита и содействие тому, чтобы сделать всемирно доступным историко-культурное наследие тюркского времени, хранящееся на территории Монголии, является обязанностью всех народов Центральной Азии.

Литература

- Баабар 1996 — *Баабар Б.* XX зууны Монгол. Нүүдэл, суудал (= Монголия в XX веке. Кочевничество, оседлость). Улаанбаатар: Nerko Publishing, 1996. 533 х.
- Васютин 2011 — *Васютин С. А.* Трансформация властных институтов уйгуров в период раннего средневековья: от племенной политики к государству // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1(13). С. 99–102.
- Войтов 1996 — *Войтов В. Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.: ил.
- Гузев, Кляшторный 2019 — *Гузев В. Г., Кляшторный С. Г.* Древняя письменность Великой степи (републикация статьи: Гузев В. Г., Кляшторный С. Г. Древняя письменность Великой степи) // Тюркологический сборник. 2007–2008. М.: Вост. лит., 2009. С. 146–176 // Гузев В. Г. Избранное. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. С. 493–524.
- Монгол Улсын түүх 2004 — Монгол Улсын түүх. Тэргүүн боть (= История Монголии. Т. I). Улаанбаатар: Адмон, 2004. 437 с.
- Ганхуяг 2012 — *Ганхуяг Д.* Казактай түүхээр ярих юм Монголд байхгүй [электронный ресурс] // Sonin.mn agency. 06.08.2012. URL: <https://www.sonin.mn/news/politics-economy/5914> (дата обращения: 10.01.2021).
- Казахстан – Монголия 2013 — Казахстан – Монголия: 20 жыл (Казахстан – Монголия: 20 лет). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг принт, 2013. 255 х.
- Кляшторный 1973 — *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.). Тюркологический сборник – 1972. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 254–265.
- Крадин 2008 — *Крадин Н. Н.* Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 330–346.
- Орхоны хөндийн 2002 — Орхоны хөндийн соёлын дурсгалт газрын менежментийн асуудлууд (= Вопросы управления памятниками культуры долины Орхона) / ред: Н. Уртнасан. Улаанбаатар: Урлах Эрдэм принт, 2002. 162 х.
- Радлов, Мелиоранский 1897 — *Радлов В. В., Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Сборник Трудов Орхонской экспедиции. IV. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. 48 с.

- Серегин 2014 — *Серегин Н. Н.* Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. Т. 9. № 1. С. 101–114.
- Степи Евразии 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С. А. Плетнева; авт. А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская, И. Л. Кызласов и др. М.: Наука, 1981. 302 с.
- Сэр-Оджав 1970 — *Сэр-Оджав Н.* Монголын эртний түүх (= Ранняя история монголов). Улаанбаатар: Сэлэнгэпресс, 2013. 522 х.
- Төв Азийн геополитик 2005 — Төв Азийн геополитик ба Монгол Улс (= Геополитика Центральной Азии и Монголия) / ред. К. Дэмбэрэл. Улаанбаатар: Бембисан принт, 2005. 288 х.
- Түдэв 2013 — *Түдэв Л.* Бүтээлийн чуулган. XXXV боть (= Сборник произведений. Т. XXXV). Улаанбаатар: ИнтерПресс, 2013. 580 х.
- Худяков, Цэвээндорж 1999 — *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Древне-тюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 82–90.
- Ядринцев 1885 — *Ядринцев Н. М.* Древние памятники и письмена в Сибири / [соч.] Н. М. Ядринцева. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1885. 21 с.
- Khurmetkhan, Burkitjan, Bira 2006 — *Khurmetkhan M., Burkitjan Kh., Bira Sh.* Anthology of Orkhon Turkic Inscriptions. Ulaanbaatar: Bembis San Khèvlèliin Gazar, 2006. 300 p.

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-66-88

Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранных в 1935–[19]42 гг. в совхозе „Улан-Хееч“»

Лариса Бадмаевна Манджикова¹, Любовь Борисовна Манджиева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-1761-2738. E-mail: mandzhievalb@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье продолжено изучение фольклорного материала, записанного Д. С. Бембеевым-Сальминым в предвоенные годы (1935–1942 гг.) на территории Калмыкии. Собранный им материал, научные работы, документы биографического характера находятся на хранении в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН в составе личного фонда Д. С. Бембеева-Сальмина (Ф. 10). В данном фонде числится 12 единиц хранения за 1931–1962 гг. *Цель* исследования — дать анализ и ввести в научный оборот полный текст рукописного материала, записанного Д. С. Бембеевым-Сальминым у жителей совхоза «Улан Хееч» Центрального улуса Калмыцкой автономной области в 1935 по 1942 гг. *Материалами* исследования послужили рукописные документы Д. С. Бембеева-Сальмина, в которых содержатся калмыцкие пословицы и поговорки, написаны словник и примечания к сборнику. К архивным документам Д. С. Бембеева-Сальмина обращаются исследователи, и часть научных исследований введена в научный оборот. В число опублико-

ванных рукописей вошли ойратские триады, записанные Д. С. Бембеевым-Сальминым у чабанов совхоза «Улан Хееч» в 1931 г. *Результаты и выводы*. Многие известные ученые изучали и публиковали калмыцкие пословицы и поговорки. Эти издания содержат переводы, толкования, комментарии к пословицам, поговоркам, загадкам, но в них отсутствуют сведения об истории создания пословиц и поговорок. Тем и интересны публикуемые примечания Д. С. Бембеева-Сальмина к записанным им пословицам, которые представляют собой краткие записи, заметки об истории появления той или иной пословицы.

Ключевые слова: рукопись, калмыцкий язык, калмыцкие пословицы, Д. С. Бембеев-Сальмин, совхоз «Улан-Хееч»

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б. Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранные в 1935–[19]42 гг. в совхозе „Улан-Хееч“» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 66–88. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-66-88

Notes to Kalmyk Proverbs and Saying Collected in Ulan Kheech Sovkhoz, 1935–[19]42: The Manuscript by D. S. Bembeev-Salmin Revisited

*Larisa B. Mandzhikova*¹, *Lyubov B. Mandzhieva*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0002-1761-2738. E-mail: mandzhievalb@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Mandzhikova L. B., Mandzhieva L. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The article continues to explore folklore materials recorded by D. S. Bembeev-Salmin during the pre-war years (1935–1942) in the territory of Kalmykia. The collected data, scientific works and biographical documents are currently stored at Kalmyk Scientific Center of the RAS and comprise his personal collection (call no. Ф. 10), the latter numbering a total of 12 items dated 1931–1962. *Goals.* The study aims at analyzing and introducing a complete manuscript of D. S. Bembeev-Salmin’s folklore survey conducted among residents of Ulan Kheech Sovkhoz (Tsentralny District of Kalmyk Autonomous Oblast) from 1935 to 1942. *Materials.* The paper examines manuscript documents of D. S. Bembeev-Salmin that contain Kalmyk proverbs and sayings, a word list and notes to the collection. The scholar’s papers are regularly explored by researchers and some of the former’s findings have been published already. The unpublished ones are Oirat triads recorded by D. S. Bembeev-Salmin from shepherds of Ulan Kheech Sovkhoz in 1931. *Results and Conclusions.* Quite a number of renown scientists have explored and published Kalmyk proverbs and sayings. Such publications comprise translations, interpretations, comments — but fail to provide any essential stories behind the idioms. The more reason why the presented D. S. Bembeev-Salmin’s notes to proverbs that briefly outline such stories are that interesting. **Keywords:** manuscript, Kalmyk language, Kalmyk proverbs, D. S. Bembeev-Salmin, Ulan Kheech Sovkhoz

Acknowledgments: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Spaces’ (state reg. no. AAAA-A19-119090590086-0).

For citation: Mandzhikova L. B., Mandzhieva L. B. *Notes to Kalmyk Proverbs and Saying Collected in Ulan Kheech Sovkhoz, 1935–[19]42: The Manuscript by D. S. Bembeev-Salmin Revisited. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 66–88. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-66-88

Введение

Дордже Соктунович Бембеев-Сальмин (1902–1965 гг.), лингвист, востоковед, общественный и политический деятель Калмыкии, родился в Бюдюрмис-Кюбетовском аймаке Большедербее-

товского улуса Медвеженского уезда Ставропольской губернии в семье калмыка-простолюдина [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]. После окончания обучения в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ)¹, где он изучал научную литературу по лингвистике, монгольские языки и историю восточных народов, Д. С. Бембеев-Сальмин вернулся в Калмыкию. Свою трудовую деятельность он начал с работы в аппарате Большедербетовского уисполкома и улускома ВКП(б). В период с 1931 г. до 1942 г. работал в областной газете, в ряде редакций различных районных изданий.

Во время рабочих командировок по основной деятельности Дордже Соктунович искал знатоков калмыцкого фольклора и записывал народные пословицы и поговорки, загадки, ойратские триады, пятистишия [Манджикова 2020: 109–111].

Так, например, в 1931 г. Д. С. Бембеев-Сальмин записал у чабанов совхоза «Улан Хееч» Центрального улуса Калмыцкой автономной области загадки, трехстишия и другой материал. Именно эти записи сохранились и вошли в состав архивного дела № 5 «Ойратские триады, записанные им² у чабанов совхоза „Улан Хееч“» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–37].

Также сохранились записи пословиц и поговорок, записанные Д. С. Бембеевым-Сальминым в период с 1935 по 1942 гг. в том же совхозе «Улан Хееч» Яшкульского района и в п. Адык Черноземельского района.

---

¹ Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ) был учреждён Декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. (по другим сведениям, 20 октября 1920 г.) в Петрограде. Идея создания института принадлежала члену-корреспонденту РАН В. Л. Котвичу, ставшему первым ректором института (занимал должность до 1922 г.). 18 августа 1922 г. переименован в Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ), в 1924 г. — в Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ). 4 июня 1927 г. ЛИЖВЯ переименован в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе. Закрыт в июне 1938 г. после многочисленных арестов преподавателей и студентов института.

² Название (заголовок) дела составлено архивистом.

В личном деле Д. С. Бембеева-Сальмина имеется запись о том, что в период депортации калмыцкого народа он жил и работал в Казахстане. Даже в годы суровых испытаний Д. С. Бембеев-Сальмин продолжал искать знатоков народной мудрости и записывать фольклорный материал. Он записал некоторые тексты устного народного творчества у жителей деревни Бебеевка Ояшинского района Новосибирской области в период с 1945 по 1947 гг. [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 5](#)].

После восстановления автономии калмыцкого народа Д. С. Бембеев-Сальмин вернулся в Калмыкию и начал работать техническим редактором калмыцкого издательства.

Д. С. Бембеев-Сальмин владел зая-пандитской письменностью и умел переключать тексты на новый алфавит. Кроме того, он имел большой опыт работы с людьми, умел производить записи песен, поговорок, пословиц и др. Именно эти умения и его тяга к исследовательской работе послужили толчком к перемене его профессиональной деятельности. С 1959 г. Д. С. Бембеев-Сальмин стал работать младшим научным сотрудником Калмыцкого НИИ-ЯЛИ [[Манджикова 2020: 109–111](#)].

Документы и материалы его научной, исследовательской деятельности вошли в состав личного фонда Д. С. Бембеева-Сальмина в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 10](#)].

Пословицы и поговорки, записанные Д. С. Бембеевым-Сальминым в период с 1935 по 1942 и с 1945 по 1947 гг. на территории Калмыкии и Новосибирской области, составляют дело № 6. Данное дело представляет собой папку-накопитель, в котором хранятся три рукописи. Одна из рукописей написана на желтой бумаге (формата А 4), две другие рукописи — в ученических тетрадях.

Согласно хронологическому принципу они расположены следующим образом:

— рукопись «Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранных в 1935–[19]42 гг. в совхозе „Улан-Хееч“» (тетрадь);

— рукопись «Ойратские пословицы и поговорки, записанные Д. С. Сальминым в деревне Бебеевка Ояшинского района Новосибирской области. 1945–1947 гг.» (тетрадь);

— рукопись «Калмыцкие пословицы и поговорки. Собрал, правил, дал примечания и словник Сальмин Д. С.» 1962 г. (на бумаге формата А 4»).

Необходимо отметить, что заголовки дел написаны рукой Д. С. Бембеева-Сальмина.

Многие известные ученые изучали и публиковали калмыцкие пословицы и поговорки. Первым изданием является сборник В. Л. Котвича «Калмыцкие загадки и пословицы» 1905 г., который был переиздан в 1972 г. в г. Элисте [Котвич 1972]. Пословицы и поговорки (943 записи) издавал и Б. Басангов в 1940 г., данное издание было переиздано в 1960 г. [Хальмг үлгүрмүд 1960a]. В 1940 г. в честь 500-летнего юбилея эпоса «Джангар» была издана книга «Народное творчество», составленная Н. И. Кравченко, в которой опубликовано 121 пословица [Народное творчество 1940]. В сборнике «Хальмг фольклор» (Калмыцкий фольклор) Г. Леджинов и Г. Шалбуров также опубликовали небольшое количество пословиц и поговорок [Хальмг фольклор 1941]. В 1956 г. финский ученый П. Аалто издал на калмыцком и русском языках 250 пословиц, собранных Г. Й. Рамстедтом в 1903–1904 гг. у волжских калмыков [Ramstedt 1956]. В 1960 г. в Элисте был опубликован сборник «Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс» (Калмыцкие пословицы и загадки), составители И. М. Мацаков и Б. Д. Букшаев включили в издание 1 492 пословицы и поговорки [Хальмг үлгүрмүд 1960б]. В 1974 г. Б. Б. Оконовым составлен сборник «Хальмг үлгүрмүд» (Калмыцкие пословицы) [Хальмг үлгүрмүд 1974]. В 1982 г. вышло в свет второе издание сборника «Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс» (Калмыцкие пословицы и загадки) [Хальмг үлгүрмүд 1982]. В 2007 г. были опубликованы две книги: «Калмыцкое устное народное творчество», составителем которых является Н. Ц. Биткеев [Калмыцкое устное 2007], и сборник Б. Х. Тодаевой «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [Тодаева 2007]. Калмыцкие послови-

цы включены во второй том десяти томного издания «Памятники фольклора монгольских народов», вышедший в свет в 2017 г. [Памятники фольклора 2017].

Во всех вышеупомянутых изданиях содержатся тексты пословиц, поговорок, загадок, их переводы, толкования, комментарии, но в них не встречаются сведения об истории возникновения устойчивых выражений. Тем и интересен публикуемый в данной статье материал. Авторы статьи вводят в научный оборот рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранных в 1935–1942 гг. в совхозе „Улан-Хееч“» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6].

Текст рукописи написан в ученической тетради объемом 12 листов. В тетрадь вложены дополнительно 4 листа, при этом на двух из них продолжен текст пословиц, а на двух других написаны краткие исторические данные об Угэдэй-хане и его внуке Хайду.

Имеется особенность в написании текста рукописи. Текст написан на нечетных листах, и если есть продолжение текста, то оно заканчивается строчкой со значком «^{x)}», а продолжение текста Д. С. Бембеев-Сальмин пишет на оборотном листе предшествующего листа и начинается текст с тем же значком «^{x)}».

Перед пословицей и инициалами автор рукописи ставит букву z. Также автор рукописи подписывает тексты инициалами «С. Д.»³.

Ко всем пословицам и поговоркам Д. С. Бембеев-Сальмин дает примечания, которые представляют собой краткие записи, заметки об истории появления той или иной пословицы, рассказанные чабанами Лиджи Тюрбеевым, Манджиевым (с. Адык), Лиджиевым (совхоз «Улан-Хееч»), рабочими Нараном Батаевым (совхоз «Улан-Хееч») и Манжиевым, дедом Шовокаевым⁴.

В пословицах и поговорках описываются сюжеты, связанные с историческими лицами и событиями, например, падение Монгольского ханства, Зюнгарского ханства, борьба за самостоятельность государства и власть:

---

³ В ученом мире Д. С. Бембеев-Сальмин известен как Д. Сальмин.

⁴ Так в документе. Не указаны имена некоторых информантов.

Дөчн дөрвн дөрлөдөв, дөлһр манжэ цаг зуур нойрхв ‘Сорок четыре на стремена встали, высокомерный манджи временно властвовал’⁵ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 5];

Дөрвиг өрлг меддг, дөчиг дөлһр манжэ меддг ‘О четырех полководец знает, о сорока высокомерный манджик знает’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 6];

Туужлгдсн Зюнһар унв, туурсн өөрдин үрн Амур-Сан(а) босхх ‘Если вошедший в историю Зюнггар падет, то прославленный сын ойратов Амур-Сан возродит’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 6];

Зюнһар нутг сээхн, зүткмжэтэ Амур-Сана седкл сээхн ‘Красив нутук зюнггарцев, красива душа настойчивого Амур-Саны’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 7].

Нойна үкл хурт... ‘Смерть нойна в собрании (съезде)’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 9];

Алта тээжин нутг, алг унһн деерэс авн таржэ ‘Нутук Алта тайши распался из-за пегого жеребенка’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 13].

К этой же теме можно отнести и пословицу *Мөрнэ сэн борд, залуһин сэн хард* ‘Лучшие из скакунов — сивые, лучшие из мужчин — смуглые’. Историю ее возникновения Д. С. Бембееву-Сальмину поведал старый колхозник из села Адык: у хана Убаши, согласно легенде, был аргамак по кличке Мангад Боро, слывший лучшим скакуном. На скачках в честь праздника аргамак оказался лучшим. Наездником был Хабта-Хара-Батур, как сообщает со ссылкой на информанта Д. С. Бембеев-Сальмин, «фактический руководитель военных действий калмыцких войск на Кавказском фронте» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 2. Д. 6. Л. 3]. Лошадь губернатора проиграла скачки. Обидевшийся губернатор, как следует из записей Д.С. Бембеева-Сальмина, приказал за нарушение правил игры казнить Хабта-Хара-Батура и боевого коня Мангад Боро [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 2. Д. 6. Л. 3].

Традиции, обычаи и быт калмыцкого народа описаны в примечаниях, связанных со встречаей знатных гостей:

---

⁵ Здесь и далее перевод на русский язык Б. Б. Манджиевой.

Өвгн ахв, өрлг (маршал) ахн? ‘Старец ли главнее, полководец ли главнее?’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 2];

Цаһан буурлин герт цаажжин эзн чигн чөклдг ‘В доме седовласого [старика] и палач (букв. владыка наказания) преклоняется’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 4].

На этих поучительных народных изречениях воспитывалось молодое поколение: прививались уважение к старшим, понятие субординации, происходило обучение традициям церемонии подношения чая и арки и др.

Теме культуры употребления арки посвящены пословица и поговорка, имеющие различное значение. В пословице *Өвгнэ йосн өрлтн цаажас ахлдг* ‘Закон старца главнее закона цаджи’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 10], речь идет о запрете арковарения во времена правления хана Хо-Орлюка⁶ и о разрешении варить арке, когда Хо-Орлюк хан стал свидетелем обряда «Цацл цацлһн» (сбрызгивание): несмотря на запрет, пожилые члены семьи сварили арке и старик, «совершив традиционную процедуру в сопровождении йорэл, налил себе, пожелав счастье и благополучие нутуку, выпил».

Во поговорке *Нег эльжгн укв...* ‘Один осёл издох...’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 9] высмеивается алкоголизм.

Осуждались и другие пороки людей, такие как продажа дворянского титула зайсанга (*Зөөртэ болхла — зээсг, улдта болхла — эрктн* ‘Если состоятелен — зайсанг, если с мечом — эркетен’) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 10], трусость (*Яснас һарсн мундс биш, нег толһад нег нүдн болдг* ‘Фурункул не выходит из кости, одной голове и одного глаза достаточно’) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 11], мошенничество (*Эрк бэрсн төөрлһ Эрднь — Зуһас гидг уга* ‘Нить, что связывает четки, не является драгоценностью’) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 10].

Особо интересна история возникновения изречения *Куучх бэасн һархла, куучн өрлг куучдг* ‘Если враг поднимется войной, то

---

⁶ В рукописи Д. С. Бембеева-Сальмина встречается различное написание имени хана: Хо-Орлюк и Хо-Орлок.

⁷ Возможен и другой смысл.

дева-воительница расправится' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 11], записанная Д. С. Бембеевым-Сальминым у Манджиева, где речь идет о деве-воительнице, дочери Хайду (внука хана Угэдэя), которая «наравне с темниками руководила армией и лично участвовала в боях» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 11].

Д. С. Бембеев-Сальмин в примечании ссылается на книгу Марко Поло, в которой имеются следующие строки о ней: «Не раз, скажу Вам, отправлялась дева к врагам, силою захватывала витязя и приводила его к своим. Случалось это много раз». Далее автор сразу приводит ссылку: «(Книга Марко Поло, стр. 215, изд. 1956)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 11].

Автор приводит еще одну интересную пословицу: *Хайду өрлг мордэс гихлэ, Хадуд нойдудин күлтн сээр Торлздг* 'Если скажут, что Хайду в седле, то ханов-нойонов дрожь обурекает'. Говоря о Хайду, внуке Угэдэя, автор называет его фактическим правителем Западной Монголии, который «был одним из сильнейших вождей ойратов и всю жизнь провел в борьбе против великих монгольских ханов» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 14]. Автор сообщает, что слышал имя Хайду от чабанов совхоза «Улан Хееч» в разных вариантах: «Хайд өрлг», «Хад нойн», «Хад тээш» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 14]. Д. С. Бембеев-Сальмин пишет, что калмыки знали и «о күүкн Өрлэке (эта дочь Хайду, она участвовала в сражении наравне с бойцами, была фактическим командиром войска» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 14].

Автор приводит также цитату из академического собрания сочинений Доржи Банзарова о том, что Угэдэй-хан, сын Чингис-хана, имел много сыновей, «которые при избрании великого хана, после смерти Угэдэя, были обойдены выбором. При Мункэ-хане эти сыновья были сосланы в Джунгарию за покушение на ханство. С тех пор Западная Монголия не раз была поприщем восстания потомков Угэдэя против великих ханов... Д. Банзаров, собр. сочинений, стр. 181, издательство Академии Наук СССР, Москва, 1955» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 14].

История возникновения двух устойчивых выражений *Галдаман алдасан Очир Цецн хан гемтэв, халвцган жирлүлсн һаңг эмч гемтэв?* ‘Виновен ли Очир Цецен, потерявший Галдаму, виновен ли Ганг эмчи, не оказавший помощь?’ и *Һаңц цуцлин өңгтэнь сэн, һаңц үрнэ һалдамань сэн* ‘Если головешка одна, желательна ярчайшая; если сын один, желателен отважный, как Галдама’, вероятно, относится к одному событию, и это описывается в легенде о Галдаме, приводимой Д. С. Бембеевым-Сальминым [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

Д. С. Бембеев-Сальмин пишет, что в преданиях приволжских ойратов говорится: у Очирту-Цецен-хана⁸ — главы алашаньских хошутов — был сын Галдама (калм. *Һалдма*, монг. *Галдама*). Однако в других источниках, как сообщает Д. С. Бембеев-Сальмин, ссылаясь на «Хронику»⁹ Батур-Убаши Тюменя, утверждается, что у Галдамы был еще старший брат Эрдени-хунтайджи. Д. С. Бембеев-Сальмин пишет, что «һалдама» иногда используют в значении «единственный», и приводит пословицу *Һаңц цуцлин өңгтэнь сэн, һаңц үрнэ һалдамань сэн*, рядом он дает перевод: «Если головня одна, желательна сверкающая, т. е. не потухающая; если сын один, желателен отважный, как Галдама» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8]. При этом Д. С. Бембеев-Сальмин делает вывод: «Галдама означает — отважный, удалой, единственный, одинокий» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

Это был выдающийся ойратский (джунгарский) военачальник, герой калмыцкого фольклора, честный, справедливый, смелый. «И тем печальнее, что этот всеми уважаемый человек погибает нелепой смертью. Напиток, отравленный ядом и преподнесенный ему мачехой, был для Галдамы смертельным. Он был единственным наследником отца, слава и гордость хошудских владельцев. Подавленный горем Цецен-хан воспел эту трагедию в песне, которую помнят калмыки и поныне» [Оконов 1983: 35].

⁸ У Д. С. Бембеева-Сальмина: Очир Цецен хан — хан кукунорских ойратов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

⁹ Вероятно, имеется в виду произведение Батур-Убаши Тюменя «Сказание о дербен-ойратах».

К умирающему Галдаме был вызван знаменитый врач того времени Ганг-эмчи¹⁰, как пишет Д. С. Бембеев-Сальмин, но тот отказался спасти Галдаму, говоря, что у Галдамы иссякли жизненные силы. Но все же причиной отказа оживить Галдаму, как ссылается автор на легенду, стала тайная связь Ганг-эмчи с ханшей, а Галдама был случайным свидетелем. Очирту-Цецен-хан не простил врача, велел солдатам зашить его голову в верблюжью шкуру и привязать к столбику. И вот тогда-то Ганг-эмчи произнес эти слова: *Галдамаһан алдасан Очир Цецн хан гемтэв, халвҗган жирлүлсн һаңг эмч гемтэв?* ‘Виновен ли Очир Цецен, потерявший Галдаму, виновен ли Ганг эмчи, не оказавший помощь?’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

Примечания к пословицам и поговоркам, составленные Д. С. Бембеевым-Сальминым, впервые вводятся в научный оборот. В публикуемой ниже рукописи сохранена орфография автора рукописи, написание имен, название ханств, родов и др. слов. В некоторых случаях последовательность листов изменяется с целью сохранения целостности текста, начало которого написано на лицевой стороне листа, а конец — на оборотной стороне предыдущего листа.

Л. 1

Бембеев-Сальмин Д. С.

Примечания к сборнику калмыцких пословиц и поговорок, собранных в 1935–[19]42 гг. в совхозе «Улан Хееч»

Л. 2

2) Өвгн ахв, өрлг (маршал) ахх?

2. Старик чабан Түрбэн Лиджи так рассказывал историю этой пословицы: «В жаркий день, возвращаясь с охоты, три нухера¹¹ (помощника) попали в маленький хотон; они зашли в кибитку, стоявшей южнее от остальных, напиться чидмак¹² (творог, разбавленный водой). И, согласно обычаю, гости сели на правой сторо-

¹⁰ У автора: Гаң-эмч [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

¹¹ Слово *помощника* написано над строкой.

¹² Слова *творог, разбавленный водой* написаны над строкой.

не чөклэд¹³ (скорчив ноги под себя). В северной стороне на белом ширдыке (стеганой кошме), сидел, скрестив ноги, белый, как лунь дед. Шести-семи лет мальчик, видимо, правнук, наливал из бортихи¹⁴ (кожаной посуды) арку в цөкце (дерев[анная] чаша). Налив арку, мальчик не знал, кому поднести, а чутье подсказывал[о], что гости — большие люди, он сказал про себя: өвгн ахн, — өрлг ахн? — өвгнд өг, өвгн ахлдмн — сказали гости. Мальчик подал деду; после благопожелания теңгеру, нутуку, народу, батурам дед выпил и закусил холодной кониной; он предложил налить гостям; гости вежливо отказались, говоря, что в свите великого хана это не разрешается, попросили мальчика сделать чидмак. Гости разговорились с дедом, оказалось, что двенадцать кибиток принадлежат его сыновьям, внукам и правнукам, что деду сто три года)^{х)}.

z. C. Д.

Л. 1об.

^{х)} Гости поблагодарили деда, пожелали еще один десяток лет, сказали, что нухеры немного погодя привезут деду на шелюн даһан¹⁵ (годовалого жеребенка)¹⁶ да туһул (лосенок)¹⁷. Гости были известные маршалы того времени Живэ (Джебе), Мухла (Мухули) и Сувда (Субодай). Так сложилась эта пословица. После на этой почве сложились и другие пословицы: өвкин герт өрлгчн чөклдг, (в кибитке деда и маршал чөклдг) и өвкин йоснд өрлг чигн бактдг (обычному праву и маршал подчиняется).

z. C. Д.

Л. 3

z Мөрнэ сэн борд, залуһин сэн хард.

Колхозник села Адыка, старик рассказывал: «У Убаши хана был арһамак¹⁸ (конь) серой масти с кличкой «Маңһад Боро» (про

¹³ Слова *скорчив ноги под себя* написаны над строкой.

¹⁴ Слова *кожаной посуды* написаны над строкой.

¹⁵ Слова *годовалого жеребенка* написаны над строкой.

¹⁶ Так в документе.

¹⁷ Слова *жеребенок от дикой лошади* зачеркнуты.

¹⁸ Слово *конь* написано над строкой.

которого поют и в песне про Убаши), считавшийся первым скакуном и у приволжских [,] и у зюнгарских ойратов. Первым батуром у Убаши был Хабта-Хара-Батур, фактический руководитель военных действий калмыцких войск на Кавказском фронте (1770–[19]72). Когда Убаши прибыл в Зюнгарию, последняя уже находилась под маньчжурским игом. На скачке, устроенном в честь народного праздника, «Маңһд Боро» летел первым, далеко оставив остальных позади, наездником был Хабта-Хара-Батур. Убаши хан воскликнул: «Мөрнэ сэн борд, залуһин сэн хард гидг эн!». Конь губернатора отстал далеко, стыдно стало губернатору, он находит какое-то «нарушение»¹⁹ правил скачки и казнил Хабта-Хара-Батура и «Маңһад Боро». Говорят, сердце Хара-Батура не поддавалось огню, тогда Убаши, говорят, крикнул: «Хээртэ нутган темцэд, хэрү һарад ирсн, өөрдин нерэн өөдлүлсн, энр өөрдин үрн Хабта-Хара-Батур мини өшэтнэ тав ханһаһад бадрад од» — гив. Только после этого воспламенилось сердце батура.

z С. Д.

Л. 4

z Һанц цуцлин өңгтэнь сэн, һанц үрнэ Һалдамань сэн.

Һалдама, младший сын Очирту-Цецена хана көкө-нурских ойратов, один из отважных, храбрых витязей ойратов, он много²⁰ раз удачно выступал против синьцзянских тюрков.

z Цаһан буурлин герт цаажин эзн чигн чөклдг.

Однажды, возвращаясь с похода Хо-Орлюк, остановился в хостоне. В кибитке, где он остановился, находились дед и бабушка. Хан с двумя адъютантами сидел как гость; его и²¹ адъютантов угостили чаем; дед разговаривал с ними, как со своими сыновьями. Когда они уехали, деду сказали, что у него гостем был сам хан — Хо-Орлюк. Дед ответил: «Цаһан буурлин герт цаажин эзн чөклснд төр уга» (Хо-Орлюк был участником Общемонгольского съезда в 1640 г., где был выработан «Цаажин бичг», закон).

¹⁹ Слово *правил* написано над строкой.

²⁰ Слова *раз удачно* написаны над строкой.

²¹ Слово *адъютантов* написано над строкой.

Л. 5

z «Дөрвиг өрлг меддг, дөчиг дөлһр манж²² меддг».

По мнению чабана Тюрбеева Лиджи, эта пословица возникла, когда монгольское ханство пало и стало колонией маньчжуров, а ойратское — еще сохраняло свою самостоятельность²³.

z С. Д.

z Дөчн дөрвн дөрэлһдв, дөлһр манж цаг зуур нойрхв.

По мнению того же Тюрбеева Лиджи, эта пословица сложилась, когда Халха и Зюнгария пали под ударами маньчжуров и потеряли свою самостоятельность.

z С. Д.

z Алта уулин аһар сээхн, алг адуна идшлһн сээхн.

Алта — Алтай, алг адун — пестрый табун; эта территория была во владении Зюнгарского ханства. Некоторые утверждают, что табун состоял из пегих лошадей (алг мөрд), но это неверно, приволжские ойраты избегают пегой масти, лично я никогда не встречал лошадей пегой масти у калмыков. Находившиеся лошади в табуне были различной масти: белой, серой, карой, рыжей, гнедой и т. д., отсюда^{х)}, говорит Манжиев Хара.

Л. 4об.

^{х)} пестрый табун. Он утверждает, что этот табун был общественный, предназначенный для военной цели; это не простой табун, здесь были исключительно аргамаки,

Л. 6

z Туужлгдсн Зюнһар унв, туурсн өөрдин үрн Амур-Сан(а) босхх.

По мнению чабана Манжиева, эта пословица возникла после падения Зюнгарского ханства в 1758 г. Амур-Сан(а) — сын хойтского нойона Узен-Хошууч, дед его пришел в Зюнгарию в 1701 г.

---

²² Слово *меддг* написано над строкой.

²³ Так в документе.

вместе с Сэн-Джабом с Волги. После смерти Зюнгарского хана Галдан-Церена, престол занял его сын Даваца (рожденный от наложницы²⁴ не имел право на престол); многие феодалы были против нового хаана, в том числе и Амур-Сан, пытались убрать его, но были разбиты. Тогда были призваны на помощь маньчжурское войско; узнав, что маньчжуры хотят ликвидировать Зюнгарское ханство, он поднял знамя восстания против маньчжур — отчаянно дрались зюнгарцы против маньчжурских войск под руководством Амур-Саны. Через два с лишним года восстание жестоко было подавлено. Амур-Сан бежал в Россию, где вскоре умер от оспы в Тобольске.

z С. Д.

Л. 7

z Зюнһар нутг сээхн, зүткмжтэ Амур-Сана седкл сээхн.

Эта пословица записана со слов рабочего Манжиева. Сложилась, видимо, после разгрома восстания Амур-Саны и падения Зюнгарского ханства. Еще в конце 19 века синьцзянские, кобдо-ские ойраты ожидали перерожденца Амур-Саны, который, по их мнению, придет и избавит их от маньчжурского ига.

z С. Д.

z Өөрдин үкл өмн нүүрт²⁵

Для наших²⁶ древних предков, что идти в бой, что идти на пир было одно и то же, — говорил чабан с/х «Улан-Хееч» Лиджиев. Знаменитый путешественник Марко Поло (почти 20 лет живший в Монголии),²⁷ подтверждая эту пословицу, описывает удивительную сцену перед сражением войска Хайду с главными силами монг[ольского] великого хана. В то время бой начался после удара²⁸ в накары. Поло пишет,^{x)}

---

²⁴ Слова *не имел права на престол* написаны над строкой.

²⁵ Слова *Записано от чабана «Улан-Хееч» Лиджиева* зачеркнуты.

²⁶ Слово *древних* написано над строкой.

²⁷ Слова *подтверждая эту пословицу* написаны над строкой.

²⁸ Предлог *в* написан над строкой.

Л. 6 об.

^{х)} что до начала боя пели, играли на музыкальном инструменте, как будто это был какой[-то] веселый пир, а не ожидание смертельной схватки.

Л. 8

z Галдамахан алдасан Очир Цецн хан гемтэв, халвнган жирлүлсн хаңг эмч гемтэв?

Очир Цецен хан — хан көкөнурских ойратов; Галдама — его младший сын. В преданиях приволжских ойратов рассказывается, что Галдама — единственный сын Очир Цецен хана. Хроника Батур-Убаши-Тюменя опровергает это мнение — у Галдамы был старший брат Эрдени-Хун-тээжи. Иногда вместо единственный говорят — халдама; есть пословица: хаңц цуцлин өңгтэнь сэн, хаңц үрнэ халдамань сэн (если головня одна, желательна сверкающая, т. е. не потухающая; если сын один, желателен отважный, как Галдама); таким образом, Галдама означает — отважный, удалой, единственный, одинокий. Легенда сообщает, что, когда Галдама умер, был вызван знаменитый врач того времени Гаң эмч. Но врач отказался оживлять, говоря, что у него возраст иссяк. (Говорят, что у Гаң эмч были амурные связи с хантшой²⁹, а это знал Галдама и выгнал его в провинцию). Хан велел солдатам зашить голову врача в верблюжью шкуру и привязать за столбик. И вот, тогда-то Гаң эмч произнес эти слова.

z С. Д.

Л. 9

z Нойна үкл хургт...

До конца XIX в. из улусных нойонов выбирали старшего нойона. Если в улусе несколько нойонов, то происходила борьба. Победу одерживал тот нойон, за которым шла сильная группа старейшин. Борьба иногда оканчивалась смертью того или иного нойона.

z Нег элвжгн үкв.

---

²⁹ Так в документе.

В первой половине XIX в. попечительствовал в Икицохуровском улусе алкоголик Адамович, он умер от алкоголя. Его заменил другой алкоголик. Про них и сказали икицохуровцы.

...

Подобный факт был и в Манычском улусе. Про него манычане изрекли: эмэлнь талдан, элвжгнь саак.

z С. Д.

Л. 10

z Чочлһнд баатр уга.

Рабочий совхоза «Улан Хееч» Батаев Наран рассказывал: «Однажды Мазан баатр возвращался с похода со своей дружиной. Мазан дремал на седле. На урочище «Ташу» перед всадниками вспорхнула стая куропаток, дремавший Мазан очнулся и спросил — что случилось? Удивленный дружинник сказал — чочлһнд баатр угаж. Так появилась эта пословица».

z С. Д.

z Эрк бэрсн төөрлһ Эрднь — Зуһас гидг уга.

В западных улусах Калмыцкой степи в начале XX в. было несколько случаев задержек «монахов», собиравших с населения деньги, будто на строительство монастырей. Когда их проверяли, то оказывались аферистами в монашеской одежде.

Л. 10 об.

^{x)} при помощи sibля становились эркетенью (могущественным), отодвигая на задний план даже нойона.

z С.Д.

z Өвгнэ йосн өрлгн цаажас ахлдг.

Чабан Манжиев рассказывал, что во времена Хо-Орлок хана воспрещалось арковарение. Однажды возвращаясь издалека, попав в хотон, зашел в одну кибитку. Дед сидел на почетном месте, а старуха ставила перед ним снятый котел с аркой. Совершив традиционную процедуру в сопровождении йорэлэ, налил себе, пожелав счастье и благополучие нутуку, выпил. «Өвгнэ йосн

өрлгин цаажас ахлна гидг, көвүд көкшн авд бичэ урлгн» гив. — Көкшэ, санаһан бичэ зовтн, эдлтн, хара гертэн хант, боро гертэн богдт — гив көвүд? После этого, говорят, Хо-Орлок разрешил арковарение.

z С.Д.

z Зөөртэ болхла — зээснг, улдтэ болхла — эрктн.

Старики рассказывают, что в XIX в. откуда-то приезжали ламы и продавали какую-то грамоту, написанную на желтой материи, на непонятном языке. Это была продажа дворянского титула — зайсанга; покупатель вносил несколько золотых или несколько голов скота и получал звание зайсанга. Наиболее нахальные³⁰⁾

z С.Д.

Л. 11

z Күүчх бээсн нархла, күүкн өрлг күүчдг.

Записал у Манжиева (Цаста). Дочь Хайду Анжарм или Анжпарм у Поло, Ажиэнт у Потье, Ай-Ярук у Юла, Тутулан-чага у Рашид-ад-дина, наравне с темниками руководила армией и³⁰⁾ лично участвовала в боях. Поло пишет следующие строки о ней: «Не раз, скажу Вам, отправлялась дева к врагам, силою захватывала витязя и приводила его к своим. Случалось это много раз». (Книга Марко Поло, стр. 215, изд. 1956).

z Алдр цецн чигнь эндүрдг, Аюкин аранзл чигн бүдрдг.

Дед Шовокаев рассказывал: «Однажды Аюка хан со своей дружиной направился в путь. На ровной дороге архамак Аюки спотыкнулся. Адьютант рекомендовал убить коня и бросить. Но Аюку жалко было расстаться с таким кулүком, на котором совершал удачные походы. На другой день элч привез известие, что кубанские татары напали на Западные улусы. Так возникла эта пословица».

z С. Д.

---

³⁰⁾ Слово *лично* написано над строкой.

Л. 11 об.

^{х)} Он доложил дарһу, что³¹ вчера³² при рубке мяса, кость попал[а] в глаз и погубил[а]. Дарга ответил: «на одну голову один глаз достаточен, другое дело, если это мундус, выходящий из кости». Молодой человек сел на коня и

Л. 12

z Керэдт хонхар кеер хоно.

Чабан Тюрбеев Лиджи родом был керейт. На мой вопрос, что означает³³ эта пословица, он ответил: «Мои древние предки были воинственны — кони под седлом, нагайка в руках, оружие отточено. Когда раздавался³⁴ команда — мордотн! — на коня садились все, кто мог держать маля (при том садились на коня, не разбирая своих и чужих, так что приехавший гость оставался пешаком). Вот какие были мои предки».

z С. Д.

z Яснас һарсн мундс биш, нег толһад нег нүдн болдг.

В древние времена, когда наши предки ойраты вели воинственный образ жизни, когда нутук делился на тумены, тумены на минганы, минганы³⁵ на сотни, сотни на десятки, пожилой дарга подъехал к новой кибитке молодоженца, постучал в дверь и сказал: собирайся в поход! Молодой человек зная, что будет поход, снял один глаз и завязал и мучился³⁶ вторые сутки от боли ^{х)} вышел в поход. Сообщил Манжиев.

z С. Д.

Л. 13

z Алта тээжин нутг, алг унһн деерэс³⁷ авн тарж.

---

³¹ Слово *вчера* написано над строкой.

³² Слова *он случайно* зачеркнуты.

³³ Слово *эта* написано над строкой.

³⁴ Так в документе.

³⁵ Слова *на тысячи, тысячи* зачеркнуты.

³⁶ Слова *вторые сутки* написаны над строкой.

³⁷ Слово *авн* написано над строкой.

«К концу XVI в. Зюнгарское ханство начало расчленяться — Хо-Орлок³⁸ со своими алтатами двинулся и занял Южную, Среднюю и отчасти Зап[адную] Сибирь, Гюшп хан двинулся и занял Көкө-Нур;³⁹ легенда говорит, что причиной их ухода, была ссора между тайшами из-за пегого жеребенка⁴⁰ будто бы со стальными⁴¹ копытами. На этой почве возникла эта пословица» — сообщает Тюрбеев Лиджи.

Была ли ссора из-за незначительного существа, нам неизвестно, навряд ли. Но факт, что в фольклоре приволжских ойратов об этом упоминается. Слышал эту пословицу на Маныче, в Икицохурах, Эркетени.

z С. Д.

Л. 14

Хайду өрлг мордж гихлэ,

Хадуд нойдудин күлтн сээр Торлздг.

z Внук Угэдэя Хайду, фактический правитель Зап[адной] Монголии (ойраты), всю жизнь провел в борьбе против великих монгольских ханов. О нем я слышал от чабанов совхоза «Улан Хееч» под именами «Хайд өрлг», «Хад нойн», «Хад тээш». Они подчеркивали, что он — один из сильнейших вождей ойратов. Они знали и о күүкн Өрлэке (эта дочь Хайду; она участвовала в сражении наравне с бойцами, была фактическим командиром войска.

z «Угэдэй — хан, сын Чингис-хана, оставил много сыновей, которые при избрании великого хана, после смерти Угэдэя, были обойдены выбором. При Мункэ-хане эти сыновья были сосланы в Джунгарию за покушение на ханство. С тех пор Западная Монголия не раз была поприщем восстания потомков Угэдэя против великих ханов. Эти обстоятельства, без сомнения, были источником ненависти калмыков к монголам и к дому Чингиса.

z Д. Банзаров, собр. сочинений, стр. 181, издательство Академии Наук СССР, Москва, 1955.

³⁸ Так в документе.

³⁹ Слово *предание* зачеркнуто, слово *легенда* написано над строкой.

⁴⁰ Слова *будто бы* написаны над строкой.

⁴¹ Слово *копытами* написано над строкой.

Заключение

В публикуемой рукописи даны примечания к 23 пословицам. В данной статье вводятся в научный оборот 19 пословиц и тексты примечаний ко всем 23 пословицам. Д. С. Бембеев-Сальмин собрал уникальный материал, в котором запечатлены социально-классовые, семейно-бытовые отношения ойратов. Удивителен тот факт, что простые люди знают историю своего народа и передают ее через пословицы, поговорки своим потомкам. Из поколения в поколение передаются мудрость и знания калмыцкого народа.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

Литература

- Котвич 1972 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы (СПб., 1905 г.); изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 92 с.
- Калмыцкое устное 2007 — Калмыцкое устное народное творчество: [сборник] / [сост., авт. предисл., вступит. ст. и коммент. Н. Ц. Биткеев]. Элиста: Джангар, 2007. 438 с.
- Народное творчество 1940 — Народное творчество Калмыкии: песни, лирика, сказки, легенды и др. / [сост. И. Кравченко. Сталинград; Элиста: Сталингр. кн. изд-во, 1940. 316 с.
- Манджикова 2020 — *Манджикова Л. Б.* Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Ойратские триады» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 107–121.
- Оконов 1983 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас, Убаши?») // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 30–58.
- Хальмг үлгүрмүд 1974 — Хальмг үлгүрмүд / цуглуулж диглЭд белдснь Окна Борис (= Калмыцкие пословицы и поговорки на калм. яз. / сост. Б. Оконов). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 112 с.
- Памятники фольклора 2017 — Памятники фольклора монгольских народов: в 10 т. Т. II. Пословицы и поговорки / гл. ред. Н. Ц. Биткеев; сост. А. Алимаа, С. Д. Гымпилова, И С. Устиева; отв. ред.: А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 629 с.

- Тодаева 2007 — *Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 838 с.
- Фольклор 2011 — Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т.1. Калмыцкий фольклор / сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 498 с.
- Хальмг үлгүрмүд 1960а — Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс / цуглулж диглснь Басанга Баатр (= Калмыцкие пословицы и поговорки / сост. Б. Басангов). Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1960. 135 х.
- Хальмг үлгүрмүд 1960б — Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс / диглж барт белдснь Букшан Бадм болн Мацга Иван (= Калмыцкие пословицы и поговорки / сост.: Б. Букшаев, И. Мацаков). Элст: Хальмг АССР-ин дегтр *harhach*, 1960. 295 х.
- Хальмг үлгүрмүд 1982 — Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс / диглж барт белдснь Букшан Бадм болн Мацга Иван Иван (= Калмыцкие пословицы и поговорки / сост.: Б. Букшаев, И. Мацаков). Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1982. 252 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / бүрдэдж кеснь, нүр үгинь болн темдгүдинь бичснь Леджнэ Церн, Шалвра Гяра (= Калмыцкий фольклор / сост.: Ц. Леджинов, Г. Шалбуров). Элст: Хальмг Госиздат, 1941. 466 х.
- Ramstedt 1956 — *Ramstedt G. J.* Kalmückische Sprichwörter und Rätsel aufgezeichnet von G. J. Ramstedt: bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956. 38 s.

Описание калмыцкой борьбы в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» Б. Бергмана

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник, аспирант
ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Митруев Б. Л., 2021

Аннотация. *Введение.* Во время путешествия в калмыцкую степь Бениамин Бергман наблюдал борцовский турнир, устроенный во время калмыцкого праздника *Үрс сар*. Описание турнира представлено в его восьмом письме, включенном в четырехтомное издание «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» (= Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах), которое было опубликовано в 1804–1805 гг. в Риге. *Цель* статьи — предоставить сведения о характере и правилах калмыцкой борьбы, описанных Б. Бергманом. В статье использованы материалы четырехтомного издания «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах». *Результаты.* Перевод данного письма из серии писем Б. Бергмана подкрепляет мнение исследователей о том, что калмыцкая национальная борьба велась по своим правилам, не схожим с правилами монгольской и бурятской борьбы. Борьба велась до тех пор, пока один из борцов не оказывался на лопатках. *Выводы.* Перевод восьмого письма Б. Бергмана демонстрирует, что четырехтомный труд Б. Бергмана продолжает оставаться актуальным источником сведений о калмыцком народе, его культуре и обычаях. Перевод четырехтомника на русский язык облегчил бы исследователям доступ к историческим, этнологическим и фольклорным сведениям о калмыках XIX в.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Автор выражает благодарность Марии Геннадьевне Степановой за помощь в подготовке перевода.

Ключевые слова: Калмыкия, борьба, Б. Бергман, Чучей-тайша, урус-сар
Для цитирования: Митруев Б. Л. Описание калмыцкой борьбы в «Кочевнических скитаниях среди калмыков в 1802–1803 годах» Б. Бергмана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 89–101. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-89-101

***Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803* by B. Bergmann: The Description of Kalmyk Wrestling Revisited**

*Bembya L. Mitruiev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate, Postgraduate Student
ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Mitruiev B. L. 2021

Abstract. *Introduction.* In the Kalmyk Steppe, Benjamin Bergmann witnessed a wrestling contest held during the Kalmyk festivities of Ürs Sar. A corresponding description is contained in his eighth letter included in the four-volume work of his titled ‘Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803’ (‘Nomadic Travels among the Kalmyk in the Years 1802 and 1803’) and published in 1804–1805 in Riga. *Goals.* The paper aims at introducing data on essentials and rules of Kalmyk wrestling described by

B. Bergmann in his landmark book mentioned above. *Results*. The scrupulous translation of the letter by B. Bergmann confirms the opinions of researchers that Kalmyk national wrestling was (and still is) distinguished from Mongolian and Buryat ones in terms of rules: the combat was over only after one of the wrestlers was seen down on his back. *Conclusions*. The introduced translation of B. Bergmann's letter shows his four-volume treatise still remains a topical source on Kalmyk culture and customs of the past. A complete translation of the work would become most useful to further historical, ethnological and folklore studies of the 19th-century Kalmyks.

Keywords: Benjamin Bergman, Kalmykia, Kalmyk wrestling, translation

Acknowledgments. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews', no. 075-15-2019-1879. The author extends gratitude to Maria G. Stepanova for the rendered translation assistance.

For citation: Mitruiev B. L. *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803* by B. Bergmann: The Description of Kalmyk Wrestling Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 89–101. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-89-101

Введение

Во время пребывания в ставке наместника калмыцкого ханства Чучей-гайши Тундутова Бениамин Бергман стал свидетелем праздника Урюс-сар у калмыков. Во время празднования проводился большой молебен, борцовский турнир и скачки. Б. Бергман подробно описывает борцовский турнир, саму борьбу и ее правила в своем восьмом письме от 18 мая 1802 г. Это письмо находится в первом из четырех томов его труда «*Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803*» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах»), опубликованного Б. Бергманом в 1804–1805 гг. в Риге [[Bergmann 1804a: 86–95](#)].

Урюс-сар (калм. *урс сар*) — праздник начала лета, во время которого проводятся «три мужских игрища»: борьба, скачки и

стрельба из лука. Традиция «трех мужских игр» имеет сходство с монгольскими и бурятскими [Калмыки 2010: 300].

14 октября 1800 г. указом Павла I Чучей-тайша был назначен наместником калмыцкого народа и получил от него в дар знамя, саблю, панцирь, соболью шубу и шапку [Эрдниев 1985: 77]. Грамотой Александра I от 2 мая 1802 г. права Тундутовых на владения были подтверждены. Церемония объявления Чучея наместником произошла 13 июля 1802 г. на реке Зельме в присутствии главного пристава Н. И. Страхова [Эрдниев 1985: 77].

Б. Бергман присутствовал на этой церемонии. Меньше чем через год после этого, 23 мая 1803 г., Чучей умер и наместничество упразднили. Б. Бергмана эта новость застала в Сарепте. Подробнее о биографии Б. Бергмана можно узнать в статье, посвященной ему [Митруев 2020].

Существует множество описаний калмыцкой борьбы, оставленных разными исследователями и путешественниками [Цандыков 2013]. Описание Б. Бергмана занимает свое место в их ряду. Оно отличается яркостью описания борцовского турнира и подробностью изложения правил борьбы. Однако некоторые замечания Б. Бергмана требуют дальнейшего сопоставления с другими подобными наблюдениями. Так, Б. Бергман пишет, что борцы входили «за большими белыми занавесами» (нем. hinterweißen Vorhängen), которые затем убирали [Bergmann 1804a: 90]. Это описание несколько отличается от общепринятого, в которых говорится о том, что борцов выводили под покрывалом [Немирович-Данченко 1877: 363].

Относительно правил самой борьбы, Б. Бергман сообщает: «Хотя борцам не разрешается наносить друг другу опасные удары, нет никаких возражений, если они пытаются высвободиться, давая пощечины и ударяя кулаками друг друга, так как это поощряет борьбу» [Bergmann 1804a: 94]. В противоположность этому В. И. Немирович-Данченко в своей книге «По Волге: (Очерки и впечатления летней поездки)» пишет: «Никакие удары — не допускаются» [Немирович-Данченко 1877: 364].

В настоящее время в Республике Калмыкия происходит возрождение национальной борьбы, и такое описание правил борьбы было бы небезынтересно исследователям этого вида калмыцкого национального спорта.

Правила борьбы, описанные у Б. Бергмана, схожи с правилами борьбы, которым следуют дербеты и торгуты Западной Монголии. Они освещены в книге «Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүдийн эмхэтгэл» [Сүхбаатар 2020].

Борьба проводится до прикосновения одним из борцов лопатками земли, после чего такой борец считается проигравшим. Существуют интересные кадры съёмки калмыцкой борьбы в кинохронике «Сюжеты. Неизвестная Россия (1920–1929)» [Кинодокумент № 65531] с чехословацкими титрами¹, предположительно сделанные в Ханате (Малодербетовский улус) в 1923 г., указывающие на то, что преемственность борцовских традиций сохранялась и после революции 1917 г. На этих кадрах видно, что борцы следуют правилам калмыцкой борьбы, стараясь уложить оппонента на лопатки.

Несколько замечаний к переводу.

Мы перевели контекстно немецкое *fürst* как «наместник», а не «князь» или «принц», и, соответственно, *fürstin* — как «наместница», а не «княгиня» или «принцесса», так как Чучей-тайша Тундутов занимал должность наместника калмыцкого ханства. В письме Б. Бергман так же называет его «вице-хан».

Немецкое *gesäuerter Milch* переведено как простокваша, хотя, скорее всего, под ним подразумевается калмыцкий *чиган* «кумыс, айран» [КРС 1977: 647], о котором Б. Бергман знал и несколько раз упоминал в своих письмах. В частности, уже во втором письме от первого мая 1802 г., находящемся в первом томе, он пишет о *Tschigan*, называя его «сквашенным кобыльим молоком» [Bergmann 1804a: 55].

---

¹ «Чехословацкий язык» — социолингвистический термин, использовавшийся в конституции и официальных документах Чехословакии в период Первой республики (1920–1938).

Другой напиток, о котором повествует Б. Бергман не только в восьмом письме, но и в двадцать седьмом письме от 16 ноября 1802 г., является «чихирь» (нем. Tschichirr): «Их обычным напитком является татарское вино, которое татары и русские называют „чихирь“, а калмыки, которые также являются его большими друзьями, называют его „чагар“ (нем. Tschagar). Однако вино в этой деревне [Владимировке] намного лучше. Самый изысканный сорт — легкий, приятно сладкий, стоит здесь лишь от тридцати до тридцати пяти копеек за штоф², но будет стоить в Москве и Петербурге от двух до пяти рублей, если дать ему иностранное название» [Bergmann 1805: 305–306].

«Чихирь» происходит от тюркского *čakug*, *čagug*, кавказское красное перебродившее вино домашнего приготовления [Крысин 2006: 878], калмыцкое название *чагр* ‘вино’ [КРС 1977: 644], по всей видимости, является заимствованием из тюркских языков. Описывая в третьем томе празднование Белого месяца Цагаан сара, Б. Бергман упоминает другой напиток, приготовляемый калмыками: «Чашы с мясом и вареным рисом распределяются одновременно среди нескольких гостей, которые используют ножи и свои пальцы. В это время года молочной водки (нем. Milchbranntwein) нет; подают обыкновенную русскую водку, белое и красное татарское вино в больших сосудах» [Bergmann 1804b: 170].

Другая интересная заметка — выражающее радость междометие «вой» (нем. Woih! woih!), описанное здесь как радостные крики народа, приветствующего победившего борца, не встречается в словаре Б. Д. Муниева. Эта заметка может дополнить наше знание этого аспекта разговорного калмыцкого языка XIX в.

Таким образом, перевод восьмого письма Б. Бергмана, отправленного им из калмыцких степей, еще раз подтверждает тот факт, что это четырехтомный труд продолжает оставаться источником важных и интересных сведений о калмыцком народе, его культуре и обычаях. Возможно, что перевод всего четырехтомного труда Б. Бергмана на русский язык облегчил бы российским исследователям доступ к историческим, этнологическим и фольклорным сведениям о калмыках XIX в.

² 1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 литра.

Перевод³

Восьмое письмо. 18 мая.

Калмык зурхачи (астролог) выбрал сегодняшний день для празднования непосредственного праздника Урюс[-сар]. Время этого праздника зависит от калмыцкого календаря, но обычно выпадает вскоре после недели молитвы, о которой я упоминал в одном из моих предыдущих писем. По всей видимости, молитвы во время Урюс[-сара] — это дело преимущественно калмыцких священников, потому что их молитвы считаются более действенными, когда они все вместе молятся за людей одновременно. Однако на самом празднике, который празднуется, в частности, распиванием водки, священники и миряне принимают равное участие. (87) На рассвете народ, священники и семья наместника, собрались под открытым небом для празднования. Все сели на колени⁴. Была громко произнесена молитва. После молитвы люди быстро встали, поклонились, упав ниц три раза перед солнцем, которое только что взошло, и плеснули в воздух водку в качестве жертвоприношения. За жертвоприношением последовала новая молитва, за которой последовало общее распитие водки, которое завершилось завтраком из баранины и простокваши.

Теперь все вернулись в свои кибитки, где вдоволь запасли водки, чтобы громко и весело отпраздновать праздник Джагджамуни⁵. В это же время вице-хан⁶ сделал приготовления для борьбы. Для этого было обустроено довольно просторное место между 4 кибитками и 2 палатками. 50 телохранителей наместника образовали круг между кибитками и палатками, на расстоянии нескольких шагов друг от друга: их копья были вонзены в землю перед ними. Собрание людей было разделено на правую и левую

---

³ В круглых скобках помещены номера страниц по изданию: [Bergmann1804].

⁴ Традиционный способ сидения у калмыков, заключающийся в том, что ноги поджимаются под себя, и человек садится на пятки так, что колени упираются в землю.

⁵ То есть Будда Шакьямуни.

⁶ То есть наместник.

стороны, или команду наместника и наместницы. Наместник и наместница сели в специальных кибитках напротив друг друга. Борцы должны были бороться как за собственную славу, так и за честь своей команды.

Я пошел с приглашенными русскими, все из которых были на правой стороне, в кибитку наместницы. Здесь, однако, было настолько многолюдно, что мы с трудом справились с этой задачей. Бутылки европейской водки, сладкого татарского вина (чихирь) теперь опустошали за победу правой стороны, в то время как за нами остальные гости пили бурдюки молочной водки. От наместницы мы пошли к ее супругу, чтобы наблюдать за борцовским поединком оттуда.

Рядом с наместником мы обнаружили несколько собравшихся там знатнейших калмыков, которые потягивали наместническую молочную водку из больших чаш. Нас также угостили этим отвратительным напитком. Чучей-[тайша]⁷, который, как и все калмыки, обычно очень веселый, сегодня был даже еще веселее, чем обычно, но не настолько, чтобы забыть о чётках.

Сегодня был один из самых приятных летних дней в степи. Поэтому наместник подумал, что было бы неплохо провести турнир по борьбе, который обычно начинался не раньше вечера, за несколько часов до обеда. Четыре (89) судьи, которые никогда не должны отсутствовать на таком зрелище, сели в красных одеждах посреди открытой площадки. Несколько всадников находились в разных точках за пределами круга, чтобы, при необходимости, кнутами развести борцов. Борцы подошли с противоположных сторон за большими белыми занавесами, которые несли другие калмыки. Они вышли на пару шагов рядом с палатками и сели на колени.

Затем они подошли еще ближе и снова сели. Наконец, занавес был снят, и оба соперника смогли начать борьбу. Поскольку калмыцкие борцы носят только широкие штаны, которые закатаны вверх насколько возможно, то по виду их мышц можно было догадаться о природе борьбы.

⁷ Наместник Калмыцкого ханства 1800–1803 гг. при царствовании Павла I (1754–1801).

Сам Чучей обращал мое внимание на все движения борцов, а так как он заметил, что я плохо различаю предметы на расстоянии, он заставил меня переместиться еще ближе. Но так как из-за деревянной решетки я не мог ясно все наблюдать, я выбрал место снаружи кибитки.

(90) На этот раз любимому борцу наместника, так как его сила уже убывала, пришлось испытать свое мастерство в последний раз: ибо после окончания матча его вычеркивали из списка борцов. Во время большого борцовского соревнования самые искусные борцы всегда должны показывать себя первыми. Однако Чучей тайно устроил так, чтобы его фаворит (который мог рассчитывать на награду только в случае победы в турнире) не подвергался опасности, потому что лучший борец наместницы появился только во втором раунде. Противники, которые поначалу вообще не видели друг друга, и даже когда занавес был снят, казалось, не замечают друг друга, двигаясь боком с дикими движениями в 20–30 шагах друг от друга, подходили все ближе и ближе. Их первым движением было наклонение верхней части тела вперед и попытки схватить тело друг друга. Когда, наконец, они схватили друг друга, невозможно было не восхищаться мастерством и силой, с которой они мешали усилиям друг друга.

Их руки были сцеплены, а ноги, казалось, укоренились в земле. В течение нескольких минут они оставались в одном и том же положении, затем внезапно оторвались друг от друга и пытались схватить друг друга, иногда за голову, иногда за ноги, но чаще всего за развевающиеся пояса. Иногда одному из борцов удавалось сбить соперника с ног, но с поразительной ловкостью сбитый человек поднимался снова, и в тот же момент знал, как привести соперника в то же положение. Таким образом, поединок длился четверть часа с ничейным счётом. Борцы еще не были измотаны, но судьи освежили их истощенные силы, облив борцов водой. На несколько мгновений борьба, казалось, была приостановлена по взаимному согласию. Соперники отпустили друг друга, прошли по узкому кругу два-три раза, а затем бросились друг на друга снова. Согласно калмыцким правилам борьбы, борец может быть

брошен на живот или на бок, но он еще не побежден: только когда он полностью уложен на спину, провозглашается победитель. Усилия двух бойцов длились более получаса, когда, наконец, фавориту наместника удалось бросить другого борца так, что, хотя и не было принято решения по правилам борьбы, судьи наместника признали его полную победу. Другой борец был брошен больше на бок, чем на спину, и все еще опирался на руку, когда судьи с всадниками поспешили туда и развели борцов. Победитель, объявленный с правой стороны, подошел к кибитке наместника, прикоснулся лбом к земле, его завели внутрь кибитки, где Чучей вручил ему чашу кобыльего молока и подарил ему верхнюю одежду. Затем победителя привели к болельщикам правой стороны, и друзья подарили ему одежды. Судьи наместницы потребовали, чтобы два борца снова схватились, но принц был против.

Последующие борцы появились сразу после первых, сошлись и начали борьбу быстро и ловко, но борец наместницы показал свое превосходство над противником, что не оставило сомнений в его победе. Борьба длилась всего несколько секунд, когда он схватил соперника за ноги и бросил на спину. Наместница подарила победителю, который приблизился к ее кибитке, чтобы простереться перед ней, шубу и другие (93) предметы одежды. Когда он проходил мимо, радостные крики «вой, вой!» звучали ото всей левой стороны, и проливался дождь из одежды. Вы должны узнать имя этого борца, который так известен среди калмыков: его зовут Тука.

Поскольку борцы наместницы одержали наибольшее количество побед, князь намеренно отложил обед, рассчитывая в конце концов на победу в пользу своей стороны. Он даже сделал так, что несколько пар борцов появились одновременно, но все напрасно. Ведь другая команда набирала все большее и большее превосходство.

Мы сели обедать довольно поздно. Еда была приготовлена в европейском стиле из-за присутствия европейцев. Однако присутствующим калмыкам, похоже, европейские деликатесы не пришлись по вкусу, хотя они попробовали хотя бы понемногу

каждое из блюд, чтобы показать, что они не брезгают иностранной едой.

Во время трапезы борьба продолжалась без перерыва, но без реального успеха для наместника и его команды. Завершив трапезу, мы снова заняли свои места, чтобы посмотреть завершение борцовского турнира, который, в конце концов, наскучил мне. (94) Вывод о том, что такие турниры по борьбе проводятся по определенным правилам, вы можете сделать из факта назначения судей. Согласно этим правилам, ни один борец не должен ранить соперника. Однако иногда ярость настолько велика, что борцы ломают руки и ноги и даже наносят смертельные раны. Один заслуживающий доверия человек, который был свидетелем такого случая, рассказал мне, что однажды на турнире по борьбе один из борцов пронзил грудь соперника всеми пятью пальцами правой руки. Раненый вышел из себя, схватил противника за пятки, поднял его и, сбив с ног, сломал ему два ребра. Несчастный остался на месте.

Хотя борцам не разрешается наносить друг другу опасные удары, нет никаких возражений, если они пытаются высвободиться, давая пощечины и ударяя кулаками друг друга, так как это поощряет борьбу. Хватать друг за друга за волосы считается неприличным.

Когда турнир заканчивается, то в соответствии с шапками победителей, которые судьи тщательно (95) собирают, определяется победа правой или левой стороны. На этот раз победа была на стороне наместницы. Наместник, который в этот день выставил 35 пар борцов, выбрал из народа еще 10 пар, потому что он, безусловно, хотел победить. Но когда были подсчитаны знаки победы, на стороне противника было на пять шапок больше, чем на его собственной. Судьи наместника, которые подложили несколько шарфов, утверждали, что некоторые борцы дали шарфы вместо шапок, но эта уловка была признана недействительной.

Вы будете удивлены, увидев, что многие манджи⁸ и гецулы⁹ вышли как борцы. Среди самих зрителей почти не было никого,

⁸ Манджи — мальчик, принятый в монастырь на обучение.

⁹ Гецул (тиб. dgetshul) — монах-послушник.

кроме гелюнгов¹⁰, которых можно было отличить по лисьим шапкам.

У калмыков занятия борьбой занимают место греческих игр, римских цирковых боев и турниров средневековья. Калмыцкий наместник спросил меня, есть ли подобные борцовские игры в моей стране. Мой отрицательный ответ, похоже, польстил ему.

Источники

- Bergmann1804a — Benjamin Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil, Riga: C. J. G. Hartmann, 1804. 352 pp.
- Bergmann 1804b — Benjamin Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Dritter Theil, Riga: C. J. G. Hartmann, 1804, 302 pp.
- Bergmann 1805 — Benjamin Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Vierter Theil, Riga: C. J. G. Hartmann, 1805, 356 pp.

Литература

- Калмыки 2010 — Калмыки / ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; ИЭА РАН, КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. 568 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Крысин 2006 — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 940 с.
- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 176–202.
- Немирович-Данченко — *Немирович-Данченко В. И.* По Волге: (Очерки и впечатления летней поездки) / [Соч] В. И. Немирович-Данченко. СПб.: изд. И. Л. Тузова, 1877. XII, 404 с.
- Кинодокумент № 65531 — Кинодокумент № 65531 [электронный ресурс] // Сюжеты. Неизвестная Россия (1920–1929). (К/П). Ч. № 4. URL: <https://www.net-film.ru/film-65531/> (дата обращения: 03.01.2021).
- Сүхбаатар 2020 — *Сүхбаатар На.* Бух ноолдоон: Эрдэм шинжилгээний өгүүлүүдийн эмхэтгэл (= Бух ноолдоон: сборник научных статей).

¹⁰ Гелюнг (тиб. dgeslong) — монах, принявший все монашеские обеты.

- Bibliotheca Oiratica biography serica – XV Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2020. 136 с.
- Цандыков 2013 — *Цандыков В. Э.* Калмыцкая национальная борьба «Бөки барилдан» в информационных источниках прошлого и настоящего. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. 120 с., ил.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

Исследование текстов на тибетском языке: корпусный подход (на основе 600 публикаций за 40 лет)

*Дола*¹

¹ Северо-Западный университет национальностей (д. 1, Шибей Шинхун, 730030, Ланьчжоу, Ганьсу, КНР)
доктор филологических наук, профессор

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дола, 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья является результатом исследовательского проекта по созданию корпуса тибетского языка на основе материала 600 тибетологических работ, опубликованных за последние 40 лет. Языковой корпус данной статьи составляют 642 статьи на тибетском языке из 25 тибетских журналов, опубликованных с 1978 по 2018 гг. *Цель.* В данной работе осуществляется классификация слов, деление на части речи, используются статистические данные по литературным памятникам, проводятся измерительные исследования литературных памятников, словарного состава и т. д. *Результаты.* В результате исследования можно выяснить основные характеристики китайской тибетологии за последние 40 лет, главные направления исследований и тенденций развития.

Ключевые слова: библиометрия тибетских литературных памятников, научная статья на тибетском языке, измерение лексического состава

Благодарность. Данная работа проведена в рамках исследовательского проекта по философии и социальным наукам Министерства образования (номер проекта: 13 ZD028), Национального проекта по общественным наукам (16ZDA166), Национального фонда естественных наук Китая (проект № 61866034), ключевых дисциплин Северо-Западного университета национальностей и создания языковых ресурсов (регистрационный номер инновационного исследования: 1001050733). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции

«Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дола. Исследование текстов на тибетском языке: корпусный подход (на основе 600 публикаций за 40 лет) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 102–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-102-120

Exploring of Tibetan-Language Texts: The Corpus Approach (A Case Study of 600 Publications Issued over 40 Years)

*Dola*¹

¹ Northwest University for Nationalities (1, Xibei Xinxun, Lanzhou, Gansu, 730030, People's Republic of China)
Dr. Sc. (Philology), Professor

© KalmSC RAS, 2021

© Dola, 2021

Abstract. Introduction. This article is the result of a research project to create a corpus of the Tibetan language based on the measurement of the lexical composition of 600 Tibetological works published over the past 40 years. The language corpus of this article consists of 642 articles in Tibetan from 25 Tibetan journals published from 1978 to 2018. *Goals.* This work introduces a classification words, division into parts of speech, uses statistical data based on the literary monuments, measures syllabic and lexical compositions in literary works, vocabulary and syllabic compositions, etc. *Results.* The paper makes it possible to follow the situation in Chinese Tibetology over the past 40 years, the main directions of research and development trends.

Keywords: bibliometry of Tibetan literary monuments, scientific article in the Tibetan language, measurement of lexical composition

Acknowledgements. This work is the subject of a major research project on philosophy and social sciences of the Ministry of Education of the People's

Republic of China (project no. 13 ZD028), National Social Sciences Project (16ZDA166), National Natural Sciences Foundation of China (project no. 61866034), key disciplines of Northwest University for Nationalities, and the creation of language resources (Innovation research registration no. 1001050733). The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and partially granted by Government of Russia (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Dola. Exploring of Tibetan-Language Texts: The Corpus Approach (A Case Study of 600 Publications Issued over 40 Years). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 1. Pp. 102–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-102-120

Введение

Библиометрический метод — это использование компьютерной лингвистики, математики и статистики для количественного анализа информации. Это комплексная система знаний, которая объединяет корпусную лингвистику, математику, статистику и источниковедение. В основном она применяется для анализа объема используемой литературы и лексики, количества авторов и т. д. Исследования в области измерения объема используемой литературы подчеркивают важность количественного анализа в области гуманитарных и социальных наук.

За последние 40 лет реформ открытости количество ученых-тибетологов непрерывно росло, научные результаты удвоились, область исследований постоянно расширялась, наблюдается прогресс — как с точки зрения количества, так и качества. Библиометрический метод позволяет провести анализ научных результатов в тибетологии за последние 40 лет, подвести итоги прошлого и заглянуть в будущее, чтобы предоставить справочную информацию о нынешнем состоянии исследований и наметить будущее развитие в данной области. В связи с этим в данной статье проводится количественный анализ более 600 тибетских научных статей за последние 40 лет для того, чтобы проследить динамику иссле-

дований с разных точек зрения. Поскольку тибетское академическое сообщество еще не создало базу данных и поисковую базу данных по литературным индексам CNKI или CSSCI, некоторые важные показатели, такие как количество цитирований и влияние факторов литературы, не могут быть исследованы из-за недостатка данных. Поэтому в дополнение к существующей информации о литературных памятниках эта статья фокусируется на содержании источников и рассматривает его с лексической точки зрения, дополнительно осуществляя анализ слогового состава.

1. Исследовательский образец тибетских научных трудов

В 2016 г. «Инновационная команда по тибетским исследованиям» Северо-Западного университета национальностей начала приводить в порядок основные китайские научные работы по тибетологии с 1978 г, когда существовала потребность в тибетских исследованиях и создании магистерских программ. К октябрю 2018 г. были собраны 10 томов, которые были переданы в издательство «Тибетология Китая». Удачное совпадение, что по случаю 40-й годовщины тибетских исследований в 2018 г. было запланировано провести библиометрический анализ 40-летней истории тибетских исследований в Китае. Это собрание используется в качестве исследовательской выборки для конструирования корпусов, классификации слов¹, деления на части речи², построения лингвистического корпуса.

Выбор языкового корпуса исследования должен соответствовать научным стандартам, и относительно сбалансированный корпус может лучше отражать объекты, подлежащие исследованию. Все 10 томов — это 25 китайских журналов, официально выпущенных в Китае и за его пределами. В результате интервью,

---

¹ Классификация произведена в соответствии с национальным стандартом «Обработка информации при помощи стандарта сегментации слов тибетского языка» (GB/T 36452–2018).

² Помечены в соответствии с национальным стандартом «Обработка информации при помощи критериев классификации частей речи тибетского языка» (GB/T 36337–2018).

консультаций и небольших симпозиумов с соответствующими экспертами были определены принципы отбора документов. В соответствии с ними были отобраны в общей сложности 642 репрезентативных документа из 25 китайских журналов на тибетском языке в качестве образца для исследования корпуса — с периодом в 40 лет с 1978 по 2018 гг. Все 25 журналов являются тибетскими журналами, открыто изданными внутри Китая.

В перечень журналов включены следующие: 1) «Тибетология Китая»; 2) «Тибетские исследования»; 3) «Журнал Тибетского университета»; 4) «Журнал Северо-Западного университета национальностей»; 5) «Восхождение»; 6) «Журнал Цинхайского университета национальностей»; 7) «Исследования тибетского искусства»; 8) «Народное искусство»; 9) «Чжанчаэр»; 10) «Bang Jin Mei Duo»; 11) «Образование Цинхая»; 12) «Культура снежных районов»; 13) «Журнал Цинхайского педагогического университета»; 14) «Тибетское национальное образование»; 15) «Тибетский буддизм»; 16) «Дасай»; 17) «Тибетская литература и искусство»; 18) «Работа на национальном языке»; 19) «Нация»; 20) «Тибетское образование»; 21) «Исследование Андо»; 22) «Журнал Национального педагогического института Ганьсу»; 23) «Мастер»; 24) «Искра знаний»; 25) «Китайский Тибет».

Следует отметить, что со временем некоторые из этих журналов были переименованы, и здесь приводится текущее название, но в корпус включены все научные статьи из журналов, которые изменили свое название.

С точки зрения количества большинство статей представлено из журналов «Тибетология Китая» и «Тибетские исследования» (154 статьи соответственно), что свидетельствует о их влиянии в области тибетологических исследований. За ними следуют «Журнал Тибетского университета» и «Журнал Северо-Западного университета национальностей» (45 статей и 44 статьи соответственно). Следом идут журналы «Восхождение» и «Журнал Цинхайского университета национальностей», из каждого по 37 статей.

С точки зрения классификации контента основными 10 категориями являются история, люди, источники, литература, народные

обычай, культура, религия, искусство, язык и перевод. Распределение 10 категорий представлено ниже:

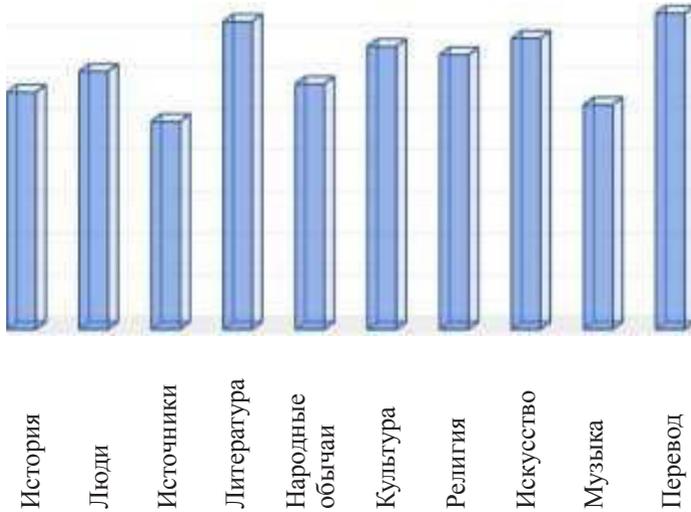

Рис. 1. Классификация контента и количество статей

Согласно выборке статей, основные категории разделены на 51 подкатегорию, то есть 51 конкретную область тибетских исследований, а именно:

1) категория «История»: история, древняя история, исследования периода правления в Тибете Цэнпо, сложные и важные моменты истории Тибета, эпоха раздробленности, краеведческие исследования и т. д.;

2) категория «Люди»: основные исторические личности;

3) категория «Источники»: теория источниковедения, надписи на камне, письменные памятники дуньхуанских пещерных храмов, древние письма и др.;

4) категория «Литература»: теория литературы, исследования классификации литературных произведений, исследования истории литературы, поэзия и теория поэзии, современная поэзия и поэты, исследования рассказов, народная литература;

5) категория «Народные обычаи»: свадебные обряды, погребальные обряды, обряды жертвоприношений, анализ снов, обычаи, связанные с домашними животными, народные верования, народные привычки, народные развлечения и др.;

6) категория «Культура»: топонимы, фамилии, пять отраслей знания (филология, ремёсла и астрономия, медицина, логика, философия), региональная культура, материальная культура, одежда, традиционное естествознание, эпос «Гэсэр» и др.;

7) категория «Религия»: теория буддизма, история буддизма, храмовая культура;

8) категория «Искусство»: тибетская живопись на холсте, ремесленное искусство, искусство гравюры, устное народное искусство, искусство цянов и другие виды исполнительского искусства, комплексные исследования;

9) категория «Язык»: всестороннее изучение языка;

10) категория «Перевод»: общая теория, детализация теории, история перевода, анализ практических вопросов перевода и др. 5 областей. Наличие данной подкатегории также указывает на то, что языковой корпус богат по содержанию и охватывает широкий диапазон, все аспекты тибетских исследований и имеет определенную типичность.

В целом распределение контента относительно равномерно, но особенно активно проводились исследования в области теории буддизма, истории буддизма, тибетской живописи на холсте, литературы, теории перевода, анализа проблем перевода и др., каждая подкатегория представлена более чем 20 статьями.

Сложные и важные моменты истории Тибета, краеведческие исследования, письменные памятники дуньхуанских пещерных храмов, погребальные обряды, практические вопросы перевода, материальная культура и т. д. являются важными областями исследований, каждая подкатегория представлена более чем 15 статьями.

Следует отметить, что категории «Люди» и «Язык» не имеют подкатегорий и представлены 62 статьями и 61 статьей соответственно. Однако в этих областях можно выделить много подка-

тегорий. Например, традиционная грамматика, лингвистика, морфология, синтаксис и т. д., здесь мы не использовали подобную дополнительную классификацию.

Контент категории «Люди» относительно прост — об исторических личностях, классификация исходит из исторического периода, поэтому наблюдается упрощение самого контента, исследование исторических личностей также является популярным.

Если рассматривать с точки зрения количества авторов, то 642 статьи в 10 томах написаны 452 разными авторами, 27 соавторов, всего 479 человек, на главного автора в среднем приходится 1,42 статьи, частота повторения низкая, что указывает на то, что авторский охват относительно высокий. 642 тибетских научных труда, тщательно отобранных, подготовлены 479 людьми, которые занимаются тибетологическими исследованиями, и эта часть авторского состава является основной. Так, корпус охватывает почти всех известных тибетологов в тибетских научных кругах, таких как Цайданьсяжун (Ценден Церинг), Дунгалосанчиле (Дугла Лобсанг), Маоэргайсанмудань, Доши (Гаши), Цябайцыданьпинцо, Сайцанлусанхуадань, Лабапинцо (Лама Цо), Наньканобу (Намка Норбу), Ночжаноуцзян, Чэньцинъин (Тен Церинг), Басанвандуй (Басанг Ванду), Цзаньла Аванцочэн, Мацзиньу, Гаожуй (Гачо), Гацантомэй (Гацан Тогме), Каганчжасицайжан, Цягаданьчжэн и др.

Были отобраны их работы, в среднем больше 2 статей на человека, в том числе 8 статей Цябайцыданьпинцо, 6 статей Маоэргайсанмуданя, 5 статей Дунгалосанчиле, по 4 статьи Цайданьсяжуна, Доши, Мацзиньу. Конечно, в области тибетских исследований имеется множество работ молодых ученых и ученых средних лет, а также работ молодых докторов тибетологии и докторантов.

Если рассматривать материал с точки зрения временной классификации, 642 статьи с 1978 по 2015 гг. делятся так: 1 статья 1970-х гг., 105 статей 1980-х гг., 145 статей 1990-х гг. и 205 статей 2000-х гг., 10 статей 2010-х гг., что свидетельствует о развитии тибетологии в Китае (см. рис. 2).

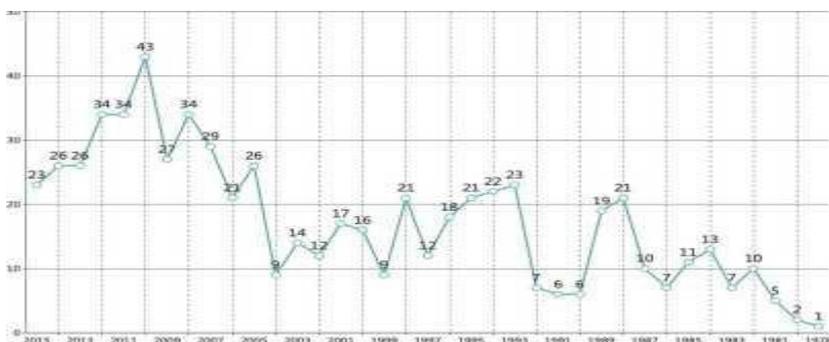

Рис. 2. Год публикации и количество статей

Среди отобранных работ больше всего статей 2010 г. — 43 статьи. Мы также обнаружили период с количеством написания статей более 20, всего 16 временных отрезков, что в определенном смысле отражает качество и влияние опубликованных работ той эпохи, или пиковый период высококачественных научных работ. Данные 16 годов и количество статей представлены на рис. 5:

Говоря о 1980-х гг., следует отметить, что только в один 1988 г. количество статей превысило 20, в 1990-х гг. было уже 4 таких года, в 2000-х гг. — 5, в 2010-х гг. — 6. Увеличение количества статей проходило равномерно.

Исходя из сказанного выше, можно увидеть, что масштаб исследований был достаточно широкий, охватывались огромные области изучаемого объекта, рамки исследований были обширны, присутствовала определенная типичность, между областями исследований присутствовал определенный баланс.

Приведенная выше информация о языковом корпусе письменных документов отражает тенденции и динамику исследований в тибетологии за последние 40 лет реформ открытости.

2. Количественный анализ лексического состава

Лексические измерения заключаются в количественном определении различных фактов с использованием таких статистиче-

ских данных, как кратность и частота, совокупная кратность и совокупная частота, а также информационная энтропия. Лексические измерения — это процесс от количественного наблюдения до качественного анализа с последующим выводом на основе позитивизма, при помощи языковой инженерии и статистических данных, при использовании дедуктивного метода.

Количественный метод измерения лексики противоположен традиционному качественному методу, но в совокупности они дополняют друг друга. Лексические измерения все больше играют важную роль в области социальных наук, имеют свои уникальные методы интерпретации в изучении содержания, семантическом анализе, анализе литературного контента, исследовании ключевых слов и так далее.

3. Общий анализ 10 томов литературных памятников

В 642 научных статьях, рассмотренных в данной работе, в общей сложности 162 100 разных слов, которые встречаются 2 824 300 раз. Словарный запас научных работ настолько широк, что в свою очередь демонстрирует тематическое разнообразие типетских исследований.

Согласно общему принципу статистического анализа лингвистического корпуса, слово, встречающееся более 5 раз, является высокочастотным, которое обычно в области изучения языка относится к общеупотребительной лексике. Данная статья содержит 24 302 слова, которые встречаются более 5 раз, что составляет 93,3 % от общего лексического запаса. Количество общеупотребительных слов большое, что отражает широту и разные области исследования.

Было обнаружено 30 436 антропонимов, в общей сложности встречаются 102 501 раз. Среди них 21 809 — это имена, которые встречаются 49 077 раз, 4 306 географических названия — 18 883 раза, 419 названий учреждений — 1 403 раза, 2 630 специальных терминов — 10 073 раза и т. д.

Что касается классификации слов, насчитывается 88 классов слов. Класс слов включает в себя две категории: знаменательные

слова и служебные слова, и он основан на национальном стандарте «Классификация тибетских слов для обработки информации» (GB/T 36337–2018). Среди них существует 45 классов, которые встречаются более чем 10 000 раз, в общей сложности повторяющиеся 27 255 212 раз, что составляет 96,5 % от общего количества слов.

Классы слов и отдельных граммем, встречающиеся более чем 10 000 раз, и их частотность представлены в табл. 1.

Таблица 1. Частотность классов слов и некоторых граммем

№	Часть речи	Обозначение	Кратность обнаружения
1	Простое имя существительное	nn	692 222
2	Родительный падеж	gi	306 417
3	Переходный глагол	vt	231 583
4	Творительный падеж	is	142 819
5	Указательное местоимение	rz	116 621
6	Непереходный глагол	vi	103 295
7	Соединительный союз	cn	70 495
8	Простое имя прилагательное	as	70 360
9	Существительные темпоративы	nt	66 825
10	Соединительно-разъединительные союзы	cd	64 664
11	Собственное имя человека	nr	49 077
12	Вспомогательный глагол	vu	46 068
13	Активный залог	bo	45 401
14	Существительные локативы	nf	43 568
15	Глагол-связка	vj	43 454
16	Обобщающий падеж 同体格	ld	42 595
17	Имя числительное	mj	41 473
18	Начальный падеж	jg	32 379
19	Союз ссылки	ci	31 207
20	Семантически связанный союз	fg	29 691

21	Отглагольное существительное	nv	29 265
22	Ссылочный союз 具指连词	ce	29 093
23	Отрицательное наречие	df	29 052
№	Часть речи	Обозначение	Частота обнаружения
24	Экзистенциальный глагол	VC	26 962
25	Собирательные счетные слова	qj	25 550
26	Служебное слово сравнения	ub	24 080
27	Наречие предела	dw	22 447
28	Наречие степени	dc	21 427
29	Предикативное прилагательное	ad	20 147
30	Собирательное имя существительное	ne	19 033
31	Топоним	ns	18 483
32	Личное местоимение	rr	18 296
33	Приведенный союз	cv	18 085
34	Комплексный союз	cu	17 320
35	Зависимый соединительный союз	eg	16 182
36	Противительный союз	cz	13 320
37	Временной падеж	lh	12 813
38	Причинный падеж	bg	12 750
39	Видо-временное вспомогательное слово	us	12 184
40	Вопросительное местоимение	ry	11 819
41	Название должностей	nx	11 798
42	Вспомогательное слово, которое встречается в конце предложения	ud	11 780
43	Конечное вспомогательное слово	uz	11 684
44	Порядковое числительное	mx	11 655
45	Собственное имя существительное	nz	10 073
Итого		2 725 512	

Полученное количество данных достаточно большое, и нельзя считать, что все аспекты данных отражены. Поэтому в данной статье мы изучим первые 50 существительных, чтобы взглянуть на фокус тибетских исследований за последние 40 лет. Например: тибетская нация, история, человек, письменность, регион, нация, культура, характеристика, закон, речь, ученый, искусство, предложение, литература, язык, общество, тибетский язык, поэзия, понятие, живопись, натура, древние книги, дух, жизнь, Индия, обычай, литературный памятник, бон, язык, теория, славословие, статуя или тело, содержание, религия, мысль, пример, биография, Дуньхуан, тибетский язык, мощь, книга, тема, учение, персонаж, мир, перевод, обычай, знание, политика, Будда и др.

Среди них слово «тибетская нация» встретилось более 12 000 раз, «история» — более 6 000 раз, «человек» — более 4 000 раз, «письменность», «регион», «нация», «культура», «характеристика» и т. д. — 3 000 раз, остальные — от 1 000 до 3 000 раз.

Эти 50 имен существительных, в общем, появились 104 189 раз, что составляет 3,69 % от общего словарного запаса, это отражает то, что «тибетская нация», «культура», «регион», «письменность», «искусство» и так далее являются главными темами исследований. Высокая кратность и частота употребления 50 существительных представлена в табл. 2.

Таблица 2. Частота употребления высокочастотных существительных

№	Существительные в переводе с тибетского языка на русский язык	Частота	Частотность	Итого, частота	Итого, частотность
1	Тибетская нация	12 671	0.44863 %	12 671	0.44863 %
2	История 历史	6 252	0.22136 %	18 923	0.66998 %
3	Человек 人	4 289	0.15186 %	23 212	0.82184 %
4	Письменность 文字	3 801	0.13458 %	27 013	0.95642 %
5	Регион	3 589	0.12707 %	30 602	1.08349 %
6	Нация	3 492	0.12364 %	34 094	1.20712 %

7	Культура	3 393	0.12013 %	37 487	1.32726 %
8	Характеристика	3 086	0.10926 %	40 573	1.43652 %
9	Закон	2 904	0.10282 %	43 477	1.53934 %
10	Речь	2 904	0.10282 %	46 381	1.64216 %
11	Ученый	2 360	0.08356 %	48741	1.72571 %
12	Искусство 艺术	2 238	0.07924 %	50 979	1.80495 %
13	Предложение	2 142	0.07584 %	53 121	1.88079 %
14	Литература	2 066	0.07315 %	55 187	1.95394 %
15	Язык	1 996	0.07067 %	57 183	2.02461 %
16	Общество	1 924	0.06812 %	59 107	2.09273 %
17	Тибетский язык	1 871	0.06624 %	60 978	2.15897 %
18	Поэзия	1 786	0.06323 %	62 764	2.22221 %
19	Понятие	1 750	0.06196 %	64 514	2.28417 %
20	Живопись	1 731	0.06129 %	66 245	2.34546 %
21	Натура	1 589	0.05626 %	67 834	2.40172 %
22	Древние книги	1 550	0.05488 %	69 384	2.45659 %
23	Дух	1 548	0.05481 %	70 932	2.51140 %
24	Жизнь	1 516	0.05368 %	72 448	2.56508 %
25	Индия	1 514	0.05360 %	73 962	2.61868 %
26	Обычай	1 447	0.05123 %	75 409	2.66991 %
27	Литературный памятник	1 437	0.05088 %	76 846	2.72079 %
28	Бон	1 400	0.04957 %	78 246	2.77036 %
29	Язык	1 345	0.04762 %	79 591	2.81798 %
30	Теория	1 335	0.04727 %	80 926	2.86525 %
31	Славословие	1 335	0.04727 %	82 261	2.91251 %
32	Статуя, тело	1333	0.04720 %	83 594	2.95971 %
33	Содержание	1 316	0.04659 %	84 910	3.00630 %
34	Религия	1 300	0.04603 %	86 210	3.05233 %
35	Мысль	1 272	0.04504 %	87 482	3.09737 %
36	Пример	1 268	0.04489 %	88 750	3.14226 %
37	Биография	1 200	0.04249 %	89 950	3.18475 %
38	г. Дуньхуан	1 176	0.04164 %	91 126	3.22639 %
39	Тибетский язык	1 172	0.04150 %	92 298	3.26788 %

40	Мощь	1 169	0.04139 %	93 467	3.30927 %
41	Книга	1 128	0.03994 %	94 595	3.34921 %
42	Тема	1 096	0.03880 %	95 691	3.38801 %
43	Учение	1 080	0.03824 %	96 771	3.42625 %
44	Персонаж	1 069	0.03785 %	97 840	3.46410 %
45	Мир	1 067	0.03778 %	98 907	3.50188 %
46	Перевод	1 066	0.03774 %	99 973	3.53962 %
47	Обычай	1 065	0.03771 %	101 038	3.57733 %
48	Знание	1 063	0.03764 %	102 101	3.61497 %
49	Политика	1 051	0.03721 %	103 152	3.65218 %
50	Будда	1 037	0.03672 %	104 189	3.68889 %

Мы также исследовали 500 имен существительных, самая высокая кратность среди которых составляла 12 671 раз, а самая низкая кратность — 191. Они встречались 355 500 раз, что составляет 12,59 % от общего словарного запаса.

4. Анализ классификации 10 томов литературных памятников

Как упоминалось выше, 642 статьи разделены на 10 категорий, общее количество слов в 10 категориях составляет 293 900, а количество упоминаний — 2 824 300 слов, что эквивалентно в среднем 9,61 разу на слово.

В 10 категориях было 31 215 слов, касающихся литературных памятников, которые встречаются 266 855 раз; 31 071 слово из культуры — 265 062 раза; 27 447 слов из литературы — 312 525 раз; 34 357 слов, касающихся персонажа, — 291 722 раза; 31 724 слова из искусства — 304 211 раз; 31 759 слов из истории — 301 452 раза; 24 491 лингвистический термин — 251 705 раз; 27 516 слов из обычаев — 247 022 раза; 30 229 религиозных слов — 304 107 раз; 24 091 слов из перевода — 279 666 раз.

Обзор выглядит следующим образом: литературные памятники, культура, литература, персонаж, искусство, история, язык, обычай, религия, перевод.

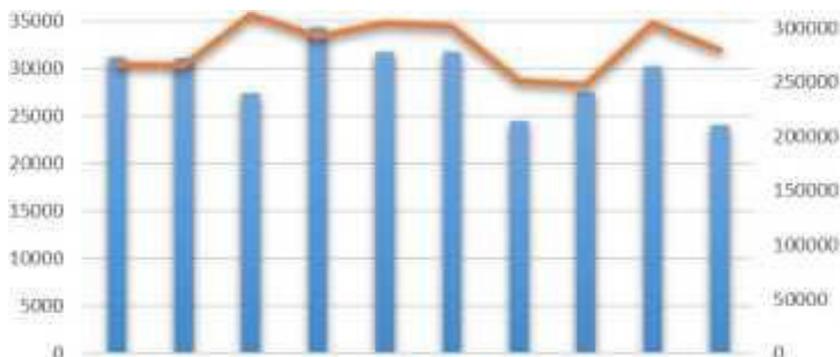

Рис. 3. Классификация слов и их частота

В соответствии с классификацией 10 основных категорий литературных памятников, первые 20 высокочастотных существительных также являются ключевыми для анализа слов в литературе. Как установлено в ходе комплексного исследования, ключевые слова существительных в каждой категории не сильно меняются, но высокочастотные существительные из категории «литературные памятники» имеют различный акцент, и тенденция отнесения их к этой категории более очевидна, например, слова из категории «литературные памятники»: литературный памятник, текст, каталог; категория «культура»: культура, древние книги, нация, общество и т. д. Категория «литература»: литература, поэзия, искусство, автор, мысль, жизнь и т. д. Все эти слова обладают очевидными лексическими особенностями отнесения их к той или иной категории. Интересно, что среди 10 категорий термин «тибетская нация» занимает первое место. Это отражает то, что основным объектом или темой тибетских исследований является «тибетская нация».

Первые 20 высокочастотных существительных из 10 категорий показаны в табл. 4.

Таблица 4. Высокочастотные существительные в зависимости от тематических категорий

№	Литературный памятник	Культура	Литература	Персонаж	Искусство	История	Язык	Обычай	Религия	Перевод
1	Тибетская нация	Тибетская нация	Литература	Тибет	Тибет	Тибетская нация	Письменность	Тибетская нация	Закон	Значение
2	(год)	Культура	Поэзия	История	Живопись	История	Речь	Год	Тибетская нация	Тибетская нация
3	Письменность	Наименование	Тибетская нация	Наша эра	Искусство	Год	Наименование	Дух	Логика	Наименование
4	История	Год	Искусство	Закон	Особенность	Цэнпо	Тибетская нация	Обычай	Регион	Перевод
5	Наша эра	История	История	История	История	Король	Семантика	Культура	Понятие	Подлинник
6	Значение	Человек	Особенность	Ученый	Дянди (музыка)	Наименование	Язык	Церемония	Знание	Предложение
7	Регион	Регион	Нация	Король	Человек	Наша эра	Предложение	Жизнь	Форма	Культура
8	Текст	Нация	Автор	Регион	Форма	Нация	Каменная стела	Эпоха	Структура	Нация
9	Буддийский закон	Бон	Форма	Тело, статуя	Нация	Язык	Дунхуань	Женщина	Точка зрения	Тибетский язык

10	Человек	Общество	Мысль	Нация	Культура	Общество	Послелог	Лу	Натура	Концепция
11	Литературный памятник	Древние книги	Жизнь	История	Эпоха	Дунхуань	Тибетский язык	Год	глубоко-мудрый	Диалект
12	Наименование	Возраст	Язык	Человек	Статуя	Письменность	Характеристики	Общество	Древние книги	Различие
13	Тибетский язык	Особенность	Тема	Духовный учитель	Король	Гробница	Год	Религия	Храм	Тибетский язык
14	Каталог	Ученый	Предложение	Монах-переводчик	Произведение	Мощь	Славословие	Король	Наша эра	Характеристика
15	Соглашение	Наша эра	Общество	Индия	Дух	Литературный памятник	Регион	Сон	Теория	Язык
16	Характеристика	Отношение	Культура	Цэнпо	Танец	Политика	Тибетский язык	Сознание	Человек	Речь
17	Нация	Цивилизация	Поэзия	Летопись	Религия	Слово	Звук	Форма	Предопределение	Китайский язык
18	Издательство	Эпоха	Произведение	Вежливая форма обращения	Традиция	Отношение	Основное слово	Первобытный	Бон	Письменность
19	Политика	Цэнпо	История	Амдо	Индия	Бон	Грамматика	Сноха	Сущность	Перевод
20	Эпоха	Религия	Образ	Литературный памятник	Народ	Ученый	История	Гробница	Будда	Переводчик

Заключение

Тибетология стала ведущей отраслью международной науки. За 40 лет реформ китайская тибетология вступила в новую стадию развития. Масштаб, широта и глубина исследований значительно возросли, количество исследовательских коллективов также стремительно увеличилось. Тибетологи обращаются к исследованиям на китайском языке внутри страны, а также и к исследованиям зарубежных ученых.

Литература

- Dola 2010 — *Dola*. [Cognitive similarities and differences of Chinese and Tibetan language and the appropriate attitude]. Xiwei University Journal (Social Science Edition), 2010. 25 (2). Pp. 82–85. (In Chin.)
- Dola 2015 — *Dola* (ed. Tashigi). [Dictionary of standard syllable frequency of the Tibetan language]. China Social Sciences Press, 2015. (In Chin.)

Как живет село Калмыкии: полевые наблюдения

Людмила Васильевна Намруева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Намруева Л. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Малые семейные формы хозяйствования (ЛПХ, КФХ) широко распространены в аграрной отрасли Калмыкии. Фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства производят большую часть животноводческой продукции республики. *Цель* статьи — ввести в научный оборот результаты экспертного опроса, наблюдения и интервьюирования. *Результаты.* В статье проанализированы данные телефонного опроса, который был проведен летом 2020 г. и участниками которого стали 100 активных селян, а также выходцы из сел, не потерявшие связи с малой родиной. Автор также использовал ранее неопубликованные материалы научных экспедиций 2019 и 2020 гг., которые позволили изучить повседневные практики владельцев малых хозяйств. Интервьюирование позволило определить удовлетворенность активистов своей жизнью, экономическим положением. Охарактеризовано мнение сельских экспертов о направлениях развития сельского сообщества.

Ключевые слова: сельские территории, личные подсобные хозяйства, крестьянские фермерские хозяйства, сельские районы, республика, трудоспособный возраст

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер государственной регистрации АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Намруева Л. В. Как живет село Калмыкии: полевые наблюдения // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 121–134. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-121-134

Contemporary Life of Rural Kalmykia: On-Site Observations

Ludmila V. Namrueva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Namrueva L. V., 2020

Abstract. *Introduction.* Small household farms are widespread enough in Kalmykia's agricultural industry. Quite a share of local livestock products are those manufactured by such individual and household farms. *Goals.* The article aims to introduce outcomes of the expert survey, observations and interviews. *Results.* The work analyzes telephone survey data collected in the summer of 2020. The survey was attended by 100 proactive rural residents and ex-villagers that still stay in direct contact with their native rural localities. The paper also employs some unpublished materials collected during the research expeditions of 2019 and 2020, the latter being most useful in exploring daily practices of household farmers. The answers to our questions make it possible to assess their life satisfaction and current economic conditions. Special attention is paid to opinions of local rural experts regarding further development trends for corresponding communities.

Keywords: rural territories, household farms, peasant farm enterprise, districts, republic, working age

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment for Kalmyk Scientific Center of the RAS — project name 'Development of Southern Russian Rural Territories: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring' (state reg. no. AAAA-A19-1190111490037-8).

For citation: Namrueva L. V. Contemporary Life of Rural Kalmykia: On-Site Observations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 121–134. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-121-134

Введение

В настоящее время наблюдается снижение мотивации заниматься традиционной для сельского населения деятельностью, и, следовательно, в результате сокращается количество сельских жителей, задействованных в этих видах занятости. Увеличивается потребность селян в социальной и экономической защищенности. Несмотря на эти негативные процессы, все же не исчезает привязанность селян к родным местам. Как справедливо заметила И. В. Нечаева, в этой ситуации «семьи нацелены на поиск возможной и привычной сельскохозяйственной занятости в месте своего проживания» [Нечаева 2019: 200].

Цель статьи — проанализировать результаты исследований экспедиций 2019 и 2020 гг., которые позволяют определить ресурсы сельских сообществ Калмыкии.

Социально-демографические характеристики респондентов следующие: примерно пополам женщин и мужчин (49 % и 51 %). Среди опрошенных чаще встречаются селяне старше 50 лет. Подавляющее большинство респондентов имеют высшее или неоконченное высшее образование (89 %). Около трети — предприниматели и самозанятые. Небольшой процент работает в частном секторе экономики. 12 % — пенсионеры или нетрудоустроенные по разным причинам. Основной костяк интервьюируемых составляют представители бюджетной сферы — работники школ и детских садов, музеев, домов культуры, сельских администраций. Самому молодому респонденту 25 лет.

Около половины респондентов родились в том же самом селе либо переехали жить в это село 10 и более лет назад. Только 10 респондентов из 100 живут на нынешней территории менее 10 лет.

На вопрос об удовлетворенности своей жизнью большинство (75 % опрошенных) признались, что вполне удовлетворены или скорее удовлетворены. 9 % респондентов считают себя очень счастливыми. По оценке 80 % опрошенных, они скорее счастливы. Представители среднего и старшего возраста, которые постоянно живут в селе, непритязательны, они живут и довольствуются в большинстве своем тем, что имеют.

Несмотря на высокий показатель личного оптимизма, экономическое положение своих населённых пунктов около половины информантов оценивают как среднее, а порядка 30 % — как плохое. На улучшение социально-экономической ситуации через год рассчитывают только 14 % респондентов. 23 % предполагают ухудшение социально-экономической ситуации. Большая часть считает, что экономическое положение односельчан через год не изменится.

Участники телефонного опроса в основном полагаются на меры государственной поддержки в виде льгот и субсидий (42 %), на использование государственных грантов (36 %). Как видим, патерналистские ожидания глубоко укоренились в сознании сельских жителей среднего и старшего возраста, становление многих из них пришлось на советские времена.

Традиционно у калмыков сильны родственные, поселенческие связи: так, надеются на взаимопомощь внутри села 38 % опрошенных, а в особенности на помощь родственников внутри села — 39 %.

Важную роль в циркуляции информации о практиках развития села и ресурсах играет интернет, социальные сети и мессенджеры. Так, в Калмыкии 63 % опрошенных используют для получения информации сайты организаций, 85 % — социальные сети и 63 % — группы в мессенджерах. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что население республики активно использует современные информационные технологии, которые им помогают и в жизни, и в работе. Несмотря на это, актуальность «сарафанного» радио сохраняется, поэтому 16 % селян полагаются на различные слухи, прежде всего полезные. Такой оффлайновый канал коммуникации

сельского сообщества, как «сельский сход», использует только десятая часть опрошенных (10 %). Это показывает, что в сельской среде, иногда разрозненной, отсутствуют лидеры, которые могли бы сплотить людей ради важных жизненных целей.

Большинство опрошенных (72 %) считают, что наилучшим направлением развития их территорий будут фермерские хозяйства. 45 % респондентов видят будущее своего села как места притяжения туристов, желающих ознакомиться с этнокультурными, историческими, природными достопримечательностями степного региона. Более половины респондентов (52 %) видят село как место сохранения национальной культуры.

Далее рассмотрим неопубликованные ранее материалы интервью, наблюдений, проведенных во время научной экспедиции КалмНЦ РАН в восьми районах республики (в 2019 г. — Ики-Бурульский, Кетченеровский, Приютненский, Сарпинский Целинный, Юстинский, Яшалтинский районы, в 2020 г. — Яшалтинский, Городовиковский районы). В ходе наблюдений, интервьюирований зафиксированы различные стороны хозяйственной, социокультурной деятельности и сельского уклада республики. Интервью с жителями 35 сельских поселений указанных районов (среди них — главы СМО (сельских муниципальных образований), госслужащие, работники бюджетной сферы, пенсионеры, фермеры, домохозяйки, безработные) позволило рассмотреть разнообразие социальных проблем сельских территорий [[Намруева 2019: 938](#); [Намруева 2020: 1371](#)].

Половина сельских поселений республики не имеют селообразующих предприятий, поэтому селяне вынуждены искать альтернативные варианты выживания [[Намруева 2017: 15](#)]. Среди них — трудовая занятость у успешного фермера, к которому можно устроиться временно на период сельскохозяйственных кампаний или в лучшем случае — на постоянной основе. Работа на точке (животноводческой стоянке) создает возможности для материального благополучия семьи. Отметим, что трудовая деятельность на стоянке за постсоветский период претерпела большие изменения. Как сказал глава Салынтугтунского СМО Сарпинского района:

«На точках семьей живут единицы. Только 10–15 процентов проживают и трудятся семьей, как в прошлые советские времена. Большинство фермеров — за пятьдесят лет. Газ не подведен к точкам, электрический свет имеется, есть скважины, водоемы, которые не засыхают даже летом, так как их питают родники» [ПМА 2019].

Другая сельчанка рассказала: *«Мой супруг на точке работает вахтовым способом, то есть две недели на точке, две недели — дома в поселке» [ПМА 2019].*

Как видим, не характерные для села формы трудовой деятельности постепенно укореняются, так как жизнь стремительно меняется, животноводы, их семьи не хотят жить постоянно в степи, без привычных условий быта (водопровод, газоснабжение, мобильная связь). Известный социолог села П. П. Великий отмечает: *«Крестьянство во все времена колхозной реальности отличалось неприязнательностью к условиям труда, быта, ограниченными возможностями территориальной мобильности. На фермах, зернотоках, овощеводстве господствовал ручной труд. Образ неприязнательности крестьян вошел в смыслы и всех структур, начиная с властных, ответственных за деревню, что постоянно ограничивало масштабы социальных проектов, осуществляемых в сельских территориях» [Великий 2020: 69].*

Однако современные крестьяне в своих запросах не уступают горожанам, стремясь иметь «эквивалентный городскому перечень благ и ценностей» [Великий 2020: 69]. Некоторые семьи живут на точке, выращивая скотину до той поры, пока дети не достигнут школьного возраста. Тогда жена переезжает в СМО и занимается детьми, а муж продолжает вести хозяйство на точке.

В иных случаях поступают следующим образом: дети учатся под присмотром бабушки, дедушки, других родственников, кто-то из родителей работает вдали от дома, обеспечивая тем самым финансовую сторону жизни своей семьи, оставленной на малой родине. Саратовские исследователи села называют такое положение «социальной отстраненностью от участия в решении внутрихозяйственных вопросов, резкого ограничения возможностей вер-

тикальной мобильности. Стандарты оплаты труда не позволяли выживать, не прибегая к другим видам деятельности, в основном семейному хозяйству» [Великий, Одоевский 2019: 154].

Результаты телефонного опроса показали, что большинство опрошенных (72 %) наилучшим направлением развития их села считают фермерские хозяйства. Поэтому востребованность в них в региональном сообществе не снижается. Во время научной экспедиции 2019 г. мы в этом убедились. Так, в тех районах, где традиционно занимаются овцеводством, на аренду животноводческой стоянки существует очередь. Это говорит о многом: у населения не исчезло безвозвратно желание заниматься исконным делом предков, пасти овец, коров, лошадей. Так, по словам главы Эрдниевского СМО Юстинского района, *«у нас существует очередь на животноводческие стоянки, которые сдаются в аренду»* [ПМА 2019].

В других СМО возвращаются местные жители, ставшие трудовыми мигрантами, чтобы организовать свое семейное хозяйство. С этой целью они строят дома, животноводческие помещения, покупают овец, коров.

К способам выживания на селе можно отнести ведение сада и огорода. Не все селяне могут содержать коров, овец или домашнюю птицу в силу больших финансовых вложений.

В Кануковском СМО Сарпинского района, где также нет особых проблем с поливом, хотя трубы, установленные еще в советские времена, проржавели, поэтому часто выходят из строя. Вопреки всем барьерам женщины села охотно занимаются выращиванием овощей: *«Все лето балуем городских внуков чистой, полезной продукцией со своего огорода. Ради этого и живем на селе, не покладая рук, трудимся»* [ПМА 2019].

Наблюдали и обратную картину, когда при наличии водопровода никто из жителей села не занимается выращиванием овощей, зелени, фруктовых деревьев. Интервьюируемые селяне перечисляли массу причин этому явлению, среди них — дорогая вода для полива; невозможность заниматься огородом, садом у представителей старшего поколения; отсутствие времени у селян младшего возраста в силу занятости в других сферах деятельности. Хотя

только единицы в беседах признались, что не хотят заниматься огородом, поскольку это сложный ручной труд. Таким образом, сельские жители постепенно отдаляются от всего того, что некогда составляло основу сельской жизни.

Сельские жители в некоторых районах используют ЛПХ для заработка. Так, например, в Яшалтинском районе селяне финансово обеспечивают себя, продавая молоко Сальскому или Ставропольскому молокозаводам, хотя при этом встречаются единицы, которые не занимаются разведением коров. Так, например, в ходе встречи с учителями Соленовской школы Яшалтинского района летом 2019 г. мы выяснили, что только один из них содержит в своем подворье коров, остальные перестали заниматься продажей молока. Среди причин назывались: *«сил больше нет», «не хватает средств, сено, корма дорожают, а цены на молоко, которое реализуют Сальскому молокозаводу, не растут»* [ПМА-2019]. Отметим, что современная нагрузка на учителей не позволяет им заниматься дополнительными видами работы.

В округе сельских поселений Яшалтинского района можно встретить стада коров, среди которых много породистых. В яшалтинских селах организована работа пастухов, в отличие от других районов [Намруева 2019: 941].

Однако в Яшалтинском районе есть села, которые исчезают. Например, село Красный Маныч, где в советское время был колхоз им. С. Кирова, занимавшийся как животноводством, так и растениеводством. В настоящее время колхоз не функционирует, люди уезжают из него.

По словам одного из оставшихся жителей, пенсионера, проработавшего в колхозе всю жизнь, он выращивает дюжину овец: *«Нет пастбищ, фермерские поля близко подошли к селу. Из-за засухи в трех колодцах вода практически исчезла. Нет газа»* [ПМА 2020].

Из всех учреждений социальной инфраструктуры функционирует почта. Здание ветхое, глинобитное, с печным отоплением, капитальный ремонт не производился еще с советских времен. Ее работница сказала: *«Односельчане приходят на почту, здесь они покупают продукты питания»* [ПМА 2020].

Бывшие колхозники получили паи, благодаря которым они продолжают заниматься своими подворьями. Одна сельчанка сообщила: *«В семье три пая, они отданы в аренду фермеру из Яшалты. Он выдает по итогам года 5 тонн зерна за один пай. Эта натуроплата и позволяет держать 4 коровы. Их дою вручную, нет лишних денег, чтобы купить доильный аппарат. Каждый день утром за молоком приезжают с Сальского молокозавода. Цены на молоко колеблются от времени года, весной-летом оно стоит до 20 рублей за литр, зимой доходит до 22 рублей»* [ПМА 2020].

У жителей с небольшими доходами, коровы не породистые, они не дают много молока. Но есть в селе и владельцы больших личных подсобных хозяйств, в которых имеются хозяйственные постройки, автомашины, другие технические средства, что свидетельствует об успешности ведения хозяйства. По словам жителей села, у этих хозяев более десяти коров.

В засушливое лето 2020 г. появилось множество проблем: *«Пришлось подкармливать скотину раньше, чем обычно, так как в степи нет травы. Из-за отсутствия дождей высохли ближайшие водные источники. Для своих нужд и водопоя домашних животных заказываем воду, ее привозят из Бага Тугтуна, что в 12 км от Красного Маныча. Одна водовозка стоит 1 тыс. рублей. В этот зной довольно часто пришлось заказывать воду»* [ПМА 2020].

Красный Маныч (с населением 72 человека по официальным документам) и еще два населенных пункта — с. Новая жизнь (36 чел.), Пролетарский (58 чел.) — входят в Багатугтунское сельское муниципальное образование. В самом Бага Тугтуне проживает 533 чел. Здесь функционирует детский сад, который посещают 24 ребенка. Действует ФАП в отстроенном здании. Два фермера реализуют свою продукцию: один в магазине, другой развозит по селам в автолавке. Здешний сельский рынок работает по понедельникам. Клуб закрыт по причине аварийного состояния.

Несколько лет назад была воздвигнута буддийская Ступа на собранные сельчанами деньги. Пять лет назад местные жители общими усилиями построили детскую площадку.

Однако несмотря на это, взрослое работоспособное население покидает село. По словам одной жительницы Бага Тугтуна, *«муж трудился вахтовым методом 15 лет в Москве. Две недели работал на стройке, две недели помогал по хозяйству. А с этого года, получив высшее образование, уехал и сын, чтобы оплачивать свое обучение в магистратуре. Зарплаты бюджетников не хватает на ведение подворья, поэтому кто-то из членов семьи выезжает за пределы республики»* [ПМА 2020].

Багатугтинцы держат в основном коров красно-степной породы, молоко также реализуют сальскому молокозаводчику. Мясо в живом весе закупают предприниматели. Со слов сельчанок, *«одна продала двух бычков на 75 тыс., другая — корову за 45 тыс. На зиму заготовили сено в рулонах по цене 1 500 рублей за единицу, солому в тюках за 400 рублей. А цены на них с каждым днем растут»* [ПМА 2020].

В местной школе обучается 51 ученик. Имеется автобус, собирающий детей из населенных пунктов, входящих в Багатугтунское СМО. Однако в школе этого СМО обучаются дети из с. Эркетен, которое относится к другому СМО, по этой причине автобус не может использоваться детьми из других СМО. Поэтому родителям приходится ежедневно на своем транспорте привозить детей в школу. Осенью и весной это сделать сложнее, так как небольшой участок дороги — без асфальтового покрытия. Родители предлагают решить проблему доставки своих детей на школьном автобусе, компенсируя все расходы, однако этот вопрос так и остается не решенным.

На вопрос отцу семейства из Эркетен *«А почему не купите дом, чтобы решить проблему с доставкой детей в школу?»* родитель ответил: *«Здесь больше и лучшие возможности держать скот. Рядом вода, привольные степи»* [ПМА 2020].

Люди стремятся облегчить свой тяжелый физический труд. Так, например, жители этого небольшого села, содержащие 10 и более коров, купили доильные аппараты стоимостью 27 тыс. Хозяйки, показывая на свои натруженные руки, признавались автору статьи: *«Наконец-то стало легче, руки перестали болеть»* [ПМА 2020].

Эркетеновцы пользуются технической водой из протекающего по близости оросительного канала, а питьевую воду привозят из Яшалты, районного центра. До 2010 г., когда работала начальная школа, в селе было больше семей. Дом культуры разрушен в 1990-е гг., библиотека, медпункт обслуживали жителей до 2002 г. По причине отсутствия магазина эркетеновцы запасаются продуктами впрямь в ближайших селах. В селе отсутствует газообеспечение, поэтому зимой жители отапливают свое жилище дровами, заготовленными из сухостоя, и углем.

Научная экспедиция 2020 г. проходила и по Городовиковскому району, который отличается особой чистотой.

В первом селе Веселое после развала колхоза им. XXII партсъезда трудовая деятельность коллективного предприятия остановилась. Долгое время, почти 20 лет, руководил колхозом Петр Доржинович Немашев, который за высокие производственные показатели в советские времена был награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», орденами Трудового Красного Знамени, «Дружбы народов». Под его руководством колхоз ежегодно выполнял и перевыполнял задания по реализации сельскохозяйственной продукции. В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Местные жители говорят: *«При ООО „Лексус“ колхоз окончательно развалился. А нынешний владелец улучшить ситуацию не спешит»* [ПМА 2020].

В этой сложной ситуации бывших колхозников спасают паи, которые они сдают в аренду фермерам. На территории СМО работают 26 крестьянских фермерских хозяйств. Благодаря сделке с ними каждый владелец пая получает 3,5 т фуража, 20 л растительного масла. Фермеры также оплачивают 2 налога за владельцев паев. Полученное зерно позволяет держать молочных коров, собранное молоко продают молокозаводчикам из соседних регионов. Летом оно стоит 18–19 рублей, зимой цена доходит до 24 рублей.

В селе есть школа, где учится 31 ребенок, они, окончив 9 классов, продолжают обучение в соседнем Виноградненском лицее. Туда их доставляет школьный автобус, который также собирает школьников из села Дружное, а в 14.00 отвозит их обратно домой.

К сожалению, с 2002 г. в селе перестал функционировать детский сад.

Специалист СМО из положительных итогов 2020 г. отметила завершение капитального ремонта здания Дома культуры, в котором будет размещаться, помимо культурного учреждения, и офис СМО. В селе работает два частных магазина. Объекты социальной инфраструктуры (парикмахерская, ателье, ремонт бытовой техники и т. п.), действовавшие в советские времена, прекратили свою деятельность.

Понятно, что сельские жители в поисках лучшей доли покидают родные места. Численность населения СМО уменьшилась в 1,5 раза. В Веселом проживают 486 человек разных национальностей, которые вместе отмечают радостные события и помогают друг другу в беде.

Следующее село, где побывали исследователи, Виноградное. В беседе глава СМО рассказал, что Виноградное растянулось на расстоянии 6 км. Село по численности уступает лишь административному центру района. Здесь проживает 2 068 человек разных национальностей.

В Виноградном функционируют лицей (248 учащихся и 25 учителей), детский сад (82 ребенка и 16 воспитателей), музыкальная школа, Дом культуры с залом на 250 мест. При Доме культуры успешно работают художественные кружки, в которых занимаются не только дети, но и взрослые. Коллективы самодеятельности «Верба», «Купина» известны за пределами района. В селе имеется парк. Дети играют на оборудованных площадках. Завершается строительство спортивной площадки. Планируется открыть аптечный пункт, документы на рассмотрении в министерстве здравоохранения Республики Калмыкия. В связи с распространением коронавирусной инфекции здесь будет открыт инфекционный стационар.

В Виноградненском СМО работают 25 крестьянских фермерских хозяйств. В среднем они имеют площадь в 300–400 га. Крупным субъектом хозяйственной деятельности является ООО «АСГАРД», возделывающий площадь в 2 200 га. Основная спе-

циализация деятельности этих хозяйств — зерноводство. Большая часть виноградненцев содержит свое хозяйство, выращивая молочные породы крупного рогатого скота. Молоко сдают филиалу Ипатовского молокозавода.

Однако, несмотря на все эти положительные моменты, население Виноградненского СМО постепенно убывает. За три года — более чем на сто жителей. Молодежь, окончив школу, безвозвратно покидает родные места. Нет никаких перспектив, нет работы. Мужчины работают вахтовым методом в г. Москве на стройке и в охране. В связи с этим обнаруживается определенный дисбаланс. Мужчин (и детей, и взрослых) — 896 чел. в 2019 г., а женщин почти на 300 чел. больше (в 2019 г. их было 1 210 чел.) [ПМА 2020]. Фермеры не проявляют особой заинтересованности в кадрах, так как нанимают к себе своих родственников.

В 2020 г. в село переехало 7 семей. На вопрос «Люди приехали к своим родственникам?» глава СМО ответил отрицательно. Семьи с Дальнего Востока, из Иркутской области, Таджикистана, г. Сальска приехали сюда, найдя массу привлекательных сторон для жизни.

Заключение

Осуществленный нами анализ показал, что малые хозяйства, постепенно встраиваясь в рыночные условия, являются для сельских сообществ реальным источником доходов семьи. Совершенно справедливо высказывание П. П. Великого и И. И. Одоевского о том, что селяне «находят пути осуществления жизненной стратегии, оставаясь жить в своих селах, что немаловажно в качестве примера жизнестойкости для сельского сообщества» [Великий, Одоевский 2019: 154].

Полевой материал автора

ПМА 2019 — материалы, собранные автором в ходе научной экспедиции КалмНЦ РАН в 2019 г.

ПМА 2020 — материалы, собранные автором в ходе научной экспедиции КалмНЦ РАН в 2020 г.

Литература

- Великий 2020 — *Великий П. П.* Противоречия в жизненном пространстве села: генезис, настоящее, будущее // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 4. С. 67–71.
- Великий, Дакирова 2012 — *Великий П. П., Дакирова С. Т.* Социальный потенциал деревни // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2012. Т. 12 № 3. С. 13–17.
- Великий, Одоевский 2019 — *Великий П. П., Одоевский И. И.* Семейные подворья: арена хозяйственной самостоятельности и репродукционный ресурс села // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 4. С. 153–157.
- Намруева 2017 — *Намруева Л. В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.
- Намруева 2019 — *Намруева Л. В.* Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.) // *Oriental Studies*. 2019. № 5(45). С. 938–944. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-5-938-944
- Намруева 2020 — *Намруева Л. В.* Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.) // *Oriental Studies*. 2020. № 5(51). С. 1371–1377. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377
- Нечаева 2019 — *Нечаева И. В.* Малые формы хозяйствования как структурный элемент функционирования социального механизма аграрного сектора // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2019. № 3. С. 199–206.

Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадмаева Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Проблема учебной миграции сельской молодежи в Калмыкии стоит достаточно остро. Учебная миграция, которая в дальнейшем трансформируется в трудовую миграцию, напрямую влияет на сокращение численности сельского населения Калмыкии. Активный отток выпускников школ приводит к потере интеллектуального, демографического ресурса региона. *Целью* данного исследования является анализ различных аспектов учебной миграции сельской молодежи. *Задача* исследования: выявить особенности учебной миграции сельской молодежи. *Материалы и методы.* В статье представлены результаты глубинных интервью с сельской молодежью, выехавшей в г. Элисту или другие регионы с целью получения образования. Также представлены результаты опроса специалистов районных отделов образования и молодежи. *Результаты.* Исследование подтвердило, что учебная миграция сельских школьников связана с минимизацией рисков в будущей жизни молодого человека. Учебная миграция напрямую связана с переходом на новую ступень образования. Полученные в результате глубинных интервью и экспертного опроса данные подтверждают факт, что миграция молодежи дифференцируется по возрастным группам, связанным с этапами или ступенями обучения. Одной из особенностей учебной миграции сельской молодежи в республике является более ранний этап начала миграции, фактически — со средней школы. Учебная миграция в большинстве слу-

чаев является невозвратной, при этом она в дальнейшем трансформируется в трудовую миграцию.

Ключевые слова: учебная миграция, образовательная миграция, сельская молодежь, выпускники школ, невозвратная миграция, глубинные интервью, экспертный опрос, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер госрегистрации: АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 135–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145

Republic of Kalmykia: Educational Migration of Rural Youth

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Badmaeva N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The problem of educational migration among Kalmykia's rural youth is grave enough. The former tends to further evolve into labor one and directly results in rural population decrease. The oppressive outflow of school leavers leads to losses of intellectual and demographic resources within the region. *Goals.* The study aims at analyzing different aspects of educational migration among rural youth and revealing specific features observed therein. *Materials and Methods.* The article summarizes in-depth interviews with young rural residents to have left for Elista and other federal subjects to get education and skills. It also introduces opinions of experts employed by rural municipal agencies for education and youth. *Results.* The

study confirms the educational migration of rural school leavers is determined by their intention to minimize future life risks and is directly related to the transition to another educational stage. The in-depth interviews and expert polls do show that the youth migration is structured by age clusters tied to certain stages or levels of education proper. One specific feature revealed in the Republic of Kalmykia is that in fact the whole process begins earlier — before they leave school at all. And in most cases the migration is irreversible and later transforms into labor one.

Keywords: educational migration, rural youth, school leavers, irreversible migration, in-depth interview, expert poll, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment for Kalmyk Scientific Center of the RAS — project name ‘Development of Southern Russian Rural Territories: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring’ (state reg. no. AAAA–A19-1190111490037-8).

For citation: Badmaeva N. V. Republic of Kalmykia: Educational Migration of Rural Youth. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 135–145. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145

Введение

Одним из аспектов изучения миграции сельской молодежи является анализ учебной или образовательной миграции. Переход на следующую (после среднего образования) ступень обучения является распространённой причиной смены места жительства молодыми людьми. Как отмечают исследователи, пик оттока из сельской местности в города приходится на возраст 18 лет, когда массово осуществляется миграция в вузы [Нефедова, Мкртчян 2017: 59].

Учебная или образовательная миграция является одним из видов миграции населения. Получение образования является целью миграционных перемещений населения. Специалисты разграничивают понятия «учебная миграция» и «образовательная миграция», рассматривая последнее как более широкое, поскольку образовательная миграция охватывает также разнообразные стажировки, дополнительное образование, курсы и другие формы повышения квалификации [Чернышев 2014: 173].

Межрегиональная внутрироссийская образовательная миграция все в большей мере приобретает некомпенсированный характер. Учебная миграция зачастую превращается в трудовую. В регионах происходит активный отток выпускников школ, они теряют часть интеллектуального, демографического ресурса, становятся донорами перспективных молодых кадров для центральных регионов России. Последствия учебной невозвратной миграции для многих регионов, в особенности находящихся в сложном социально-экономическом положении и испытывающих демографические проблемы, могут расцениваться как угроза социальной, демографической, экономической стабильности региона-исхода.

Вопросы учебной миграции рассматриваются с разных точек зрения. Обзор литературы показал, что существует достаточно много работ, посвященных образовательной миграции, особенно много работ в зарубежной литературе [Choi, Mare 2012; Forbes-Mewett, Nyland 2008; How et al. 2008].

Е. И. Самофалова отмечает, что в фокусе зарубежных исследований учебной миграции находятся следующие темы: проблема социального неравенства мигрантов в среде принимающего их общества; психолого-педагогическая проблема адаптации образовательных мигрантов в принимающей их стране; социально-культурные барьеры для образовательных мигрантов в новой образовательной среде и принимающей их стране в целом [Самофалова 2015].

Из числа работ российских ученых можно выделить труды, в которых уделяется внимание проблеме адаптации образовательных мигрантов из других стран в российской образовательной системе и Российской Федерации в целом, например: [Алексеева 2012; Письменная 2009 и др.]. Л. Б. Карачурина и Ю. Ф. Флоринская анализируют учебную миграцию выпускников школ из малых городов России [Карачурина, Флоринская 2019]. Т. Г. Нефедова и Н. В. Мкртчян изучают учебную миграцию сельского населения, ее влияние на динамику сельскохозяйственной занятости [Нефедова, Мкртчян 2017]. В Калмыкии проблему невозвратной миграции молодежи рассматривала в своих работах Л. В. Намруева [На-

мруева 2013]. Тренды миграции сельской молодежи республики представлены в работе Е. С. Ковановой [Кованова 2019].

В большинстве случаев учебная миграция объясняется экономическими причинами. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, а также О. В. Санникова, исследуя проблему некомпенсируемой образовательной миграции, отмечают, что одной из причин такой миграции является желание минимизировать риски, связанные с получением некачественного образования, а впоследствии низкооплачиваемого трудоустройства [Зубок, Чупров 2008; Санникова 2015]. При этом О. В. Санникова и ряд других исследователей связывают учебную миграцию с развитием региональной системы высшего образования [Санникова 2015; Захарова 2019].

Проблема учебной миграции сельской молодежи в Калмыкии стоит достаточно остро. Учебная миграция, которая в дальнейшем трансформируется в трудовую миграцию, напрямую влияет на сокращение численности сельского населения, обостряет проблему дефицита кадров для сельскохозяйственной отрасли республики. По результатам изучения миграционных настроений современная молодежь в большинстве своем не желает жить и работать в сельской местности [Бадмаева 2020: 672].

Методология исследования

С целью изучения влияния учебной миграции на дальнейшие жизненные планы сельской молодежи были проведены ряд глубоких интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». Всего было проведено 19 интервью. Они состоялись в 2020 г. Из них 7 — интервью со студентами Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, 3 — интервью со студентами, обучающимися за пределами республики (ЮФУ, РУДН, Астраханский государственный медицинский университет), 2 — интервью с магистрантами (ЮФУ, КалмГУ), 7 — интервью со студентами средних специальных учебных заведений республики (Торгово-технологический колледж, Калмыцкий медицинский колледж им. Т. Хахлыновой).

Анкета предполагает анализ ответов по следующим индикаторам: причина миграции, адаптация, условия проживания, страте-

гии и перспективы трудоустройства и др. Цель исследования — анализ особенностей учебной миграции сельской молодежи Республики Калмыкия.

Также в статье представлены результаты экспертного опроса представителей районных отделов образования и молодежи по вопросу учебной миграции сельских школьников (N=10). Опрошены эксперты из 5 районов республики. Опрос проводился методом телефонного интервью в феврале-марте 2021 г.

Учебная миграция сельской молодежи Калмыкии

В ходе беседы с респондентами выяснилось, что 10 из 19 студентов переехали из своего села или поселка в г. Элисту, когда перешли в старшие классы, некоторые — еще в средней школе. Они это объясняют тем, что либо в школе не было старших классов, либо тем, что сами респонденты и их родители решили переехать в город, чтобы получать более качественное образование, чем в сельской школе. Часть респондентов отметила, что сначала они с семьей переезжали в районный центр, а затем — в город (столицу республики). В ходе интервью было выявлено, что в настоящее время в поселковых школах обучается совсем небольшое количество учеников — в классах всего несколько учеников или сборные классы, где одновременно обучаются ученики разных ступеней обучения. Важно отметить, что для того, чтобы респонденты имели возможность обучаться в райцентре или городе, их родители должны быть готовы на переезд, при этом не всегда всей семьей. Обычно глава семьи оставался еще некоторое время в поселке, следил за хозяйством. Также отметим, что некоторые из интервьюируемых отметили, что им «приходилось жить у родственников без родителей» [ПМА 1]. Таким образом, для части респондентов учебная миграция началась еще раньше, чем, как обычно считается, в 18 лет после окончания школы.

Для большей части сельской молодежи основной причиной миграции из села в город является получение среднего специального или высшего образования. Для некоторых молодых людей миграция начинается на несколько лет раньше, так как для боль-

шей части сельской молодежи основной причиной миграции из села в город является получение среднего специального или высшего образования. Интервьюируемые отмечали: «хотел получить профессию в сфере управления и экономики», «хотел получить профессию в сфере здравоохранения»; «считаю, что сейчас востребованы профессии именно моей специальности (фельдшер, повар, дантист)» [ПМА 1].

При рассмотрении вопроса о возвращении в родное село или поселок после окончания учебного заведения было выявлено, что ни один из интервьюируемых не ответил утвердительно. Считают возможным вернуться в район при определенных условиях. Преимущественное большинство интервьюируемых не желает возвращаться, так как считает, что в родном районе, поселке, селе «нет перспективы жизни и работы» [ПМА 1].

Следующая причина — невостребованность будущей профессии. По мнению респондентов, в селе «неинтересно жить»; часть респондентов считает, что в сельской местности нет возможности полноценно воспитывать детей.

Эксперты также говорят о миграции сельских школьников либо в районный центр, либо сразу в городскую школу (г. Элиста). Часть школьников уезжает после шестого класса, чтобы подготовиться к поступлению в гимназию или лицей, часть — после 7 класса, они сразу поступают в лицей или гимназию, в профильные классы общеобразовательных городских школ.

В 2020 г. число выпускников, кто пожелал сдать ЕГЭ, было меньше, чем в 2019 г. Это связано в первую очередь с тем, что с введением ограничительных мероприятий в связи с распространением коронавирусной инфекции для выпускников, не поступающих в высшее учебное заведение, сдача ЕГЭ была необязательной. При этом часть экспертов отметила, что именно «боязнь» перед сдачей ЕГЭ заставляет многих выпускников девятого класса переходить учиться в среднее специальное учебное заведение [ПМА 2]. То есть после окончания девяти классов половина выпускников поступает в ссуз и соответственно уезжает учиться либо в г. Элисту, либо в колледжи в г. Городовиковске, Лагани, п. Цаган-Аман, а

также за пределы республики. Эксперты видят в этом позитивный момент, поскольку выпускники со средним профессиональным образованием, по их мнению, чаще выбирают жизнь «дома в поселке», а не отъезд в крупные города. Именно эта часть вернувшихся выпускников средних специальных учебных заведений позволяет сохранить долю молодежи в районах республики.

Таким образом, анализ интервью показал, что учебная миграция в большинстве случаев является невозвратной. Главным фактором, влияющим на возвращение молодежи обратно в сельскую местность, является наличие рабочих мест с достойной заработной платой, возможность иметь собственное жилье, а также развитая социальная сфера и досуг.

Учебная миграция является естественным процессом, обусловленным индивидуальными потребностями граждан. Планы выбора выпускниками профессии, вуза, стратегии дальнейшей жизни связаны с их видением социально-экономических условий и перспектив региона и его вузов. Задача сдерживания миграционного оттока возникает при угрозе, что отсутствует достаточный внешний приток, а выбытие населения из региона будет иметь невозвратный характер.

Однако при этом «страх» многих выпускников девярых классов перед обязательной сдачей ЕГЭ в какой-то мере влияет на желание получить среднее специальное образование.

Факторы учебной миграции сельской молодежи

Желание свести к минимуму риски получения некачественного образования, а впоследствии — непрестижной, низкооплачиваемой работы является основной причиной, побуждающей выпускников средних учебных заведений покидать родное село или поселок для продолжения обучения. В большинстве случаев выпускники школ и их родители руководствуются тем, что образовательная миграция позволит обеспечить конкурентоспособность на высококвалифицированном рынке труда. Таким образом подтверждается мнение Ю. А. Зубка, В. И. Чупрова и О. В. Санниковой о желании в перспективном будущем сократить

риски получения некачественного, неконкурентоспособного образования.

Ряд исследователей считает, что существуют две основные силы, влияющие на учебную межрегиональную миграцию молодёжи, — это органы власти и региональная система образования, основными структурными элементами которой являются вузы. Качество системы образования региона и вузы как её стержневые элементы повышают привлекательность территории для новых трудовых ресурсов и потоков образовательной миграции. На уровне государственной и региональной власти доказали свою эффективность меры сдерживания миграции, направленные на повышение качества жизни территории: привлечение инвестиций и создание рабочих мест, совершенствование социальной инфраструктуры, финансовое стимулирование молодёжи (гранты лучшим школьникам, студентам, молодым учёным, поддержка молодых семей и пр.).

Однако в Калмыкии высшее образование представлено единственным вузом — Калмыцким государственным университетом им. Б. Б. Городовикова. Соответственно выпускники школ, желающие получить высшее профильное медицинское, военное, художественное и другие направления образования вынуждены выезжать за пределы республики.

Полученные в результате глубинных интервью и экспертного опроса данные подтверждают факт, что миграция молодёжи дифференцируется по возрастным группам, связанными с этапами или ступенями обучения. Л. Б. Карачурина и Ю. Ф. Флоринская отмечают, что в 15–16 лет некоторые девятиклассники переезжают для продолжения учебы в колледжах и учреждениях системы СПО (среднего профессионального образования), 17–18-летние устремляются в вузы, соответственно переселяются в города их концентрации, 21–22 года — возраст окончания учебы в бакалавриате и возможной смены вуза для обучения по магистерской программе или переезда для работы, 23–24 года — миграция после окончания магистратуры в связи с поиском работы, созданием семьи и пр. [Карачурина, Флоринская 2019: 82].

Выводы

Исследование подтвердило, что учебная миграция сельских школьников связана с минимизацией рисков в будущей жизни молодого человека. Учебная миграция напрямую связана с переходом на новую ступень образования. Одной из особенностей учебной миграции сельской молодежи в республике является более ранний этап начала миграции, фактически — со средней школы. Учебная миграция в большинстве случаев является невозвратной, при этом она в дальнейшем трансформируется в трудовую миграцию.

Полевые материалы авторы

- ПМА 1 — Глубинные интервью с студентами вузов и ссузов. 19 человек. Апрель, ноябрь 2020 г.
- ПМА 2 — Экспертный опрос представителей районных отделов образования. 10 человек. Февраль–март 2021 г.

Литература

- Алексеева 2012 — *Алексеева Е. Н.* Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Сер. 18. Политология и социология. 2012. № 4. С. 113–136.
- Бадмаева 2020 — *Бадмаева Н. В.* Проблемы занятости и миграции сельской молодежи Республики Калмыкия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 4. С. 669–678.
- Захарова 2019 — *Захарова И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 71–84. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84
- Зубок, Чупров 2008 — *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Риски в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31–55.
- Карачурина, Флоринская 2019 — *Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф.* Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2019. № 6. С. 82–89.
- Кованова 2019 — *Кованова Е. С.* Современные тренды миграций сельской молодежи // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Т. I. Сборник

- статей X Уральского демографического форума. В 2-х т. (г. Екатеринбург, 10–11 июня 2019 г.). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. С. 161–165.
- Намруева 2013 — *Намруева Л. В.* Миграционные установки молодежи Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2. С. 64–70.
- Нефедова, Мкртчян 2017 — *Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В.* Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 58–67.
- Письменная 2009 — *Письменная Е. Е.* Социальные последствия учебной миграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): автореф. ... д-ра соц. наук. М., 2009. 65 с.
- Самофалова 2015 — *Самофалова Е. И.* Особенности изучения образовательной миграции в работах зарубежных авторов // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1(29). С. 104–119.
- Санникова 2015 — *Санникова О. В.* Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона [электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/24/sociology/sannikova.pdf (дата обращения: 06.09.2020).
- Чернышев 2014 — *Чернышев К. А.* Образование как фактор миграционной подвижности: опыт оценки и принятия управленческих решений на региональном уровне // Вопросы управления. 2014. № 6. С. 173–179.
- Choi, Mare 2012 — *Choi K. H., Mare R. D.* International Migration and Educational Assortative Mating in Mexico and the United States // *Demography*. 2012. № 49(2). Pp. 449–476.
- Forbes-Mewett, Nyland 2008 — *Forbes-Mewett H., Nyland C.* Cultural Diversity, and the Security of International Students at an Internationalized University // *Journal of Studies in International Education*. 2008. Vol. 12. № 2. Pp. 181–203.
- How et al. 2008 — *How I., Jindal-Snape, Topping K., Todman J.* Theoretical Models of Culture Shock and Adaptation in International Students in Higher Education // *Studies in Higher Education*. 2008. Vol. 33. No. 1. Pp. 63–75.

Тувинская этничность как объект исследования

Венера Седип-ооовна Донгак¹, Долаана Шолбан-ооловна Монгуш²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, зав. кафедрой философии, доцент
ORCID: 0000-0002-2220-523X. E-mail: dongak@mail.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
аспирант кафедры философии
ORCID: 0000-0001-5428-9151. E-mail: dana_ksd@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Донгак В. С., Монгуш Д. Ш., 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье предпринята попытка провести обзор и анализ отечественных и зарубежных научных трудов по истории исследования тувинской этничности, охватывающей такие ее аспекты, как язык, религия, традиционная духовная культура, материальная культура народа, национальный характер, история тувинской этничности, этническая идентичность тувинцев и другие факторы, характеризующие тувинский народ как уникальную этническую группу среди народов Центральной Азии. *Материалы и методы.* В статье были изучены научные труды отечественных и зарубежных авторов, в том числе и ученых — носителей культуры указанного народа. *Результаты.* Проведен обзор и сравнительно-сопоставительный анализ различных теоретических и методологических подходов зарубежных и отечественных исследователей к изучению понятия этничности, в ходе чего было выяснено разнообразие толкований и пониманий данного феномена. Изучены базисные понятия и представления о национальном характере тувинского народа, особенности тувинской ментальности во многих научных трудах ведущих ученых-специалистов в данной области знаний. Выявлено, что наци-

ональный характер тувинцев специфичен, прослеживаются вариативные характеристики этноса, иногда довольно противоречивые: от гостеприимства и созидательности до завистливости и лени. Кроме того, были рассмотрены историческое становление и развитие тувинского языка и его современное положение. Безусловно, в статье также представлен краткий обзор научных трудов, посвященных духовной и материальной культуре тувинцев. Этническая идентичность тувинцев раскрывается во всех ее аспектах в фундаментальных научных трудах современных исследователей, на основе которых был сделан данный научный обзор.

Ключевые слова: тувинцы, этничность, национальный характер, тувинская ментальность, тувинский язык, культура, культурная идентичность, традиционная культура

Для цитирования: Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Tuvan Ethnicity as an Object of Research

Venera S. Dongak¹, Dolaana Sh. Mongush²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Sociology), Head of Department, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-2220-523X. E-mail: dongak@mail.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0001-5428-9151. E-mail: dana_ksd@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dongak V. S., Mongush D. Sh., 2021

Abstract. Introduction. This article attempts to review and analyze domestic and foreign scientific works on the history of the study of Tuvan ethnicity covering such aspects as language, religion, traditional spiritual culture, material culture of the people, national character, history of Tuvan ethnicity,

ethnic identity of Tuvans and other factors characterizing the Tuvan people as a unique ethnic group among the peoples of Central Asia. *Goals*. The article examines scientific works of domestic and foreign authors including scientists – members of the Tuvan culture. *Materials and Methods*. The review and comparative analysis of various theoretical and methodological approaches of foreign and domestic researchers to the study of the concept of ethnicity clarifies the diversity of interpretations and understandings of this phenomenon. *Results*. The basic concepts and representations of the national character of the Tuvan people, peculiarities of Tuvan mentality in many scientific works of leading scientists with expertise in this field of knowledge have been studied. It was revealed that the national character of Tuvans is specific, various characteristics of the ethnos are traced, sometimes quite contradictory: from hospitality and creativity to envy and laziness. In addition, the historical formation and development of the Tuvan language, and its current position were considered. Obviously, the article also provides a brief overview of scientific works dealing with the spiritual and material culture of Tuvans. The ethnic identity of Tuvans is revealed in all its aspects in the fundamental scientific works of modern researchers, on the basis of which this scientific review was made.

Keywords: Tuvans, ethnicity, national character, Tuvan mentality, Tuvan language, culture, cultural identity, traditional culture

For citation: Dongak V. S., Mongush D. Sh. Tuvan Ethnicity as an Object of Research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 146–172. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Введение

Сегодня в научном мире имеется немалое количество исследований, посвященных изучению тувинской этничности. Среди этого разнообразия существуют труды, в которых исследуются, анализируются и раскрываются различные аспекты тувинской этничности, в частности: язык, материальная и духовная культура, традиции, а также особенности этнической и культурной идентичности данного народа в целом. Исследования по тувинской этничности представлены в трудах этнографов, антропологов, историков, языковедов, таких как: [Аранчын 1982; Вайнштейн 1972; Грач 1961; Грумм-Гржимайло 1926; Дулов 2013; Кон 1934; Потапов

1969; Сердобов 1985; Кызласов 1979; Маннай-оол 2004; Март-оол 1992] и др.

В настоящее время этнокультурными проблемами Тувы по разным аспектам занимаются следующие известные ученые-тувиноведы: З. В. Анайбан, Ч. К. Ламажаа, О. М. Хомушку, А. К. Кужугет, М. В. Монгуш, В. Ю. Сузукей, З. К. Кыргыз, Н. О.Товуу М. В. Бавуу-Сюрюн, Г. Ф. Балакина, В. А Семенов, Е. В. Айыжы, В. С. Донгак, В. С. Кан [Анайбан1996а; Анайбан 1996б; Анайбан 1999; Ламажаа 2009; Ламажаа 2013; Ламажаа 2016; Ламажаа 2017; Ламажаа 2018; Хомушку 1998; Кужугет 2006; Монгуш 2001; Монгуш 2002; Монгуш 2010а; Монгуш 2012; Сузукей 2006; Кыргыз 2002; Товуу 2009; Бавуу-Сюрюн 2010; Балакина, Анайбан 1995; Семенов 2000; Айыжы, Базырчап 2013; Донгак 2003; Кан 2005; Кан 2016] и др.

О разных подходах к понятию «этничность»

Говоря об этничности как о социокультурном концепте, стоит отметить то обстоятельство, в котором данное понятие представляется не совсем ясным. Данный вопрос изучался многими известными советскими, российскими и зарубежными этнологами, антропологами и другими исследователями этничности и этнической идентичности.

«*Этничность* — широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. В отечественном общественном знании более широко употребляется термин *этнос* во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа» [Тишков 2001: 171].

Как утверждает известный российский социолог Н. Г. Сковрцов, «несмотря на огромное количество работ, в названиях которых фигурирует „этничность“, подчас весьма сложно разобраться, какое значение придает этому понятию тот или иной автор» [Сковрцов 1997: 4].

Аналогичная ситуация сложилась и в зарубежной научной практике. Действительно, точки зрения зарубежных авторов раз-

няться между собой. В качестве подтверждения данного утверждения можно привести цитату из книги британского антрополога М. Бэнкса «Этничность: антропологические конструкции» (Ethnicity: Anthropological Constructions, London, 1996), в которой говорится следующее: «На протяжении многих лет „этничность“ является ключевым понятием антропологии и социологии, тем не менее, по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями...» (цит. по: [Скворцов 1997: 4]).

По мнению американских социологов Н. Глейзера и Д. Мойнихена, «этничность составляет отдельные групповые культурные отличительные черты, представляющие этнос»¹ [Ethnicity 1975: 5]. Добавим, что указанные авторы рассматривали этничность в качестве средства достижения групповых интересов. Они подчеркивают ситуативные, интерактивные основания понятия этничности, трактуя его в таком ключе [Ethnicity 1975: 6].

Т. Парсонс, представитель американской социологической школы второй половины XX в., отмечал, что «этничность — это довольно неуловимое понятие, которое не поддается точному определению» [Ethnicity 1975: 5].

Мы абсолютно солидарны с утверждением ученого, поскольку, изучив около тридцати научных трудов, посвященных изучению концепта этничности, мы пришли к выводу, что данное понятие достаточно неоднозначно и определенного окончательного толкования понятия «этничность» быть не может, особенно в параллели с другими концептами и понятиями. Эта неопределенность, соответственно, привела к довольно большому количеству попыток исследователей дать определение феномену.

Заметим, что теоретические подходы к исследованию этничности были предприняты отечественными учеными во второй половине XX столетия.

Н. Г. Скворцов выделяет три основных аспекта в определении и научной интерпретации феномена этничности, описанных в его монографии «Проблема этничности в социальной антропологии»:

---

¹ Здесь и далее перевод с английского языка — Д. Ш. Монгуш.

1) интеракционный (этничность интерпретируется как форма и результат межгруппового взаимодействия);

2) атрибутивный (этничность есть набор определенных качеств группы);

3) субъективно-символический (этничность рассматривается по схеме «этничность = этническая идентичность») [Скворцов 1997: 8].

В указанном источнике не говорится о том, что какой-либо из этих аспектов может превалировать в интерпретации этничности. Для более подробного ознакомления с интерпретацией данных аспектов можно обратиться к вышеуказанному источнику.

Итак, понятие «этничность» неоднозначно, неуловимо, однако оно достаточно ёмко и содержательно. Этничность социально обусловлена, так как она возникает и проявляется в различных процессах социума. В любом случае, понятие «этничность» представляет колоссальный аналитический интерес в научной практике.

Что же понимается под тувинской этничностью, и в чем она выражается? Что входит в совокупность признаков, определяющих тувинцев тувинцами? Какие признаки и качества выделяются доминантными в определении тувинской этничности?

В поисках ответов на вышеуказанные вопросы, мы, безусловно, опираясь на работы авторитетных ученых, пришли к выводу, что нет какого-либо одного аспекта, по которому мы могли бы определить, распознать, понять тувинскую этничность. Для определения тувинской этнической идентичности важны все факторы культуры тувинцев: национальный характер, язык, духовная культура (обычаи, традиции, религия и др.), материальная культура.

Соответственно, в данной статье мы постараемся дать обзор и анализ проведенных исследований по тувинской этничности, затронуть разные составляющие тувинской этничности, чтобы наиболее полно передать ее сущность и особенности. Стоит напомнить, что ни один, ни другой аспект тувинской этничности не является доминирующим или уступающим по своей ценности, релевантности.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. все население Тувы составило 307,930 человек, из них тувинцев — 249,299 человек. В процентном соотношении это примерно 81 % всего населения республики [*Итоги ВПН 2013: 285*].

Заметим, что с истечением более десяти лет с момента последней переписи населения, результаты которой фигурируют в большинстве научных работ, показатели могут незначительно разниться на сегодняшний день.

«В пределах Российской Федерации также проживают немногочисленные группы тофаларов (тофы) и сойотов, которые в прошлом входили в состав тувинского этноса, но, впоследствии отколовшись от него, образовали две самостоятельные этнические единицы. В настоящее время тофалары (около 1 тыс. чел.) живут в Нижнеудинском районе Иркутской области, сойоты (не более 3 тыс. чел.) — в Окинском и Тункинском районах Республики Бурятия [*История Тувы 2001: 3*].

Необходимо добавить, что «в настоящее время за пределами Тувы живет ряд субэтнических групп тувинцев: в Монголии — около 20 000 человек, в КНР, главным образом в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, — около 4 000 человек» [*Монгуш 2002: 17–23*].

Национальный характер тувинцев глазами исследователей

Вопросами национального характера тувинцев занимались ведущие отечественные ученые: этнографы, антропологи. Среди них выделим С. И. Вайнштейна, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Л. П. Потапова, Н. А. Сердобова [*Вайнштейн 1972; Грумм-Гржимайло 1926; Потапов 1969; Сердобов 1985*] и др., а также зарубежных исследователей В. Донахью, Д. Каррутерса, Э. Таубе и др. [*Donahoe 1997; Каррутерс 2007; Taube 1974*].

Большинство научных трудов принадлежит таким авторам — представителям этноса, как А. К. Кужугет, О. М. Хомушку, Ч. К. Ламажаа, В. Ю. Сузукей, М. В. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн, Е. В. Айбыжы и др. [*Кужугет 2006; Хомушку 1998; Ламажаа 2013*;

Ламажаа 2017; Ламажаа 2018; Сузукей 2006; Бавуу-Сюрюн 2010; Айыжы, Базырчап 2013].

По нашему мнению, тематика национального характера прямо параллельна и даже отождествляется с понятием и сущностью этничности, этнической идентичности.

Согласно Ч. К. Ламажаа, «тувинский национальный характер можно определить как „резко-континентальный“ по тому, каков климат в регионе и каково природно-климатическое разнообразие в ней. Более 80 % территории Тувы занято горами, остальное приходится на равнинные участки. При этом рельеф весьма сложен: чередование хребтов, нагорий, межгорных котловин. Зима морозная, лето жаркое, разница температур сезонов может составлять 80 градусов» [Ламажаа 2018: 51].

Как отмечает автор, «в душе тувинца одновременно также существуют, спрессованы несколько „природных зон“ или черт. Причем, не противоположные друг другу, как у русских в трактовке Н. А. Бердяева, но сложно сочетающиеся. Несовместимые друг с другом, но все же сложившиеся в какой-то удивительно тугой и многослойный узел. Тувинская душа, если выразить через образы, — это раздольная равнина, неприступные горы, щедрая тайга, молчаливая пустыня, пьянящая степь, бурлящие реки, разноцветные озера, плодородная тундра. Тувинцы — степняки, живущие в большом пространстве, окаймленном фиолетовым горным горизонтом, это люди огороженного раздолья» [Ламажаа 2018: 57].

Говоря об «отгороженности» тувинцев, можно упомянуть, также, о «внутрисаянском мире» данного народа (по Ч. К. Ламажаа), где ученый, на наш взгляд, дает невероятно красочную, метафоричную и одновременно точную характеристику национального менталитета описываемого этноса [Ламажаа 2013: 77–78].

Анализируя влияние климата на национальный характер тувинцев, мы обратили внимание на интересное умозаключение голландского религиоведа Б. Кристенсена, в котором утверждается, что «природа не только представляет собой прошлое, но и постоянно воссоздается и наполняется новым смыслом, отражающим

ныне имеющиеся проблемы, через практическое взаимодействие тувинцев с окружающей их природой» [Kristensen 2002].

Тувинский менталитет предстает в работах и как предмет исследования, и в многообразии аспектов, показан в исторических пластах, с указанием утраченного за период XX в. Носители языка также представляют анализ культурных концептов, передающих особенности менталитета [Ламажаа 2017: 18–47].

Мы считаем целесообразным привести в пример этнопсихологические характеристики тувинцев, данные Е. Н. Резниковым и Н. О. Товуу, которые пишут: «Для тыва этноса можно отметить целостность и труднодоступность территории проживания. Борьба этноса тыва за выживание в условиях резко континентального климата сформировала такие психологические черты, как терпение, выносливость, практичность, рационализм, спокойствие и уравновешенность...» [Резников, Товуу 2002: 37].

Кроме того, вышеуказанные авторы описывают в своем труде «такие социально-психологические особенности тувинцев как терпимость, чувство единой родоплеменной и национальной принадлежности, неприхотливость, самостоятельность, настойчивость, независимость, способность переносить трудности, эмоционально-волевая устойчивость, гостеприимность, чуткость, искреннее уважительное отношение к старшим и младшим, вежливость, уважение достоинства и чести других людей, самоограничение, самоуспокоенность, умеренность во всем, стремление к балансу и гармонии в жизни» [Резников, Товуу 2002: 45].

Согласно Е. А. Тюгашеву и Ю. В. Попкову, которые провели анализ тувинского менталитета по концепции П. Сорокина (феноменологическое учение о менталитетах культуры), нельзя утверждать, что менталитет тувинцев относится к классу активных подтипов — активному идеационализму и активно-чувственному менталитету. Они полагают, что это вытекает из созерцательности тувинцев, свойственной многим кочевым народам. Они считают, что «нельзя идентифицировать тувинский менталитет как аскетически-идеациональный, поскольку тувинцы не стремились к трансцендентальным ценностям, а богатство традиционно видели

в количестве скота, детей, родни, в долгожительстве» [Тюгашев, Попков 2017: 5].

В работе этих авторов показано, что «в категориях учения П. А. Сорокина социокультурная динамика менталитета тувинцев состоит в циклической смене псевдоидеационального и идеалистического менталитетов, из которых последний воспринимается как норма традиционной культуры» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Кроме этого, как отмечают Е. А. Тюгашев и Ю. В. Попков, «по П. А. Сорокину, признаками пассивно-чувственного менталитета являются отсутствие настоящего контроля над собой и средой, паразитизм, жизнь под девизом „Вино, женщины, песня“. Такие проявления, действительно стали наблюдаться в последние десятилетия» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Как констатирует Ч. К. Ламажаа: «Часть тувинцев, не вписавшихся в новые социальные требования, не просто молча принимает помощь от более удачливых родственников, не соразмеряя свой вклад в общесемейное распределение сил, но и настаивает на оказании помощи им. Речь идет не только о расцвете старой родовой солидарности, о расцвете клановых отношений, но и о распространении их превращенных форм — общественного паразитизма и безалаберности [Ламажаа 2009: 126].

Ч. К. Ламажаа утверждает, что эти проявления действительно присутствуют, но оцениваются в общественном сознании как отклонение от традиционного тувинского менталитета [Ламажаа 2009: 127].

Напомним, что в описаниях Ч. К. Ламажаа тувинский национальный характер определяется как «резко-континентальный». По мнению автора, такой вывод сделан «с учетом сильного влияния фактора природы и резко-континентального климата региона. В сочетании черт характера можно назвать: созерцательность, художественность, непунктуальность, флегматизм, любовь к детям, групповое соперничество, завистливость и пр.» [Ламажаа 2013: 77].

Изучив работы вышеназванных ученых, мы пришли к мысли, что в двух словах невозможно дать единую оценку или интерпре-

тацию национального характера, менталитета тувинцев. Национальный характер тувинцев многослойный, не однобокий, иногда даже противоречивый. Это обусловлено тем, что аспектов много, так же как и взглядов и подходов к ним.

Каждый исследователь видит ту или иную особенность менталитета народа, дает свою, возможно, в некоторых моментах, субъективную оценку, и даже есть моменты, когда возникали «научные противостояния» по объекту исследования, как, например, это наблюдается в анализе работ Д. Каррутерса и Г. Е. Грумм-Гржимайло. Такие наблюдения были отмечены многими исследователями, в том числе и Ч. К. Ламажаа [Ламажаа 2017: 22–23].

Ч. К. Ламажаа, отмечая ценность тувинского менталитета, пишет, что «тувинская ментальность, как вся культура тувинцев признана ценностью и вошла в поле внимания научного знания» [Ламажаа 2018: 12–13].

Мы считаем, в данном утверждении кроется не только правдивое научное заявление, но и призыв к дальнейшей научной и творческой деятельности, кроме того, оно прямо отражает всю актуальность и важность тувинской ментальности, и, безусловно, национального характера тувинского народа.

По нашим наблюдениям, научные труды тех или иных авторов из всех вышеперечисленных, а в особенности носителей культуры, взаимодополняют друг друга и создают интригу — базу для дальнейших размышлений, анализа и исследований.

Тувинский язык — зеркало культуры тувинского народа

Язык народа — главная его ценность. Довольно часто можно встретить утверждение о том, что, если нет языка — нет и народа. Однако, в силу некоторых обстоятельств, обуславливающих существование этноса и его уникальность, данное заявление, на наш взгляд, относительно, поскольку есть такие народности (в основном малочисленные), которые существуют вне зависимости от наличия языка или же его вымирающего состояния. Но это уже другой вопрос для обсуждения. Однако, безусловно, язык — главная духовная ценность, национальный символ культуры каждого народа.

Согласно Конституции Республики Тыва (2001 г.), государственными языками в республике считаются русский и тувинский языки [[Конституция РТ 2001](#)].

Русский язык — государственный язык межнационального общения, который доминирует, по своей функциональности, во всех сферах жизнедеятельности в республике. Тувинский язык — родной язык титульного этноса в регионе, его «визитная карточка».

История тувинского языка имеет далекие корни. Как отмечает в своих трудах М. В. Бавуу-Сюрюн, известный филолог-тувиновед, «тувинский язык относится к тюркской группе, то есть генеалогически он родственен казахскому, татарскому, азербайджанскому и некоторым другим языкам. Вместе с шорским, хакасским, тофаларским, алтайским языками он составляет тюркскую группу языков Южной Сибири. Известно, что тюркские языки богаты и разнообразны» [[Бавуу-Сюрюн 2010: 58](#)].

Современный тувинский язык унаследовал целый ряд черт от древних тюркских языков. В современном тувинском языке выделяют 4 диалекта: центральный, западный, северо-восточный (тоджинский) и юго-восточный. Считается, что нормы литературного языка сформировались на базе центрального диалекта.

Современное состояние тувинского языка неоднозначно. Сейчас тувинский язык — это важный аспект тувинской этничности, который сталкивается с рядом «вызовов», несмотря на то, что подавляющее большинство жителей республики тувинской национальности. Например, в городах республики «притормаживается» приток в национальные классы, поскольку сложилось общественное мнение, что русские классы дают лучшую подготовку для поступления в вузы и не только в республике, но и за ее пределами, сужается функциональность тувинского языка, тувинский язык остается в основном языком семейного общения.

В. С. Кан и Д. К. Тулуш писали в своей работе «Социологическая ситуация и перепись в Туве» о следующем: «Абсолютное большинство тувинцев являются носителями родного языка, употребляют его повсеместно и постоянно. Установка на повседневное применение тувинского языка формируется в семье, что обе-

спечивает языковую преемственность поколений. Опросы показали, что даже если тувинец плохо знает или вообще не владеет тувинским языком, он считает его родным, а себя — тувинцем» [Кан, Тулуш 2011: 222–224].

По результатам социолингвистического исследования, проведенного в 2016 г. учеными Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ, г. Кызыл, Республика Тыва), под руководством филолога Н. Ч. Серээдар, «тувинцы владеют своим родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения» [Серээдар 2018: 4–18].

Исследователи убеждены, что обучение языку нужно начинать в раннем детстве, так как в более позднем возрасте эффективность процесса снижается. Считается, что в обучении детей родному языку, передаче им народных обычаев и традиций ведущая роль принадлежит сфере семейного общения, дошкольного воспитания и школьного образования. Более детальное описание результатов проведенного исследования, которые носят совершенно практический характер, доступно в вышеуказанном источнике.

В последнее время в республике проводится немало социальных проектов и образовательных мероприятий по сохранению родного языка. Главной целью языковой политики в Республике Тыва является, в первую очередь, «создание условий для сохранения, равноправного развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва» [Постановление 2017: 8]. Так утверждалось в государственной программе Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы». Фундаментальной является и «стратегия сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия, при котором обеспечивается знание тувинского языка как государственного и русского языка как языка государственного и языка межнационального общения всем населением республики, создания условий для гармоничного взаимодействия тувинского языка с русским языком в Республике Тыва» [Постановление 2017].

Духовная и материальная культура тувинцев

Английский этнолог Эдвард Тайлер дает классическое определение культуры: «Культура представляет собой сложное целое, включающее познание, верования, искусство, мораль, право, обычаи и некоторые другие способности и привычки, присущие человеку как члену общества» [Тайлер 1989: 18].

Известно, что становление и развитие тувинской культуры происходило достаточно длительное время, в наиболее полном виде она сформировалась к XIX в., т. е. ко времени завершения процесса формирования тувинцев как этноса.

Этнографическое изучение тувинцев началось с XVII в. и продолжается по настоящее время. Сведения о тувинской культуре были собраны исследователями XIX – начала XX вв.

Как правило, культура народностей рассматривается в разном «ключе». Однозначно, традиционная духовная культура тувинцев тесно связана с их материальной культурой.

Духовная культура тувинцев

Духовная культура тувинцев, как и других подобных этнических групп, включает в себя мифологию, религию, традиции, обрядность, художественное творчество (декоративно-прикладное, музыкальное, фольклор) и многое другое.

Безусловно, мифология является одним из основополагающих составляющих любой культуры. Жизнь человека с момента его рождения и до смерти в русле этнокультурной традиции обеспечивала спецификацию формирования и культивирования мировоззренческих основ в процессе усвоения традиционного образа жизни, типа мышления, передававшихся в течение многих веков от одного поколения к другому через познание мифологических констант. Считается, что для того, чтобы понять особенности мироощущения тувинцев традиционного общества, необходимо рассмотреть мифологические архетипы.

Вопросы религии в Туве неоднозначны, интересны, привлекательны для научного сообщества.

В Туве народные верования всегда играли большую роль, причем они занимают важное место в религиозном комплексе даже

на сегодняшний день. Они отражают разные стороны их общественной, производственной и идеологической жизни. Племенные культы доклассового общества представлены у тувинцев культурами, характерными для всех кочевых народов Центральной Азии. Это культы неба, земли, огня, ландшафтных божеств (духов-хозяев горы, рек, тайги и других природных объектов) и промысловые культы [[Монгуш 2001: 133–147](#)].

«В религиозных представлениях народа природные объекты олицетворяли силы реального и мифического космоса, и человек призывал их к себе в союзники, в честь них устраивал различные культовые обряды. Он как бы заручался их поддержкой, чтобы обеспечить благополучие рода. Совершение обряда — это важная часть жизни общества, от его проведения зависела вся последующая жизнь участников, суть которого заключалась в умиловлении духов — хозяев мест, своеобразном приручении их, установлении контактов с ними ради благополучия рода на конкретный срок» [[Айыжы, Базырчап 2013: 18–21](#)].

Как утверждает религиовед М. В. Монгуш, «вместе с этими культурами у тувинцев существовал достаточно развитый институт шаманизма. В отличие от племенных культов, ритуальные действия которого направлены на определенный объект (небо, земля, огонь и т. д.), и эти действия мог совершать каждый человек, шаманизм представлял собой довольно четкую систему, благодаря которой выделился в самостоятельную религию, ритуальные действия, которого совершались опосредованно, через особое специфическое общение с миром духов его жрецов-шаманов, попавших в эту касту по принципу наследственного шаманского дара, путем погружения в состояние шаманского экстаза. Наличие этой касты жрецов позволяло шаманизму оставаться одной из основных религий в тувинском обществе» [[Монгуш 2001: 133–147](#)].

Буддизм в Туве — религия, которую исповедуют многие жители республики. Сегодня большинство тувинцев позиционируют себя как буддисты. Однако, как пишет религиовед, профессор О. М. Хомушку, «нельзя делать однозначный вывод о том, что в регионе доминирует буддизм, что он играет главенствующую

роль в современных процессах религиозного возрождения Тувы. Институционально — да, но если определять религиозность населения с точки зрения других критериев (религиозной веры, религиозного поведения и пр.), то очевидно, что речь идет о сложном религиозном синкретизме» [Хомушку 1998: 108–137].

Как отмечают Е. А. Тюгашев и Ю. В. Попков, «распространение буддизма в Туве позволяет отнести ее к странам с идеациональной культурой. Вместе с тем известно, что в Туве отсутствовала теократия. Таким образом, культурные ситуации в Тибете и Туве различны. Это дает основания предполагать, что тибетский и тувинский менталитеты нетождественны» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Форма буддизма, сложившаяся в Туве, представляет национальную разновидность, которая формировалась в каждой стране. За время своего становления в Туве буддизм синтезировал все бытовавшие в шаманской и дошаманской практике культы (культы неба, земли, огня, ландшафтные культы и т. д.), дополнив их буддийскими идеями о перерождении, карме, нирване [Монгуш 2001: 52].

По мнению ряда исследователей, конфликт между буддизмом и шаманизмом существовал только в начале, но затем он смягчился, и между ними сохранились мирные контакты. М. В. Монгуш считает, что это произошло благодаря веками отработанной буддизмом системе приспособления, трансформации, усвоения сложившихся в обществе сакральных традиций, управляющих повседневной жизнью народа. Тесное взаимодействие буддизма и шаманства довольно отчетливо прослеживалось в повседневной жизни народа [Монгуш 2001: 56].

Современная Тува, по словам А. Иконникова-Галицкого в его статье «Разноцветная вера в Туве», это «зона контакта и взаимодействия четырёх типов религиозных умонастроений, менталитетов, духовных практик. В соответствии со старинной центрально-азиатской традицией эти четыре веры можно обозначить четырьмя цветами [Иконников-Галицкий 2011]. Мы решили визуализировать его «цветовую» классификацию вер следующим образом:

Таблица 1. Разноцветная вера в Туве

Вера	Краткое толкование
«Чёрная вера»	Это шаманизм. Наследие древних духовно-культурных традиций
«Жёлтая вера»	Ламаизм, тибетско-монгольский буддизм, активно насаждавшийся во времена Циньского владычества
«Белая вера»	Православие, привнесённое русскими поселенцами в конце XIX – начале XX в.
«Красная вера»	Старообрядчество. Исходя из его его непокорного властям, протестного характера, автор называет «красной верой»

Заметим, что в данной таблице представлено понимание конфессиональной ситуации в Туве десятилетней давности, которое было сформировано как «взгляд со стороны», и, тем не менее, оно отображает общую религиозную картину в регионе, на наш взгляд, актуальную и по сей день.

Таким образом, «современная религиозная структура в Республике Тыва является результатом исторически длительного и сложного процесса. Его сложность определяется поликонфессиональностью, для которой характерны две тенденции: возрождение и развитие традиционных религиозных верований и рост влияния религиозных убеждений» [Монгуш 2012: 98–110].

В большинстве научных работ, посвященных изучению тувинской культуры в широком спектре, делаются выводы о высокой сохранности архаичных элементов культуры в Туве, которые постепенно были утрачены у родственных народов в процессе их тесного, взаимообусловленного контакта с русскими поселенцами Сибири.

Материальная культура тувинцев

Этнические тувинцы, проживающие на территории Республики Тыва, делятся на две группы: западные и восточные. Западные

тувинцы — основная часть тувинского этноса, расселенные по всей республике. Восточные тувинцы — «тувинцы-тоджинцы», проживающие в Тоджинском районе Республики Тыва, который располагается в восточной части территории региона.

Согласно С. И. Вайнштейну, советскому и российскому специалисту по истории, этнографии и археологии Тувы, к началу прошлого столетия в Туве сложились следующие хозяйственно-культурные типы.

Для западных тувинцев характерен хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов, который сочетался с земледелием и охотой, а также домашним производством и ремеслом. Основным жилищем служила войлочная юрта. Схожий тип хозяйства присущ и другим кочевым скотоводческим народам, таким как алтайцы, буряты, монголы и др. [Вайнштейн 1972: 138]. Для восточных тувинцев, тувинцев-тоджинцев, характерен хозяйственно-культурный тип охотников-оленеводов тайги, так называемый «сянский горнотаежный подтип». Хозяйство восточных тувинцев, также, основывалось на собирательстве и рыболовстве. Основное жилище тувинцев-тоджинцев — чум [Вайнштейн 1972: 139].

Заметим, что какими бы различными уровнями и изменчивыми формами действительности не проявлялась культура, первичной остается этническая. Именно на ней коренится основа настоящего и будущего развития любого народа. Следует отметить особую актуальность вопроса о сохранении существующих и возрождении утраченных элементов традиционной культуры для тувинцев [Иргит 2010: 7187].

О важности сохранения и развития национальной традиционной культуры говорится и в трудах авторитетного ученого З. В. Анайбан: «На сегодняшний день общественная жизнь в Туве характеризуется доминированием национальной тувинской культуры. В условиях возрождения этнической культуры на передний план вышли те виды традиционной культуры, которые вызывают интерес за пределами Тувы: бурный прогресс таких весьма экзотических элементов тувинской культуры, как горловое пение, национальные танцы, шаманизм и ремесла. Главным фактором домини-

рования тувинского национального в сфере культуры стал, прежде всего, процесс национального возрождения традиций, обычаев. Этому в некоторой степени способствует численное преобладание тувинского этноса. Одним из основных факторов, способствующих этому, является устойчивое положение тувинского языка, его государственный статус в республике, широкая сфера его функциональности» [Анайбан 1996а: 59].

Этническая идентичность тувинцев в трудах современных исследователей

На современном этапе научного знания изучение проблем этнической идентичности, как и феномена этничности в целом, представляет большую релевантность, и ранее такие вопросы являлись полем для многочисленных исследований отечественных ученых: социологов, этнографов, культурологов.

Этническая идентичность, в первую очередь, основывается на этнической истории народа. Этническая история тувинского народа богата, разнообразна.

Как полагает В. Ю. Хотинец, на степень выраженности этнической самоидентификации может влиять этническое окружение. Позитивная этническая идентичность формируется в этническом самосознании этнофоров, проживающих в условиях социокультурного соответствия естественным популяционным границам, т. е. в своей социокультурной среде. Негативная форма выражения этнической самоидентификации, вызванная преуменьшением оценки своего этноса при противопоставлении его другому этническому образованию, проявляется в большей степени в поли- и иноэтничной среде через отождествление себя с компонентами иноэтничного окружения, что безусловно влияет на степень выраженности этнической идентичности [Хотинец 1999: 72].

Этническая самоидентификация, как подчеркивает З. В. Сикевич, является не переменным атрибутом этнического (национально-го) самосознания. Она носит ситуативный характер и может быть обусловлена конкретными политическими реалиями [Сикевич 1999: 100–101].

В исследовании, проведенном З. В. Анайбан в 1994–1995 гг. в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ», вопрос об этнической консолидации звучал таким образом: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Респонденты отвечали «во-первых, историческое прошлое, язык, культура, во-вторых, религия, обычаи, обряды, а также черты характера» [Анайбан 1999: 231].

Кроме этого, З. В. Анайбан в своем исследовании отмечает невысокий процент опрошенных, указавших на внешний облик как на идентифицирующий признак (что тоже характерно в ответах настоящего исследовательского блока) и на необходимость исследования этого явления [Анайбан 1999: 233].

Во время эмпирического этносоциального исследования, которое проводилось В. С. Донгак в начале 2000 гг., для определения степени выраженности этнического «я» тувинского народа автор применила прямой вопрос («Кем вы себя чувствуете в большей мере?»), используя номинальную шкалу («прежде всего», «в определенной степени», «совсем или почти не чувствую») и предлагая респондентам для оценки следующие варианты ответов: (чувствую) «гражданином мира», «гражданином России», «тувинцем», «представителем рода» [Донгак 2003: 110].

Проанализировав ответы респондентов, В. С. Донгак пришла к следующему выводу (табл. 2).

Таблица 2. Степень выраженности этнического «Я»

Кем вы себя чувствуете в большей мере?	Прежде всего	В определенной степени	Почти или совсем не чувствую
Гражданином мира	15,0	8,7	1,2
Гражданином России	30,8	25,0	1,1
Тувинцем	83,7	5,0	-
Представителем рода	46,2	6,2	-

Сумма ответов по столбцу может превышать 100 %, так как респондент имел право выбирать несколько ответов.

В таблице демонстрируются ответы респондентов, которые, прежде всего, идентифицируют себя с людьми своего народа (83,7 %).

Как пишет В. С. Донгак, «в настоящее время, несмотря на то, что разделение тувинцев по родовой принадлежности не имеет такого важного значения, как раньше, традиционные внутривидовые связи все еще весьма сильны и существенно влияют на этническую самоидентификацию тувинцев (46,2 %). Российская идентичность не является доминирующей, тем не менее 30,8 % (прежде всего) и 25,0 % (в определенной степени) опрошенных идентифицировали себя с гражданином России» [Донгак 2003: 111].

Соответственно, В. С. Донгак обобщает результаты исследования таким образом, что «тувинцы имеют устойчивую, позитивную этническую идентичность, которая проявляется в высокой степени выраженности тувинской этнической идентичности, стремлении к сохранению аутентичности и этнической самобытности, — иными словами, тувинцы в своем подавляющем большинстве гордятся тем, что они тувинцы» [Донгак 2003: 112–115].

Наш интерес привлекли наблюдения, описанные и в труде В. С. Кан, которая, опираясь на результаты социологического исследования, утверждает, что «относительно однородная этническая среда в регионе, слабая распространенность межнациональных браков в Туве способствуют укреплению тувинской идентичности. По данным опроса 2008 г., более выраженной у жителей столицы была этническая идентичность. Это же на материале всей республики показывают и данные переписи 2010 г. Национальную принадлежность тогда указали 303 857 человек из 307 930 (98,7 % населения). Причем здесь она указывалась как единственная (или тувинец, или русский), в отличие от других регионов, где были зафиксированы разные варианты национальной принадлежности (к примеру, «русский-татарин», «русский, еврей и др.»)» [Кан 2016: 65].

Заключение

На наш взгляд, сегодня ситуация с этнической идентичностью тувинцев в регионе такова, что она занимает достаточно прочную

позицию, уходящую своими корнями в глубь этнической истории тувинского народа, его традиционной культуры и контролируемой языковой ситуацией в республике, обусловленной возрождением тувинской культуры в разных ее аспектах и доминированием части населения, говорящей на родном языке.

Согласно Ч. К. Ламажаа, условием развития этнологической науки в Туве является тот факт, что «Тува — территория с сильно этнически маркированным пространством». Здесь этничность определяет многое: особенности политической жизни, особенности социокультурных процессов, социальные связи и отношения, социальные процессы и социальные события и мн. др.» [Ламажаа 2016: 42]. История Тувы, межэтнические отношения, политическая жизнь республики, система образования, культурная жизнь, религиозная картина Тувы — все аспекты тувинского — обусловлены этничностью, представляет собой интереснейший объект для изучения [Ламажаа 2016: 42].

Научные труды по проблематике тувинской этничности многих авторов взаимодополняют друг друга, вызывают в свою очередь новые дискуссии и намечают пути дальнейших исследований в заданной области научного познания.

Литература

- Айыжы, Базырчап 2013 — *Айыжы Е. В., Базырчап А-Х. О.* Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая и Монголии в начале XXI века (сравнительный аспект) // Известия Кемеровского государственного университета. 2013. № 3. Т. 1. С. 18–21.
- Анайбан 1996а — *Анайбан З. В.* Республика Тува: модель этнологического мониторинга. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 96 с.
- Анайбан 1996б — *Анайбан З. В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Туве // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. М.: Центр по изучению межнац. отношений РАН, 1996. С. 243–245.
- Анайбан 1999 — *Анайбан З. В.* Республика Тыва: поиски новой этнической идентичности // III Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (г. Москва, 8–11 июня 1999 г.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 237–248.

- Аранчын 1982 — *Аранчын Ю. Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
- Бавуу-Сюрюн 2010 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 57–71. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_7/2158-bavuu-syuryun-mv.html (дата обращения: 10.01.2021).
- Балакина, Анайбан 1995 — *Балакина Г. Ф., Анайбан З. В.* Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина; Сиб. отд-ние РАН, Тувин. комплекс. ин-т. Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма, 1995. 137 с.
- Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.
- Постановление 2017 — Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [электронный ресурс] // Постановление Правительства РТ от 07 апр. 2017 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 10.01.2021).
- Грач 1961 — *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Вост. лит., 1961. 96 с.
- Грум-Гржимайло 1926 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран / составлен Г. Е. Грум-Гржимайло. 1926. 412 с.
- Донгак 2003 — *Донгак В. С.* Этническая идентичность тувинцев: дисс. ... канд. соц. наук: СПб., 2003. 183 с.
- Дулов 2013 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. / М-во образования и науки РФ, Тувинский гос. ун-т, Восточно-Сибирская гос. акад. образования. Кызыл: Изд-во ТувГУ; Иркутск: Восточно-Сиб. гос. акад. образования, 2013. 499 с.
- Иконников-Галицкий 2011 — *Иконников-Галицкий А.* Разноцветная вера в Туве [электронный ресурс] // TUVA.ASIA: портал о тувиноведении. 2011. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/2995-raznoscvetnaya-vera.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- Иргит 2010 — *Иргит Ч. К.* К определению основных направлений развития этнографической науки Тувы // Новые исследования Тувы. 2010. № 1. С. 71–87. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/561> (дата обращения: 12.01.2021).

- История Тувы — История Тувы. В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- Итоги ВПН 2013 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Тыва. Национальный состав и владение языками, гражданство населения РТ. Т. 4. Кызыл: Тывастат, 2013. 341 с.
- Кан 2005 — *Кан В. С.* Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2015. С. 128–133.
- Кан 2016 — *Кан В. С.* Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 12.01.2021).
- Кан, Тулуш 2011 — *Кан В. С., Тулуш Д. К.* Социологическая ситуация и перепись в Туве // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В. С. Степанова. М.: ИЭА РАН. 2011. С. 372–383.
- Каррутерс 2007 — *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Т. 4. Ч. 1. М.: Слово, 2007. С. 10–261.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию // За пятьдесят лет. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльно-переселенцев. 1934. 293 с.
- Конституция РТ 2001 — Конституция Республики Тыва [электронный ресурс] // Закон Республики Тыва от 6 мая 2001 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906705011> (дата обращения: 10.01.2021).
- Кужугет 2006 — *Кужугет А. К.* Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 319 с.
- Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: изд-во Московского ун-та, 1979. 206 с.
- Кыргыз 2002 — *Кыргыз З. К.* Тувинское горловое пение: Этномузыковед. исслед. Отв. ред. И. В. Мацевский; М-во культуры и кино Респ. Тыва, Междунар. науч. центр «Хоомей». Новосибирск: Наука, 2002. 234 с.
- Ламажаа 2009 — *Ламажаа Ч. К.* Социальная архаизация постсоветской Тувы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 124–129.
- Ламажаа 2013 — *Ламажаа Ч. К.* Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии [электронный ресурс] // Новые исследо-

- вания Тувы. 2013. № 3. С. 69–83. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6479-lamazhaa.html (дата обращения: 09.01.2021).
- Ламажаа 2016 — *Ламажаа Ч. К.* Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. С. 32–51. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (дата обращения: 10.01.2021).
- Ламажаа 2017 — *Ламажаа Ч. К.* Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 18–48. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724/1128> (дата обращения: 11.01.2021). DOI: 10.25178/nit.2017.3.2
- Ламажаа 2018 — *Ламажаа Ч. К.* Национальный характер тувинцев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 141 с.
- Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы. Происхождение и формирование этноса / отв. ред. В. Н. Тугужекова; М-во кадровой политики, науки и учеб. заведений Респ. Тыва, Тувин. ин-т гуманитар. исслед. Новосибирск: Наука, 2004. 164 с.
- Март-оол 1992 — *Март-оол В. Д.* Социально-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики: 1921–1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук, 1992. 160 с.
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2002 — *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая и их этнолокальные группы // Ученые записки ТИГИ. Вып. XIX. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. С. 12–30.
- Монгуш 2010а — *Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 358 с.
- Монгуш 2010б — *Монгуш М. В.* Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 203–237. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата обращения: 10.01.2021).
- Монгуш 2012 — *Монгуш М. В.* Старые и новые религии в Туве // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 98–110. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/356> (дата обращения: 12.01.2021)
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. М.: Наука, 1969. 402 с.

- Резников, Товуу 2002 — *Резников Е. Н., Товуу Н. О.* Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика: Монография / Е. Н. Резников, Н. О. Товуу. 2 изд. М.: PerSe, 2002. 223 с.
- Семенов 2000 — *Семенов В. А.* Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 204 с.
- Сердобов 1985 — *Сердобов Н. А.* Коминтерн и революционная Тува (1921–1944 гг.). Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1985. 238 с.
- Серээдар 2018 — *Серээдар Н. Ч.* Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 10.01.2021). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1
- Сикевич 1999 — *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.
- Скворцов 1997 — *Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1997. 183 с.
- Сузукей 2006 — *Сузукей В. Ю.* Культурно-исторические корни музыкального наследия тувинцев, его функционирование и модернизация в XX веке: дисс. ... д-ра культурологии. Кызыл, 2006. 331 с.
- Тайлер 1989 — *Тайлер Э.* Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Тишков 2001 — *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
- Товуу 2009 — *Товуу Н. О.* Психологический облик тувинского народа / Мин-во образования и науки РФ, Фед. агентство по образованию, Тувинский гос. ун-т. Кызыл: изд-во ТывГУ, 2009. 230 с.
- Тюгашев, Попков 2017 — *Тюгашев Е. А., Попков Ю. В.* Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 4–17. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (дата обращения: 13.01.2021). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1
- Хомушку 1998 — *Хомушку О. М.* Религия в истории культуры тувинцев. М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1998. 177 с.
- Хотинец 1999 — *Хотинец В. Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67–74.

- Donahoe 1997 — *Donahoe B.* Tuva Sets Sights on Sustainable Development / In *Surviving Together: A Quarterly on Grassroots Cooperation in Eurasia*. Winter. 1997. Pp. 38–40.
- Ethnicity 1975 — *Ethnicity: Theory and Experience* / N. Glazer and D. Moynihan (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. 552 p.
- Kristensen 2002 — *Kristensen B.* The Landscape of Knowledge. A Discussion of the Construction of Shamanistic Knowledge among Rural and Urban Tuvans [электронный ресурс] // Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism. Institute of Anthropology, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark. April 2002. URL: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (дата обращения: 12.01.2021).
- Taube 1974 — *Taube E.* Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. Berlin: Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. № 5. 1974. Pp. 589–607.

Этноязыковая ситуация в Республике Хакасия (по результатам социологического исследования)

Ирина Николаевна Трошкина¹, Георгий Михайлович Шапошников²

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (д. 23, ул. Щетинкина, 655017 Абакан, Российская Федерация) кандидат философских наук, заведующий сектором
ORCID: 0000-0002-1650-0590. E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

² Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (д. 23, ул. Щетинкина, 655017 Абакан, Российская Федерация) кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-4930-1803. E-mail: khaltar1947@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Трошкина И. Н., Шапошников Г. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье представлены результаты социологического исследования по проблеме этноязыковой ситуации в Республике Хакасия, проведенного в 2020 г. среди титульного этноса. *Целью* исследования является выяснение причин потери хакасского языка и факторов, которые могут способствовать его сохранению. В статье освещены аспекты: роль родного-материнского языка в качестве родного, мотивации изучения родного-материнского языка, проблема сохранения языка. Метод сбора информации — опрос методом формализованного интервью, обработка данных производилась с помощью прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19. Авторы пришли к следующим *выводам*: повышение роли родного языка обусловлено уровнем этнокультурного образования и этнокультурной ценностью; мотивация изучения хакасского языка — непрямой культурной трансмиссией; отношение населения к сохранению родного языка зависит от формирующей социальной среды и наличия этнокультурных центров в местах компактно проживания этноса.

Ключевые слова: хакасский язык, этноязыковая ситуация, роль языка, мотивация изучения, проблема сохранения

Для цитирования: Трошкина И. Н., Шапошников Г. М. Этноязыковая ситуация в Республике Хакасия (по результатам социологического исследования) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 173–193. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-173-193

Ethnolinguistic Situation in the Republic of Khakassia: Summarizing Results of a Sociological Survey

*Irina N. Troshkina*¹, *Georgy M. Shaposhnikov*²

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shchetinkin St., 655017 Abakan, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Head of Department
ORCID: 0000-0002-1650-0590. E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru

² Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shchetinkin St., Abakan 655017, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0002-4930-1803. E-mail: khaltar1947@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Troshkina I. N., Shaposhnikov G. M., 2021

Abstract. Introduction. The article presents results of the sociological study to have examined the ethnolinguistic situation in the Republic of Khakassia conducted in 2020 among the titular ethnic group. *Goals.* The study aims to reveal reasons underlying the loss of the Khakass language by its native speakers and factors that can contribute to its preservation. *Materials and Methods.* The article covers a range of aspects, such as the role of the mother tongue as a native language, motivation for learning the latter, and the problem of preserving it. The data collection method employed is that of formalized interviews. Data processing was performed using the IBM SPSS Statistics

19 application package. *Results*. The work concludes as follows: the increase of the role of a native language is determined by the level of ethnocultural education and presence of related values; the motivation for learning Khakass is an indirect cultural transmission; the population's attitude to the preservation of the native language depends on the shaped social environment and presence of ethnocultural centers in areas densely inhabited by native speakers.

Keywords: Khakass language, ethnolinguistic situation, role of the language, motivation for learning, problem of preservation

For citation: Troshkina I. N., Shaposhnikov G. M. Ethnolinguistic Situation in the Republic of Khakassia: Summarizing Results of a Sociological Survey. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 173–193. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-173-193

Введение

Изучение процесса функционирования родных нерусских языков в полиэтничных регионах происходит в рамках приоритетного направления этнокультурных исследований — этноязыковых процессов [Трошкина 2020: 27–38]. Актуальной в рамках данной проблематики является тема роли второго родного-материнского языка, позволяющая раскрыть специфику этноязыковых процессов.

Республика Хакасия (далее — РХ) наряду с другими многонациональными субъектами РФ, актуализирующими данную проблематику, является многонациональным регионом. Доминирующие этносы — русский (80,3 %), хакасский (11,9 %), немецкий (1,1 %), украинский (0,9 %). На протяжении начала XXI в. численность представителей доминирующих этносов РХ сокращалась. Наибольшие потери отмечались у русского, наименьшие — хакасского этноса. Параллельно с сокращением численности основных этнических групп изменялся удельный вес носителей родного-материнского языка: у русских он оставался стабильным — 99,9 %, у иных отмечалось снижение показателей (хакасов — на 10 %, немцев — на 6,3 %, украинцев — на 3,1 %) [Итоги ВПН 2005; Итоги ВПН 2013: 291].

Стремительное сокращение доли владеющих родным языком среди титульного этноса Хакасии происходило неравномерно на

территории региона. Оно более выражено в районах с дисперсным расселением, незначительной долей хакасов.

В этой связи особый интерес представляют шесть административно-территориальных образований РХ из тринадцати, где удельный вес хакасов значителен (более 10 % от общей численности населения муниципального образования). Наибольшая доля хакасов от населения муниципальных образований располагается в южных районах РХ — Аскизском, Таштыпском, где удельный вес хакасов колеблется в пределах 60–45 %. В иных четырех территориальных образованиях численность хакасов составляет от 19 до 10 % (Бейский, Ширинский, Орджоникидзевский районы, г. Абакан).

Методология исследования

В статье представлены некоторые результаты социологического опроса титульного этноса Республики Хакасия в возрасте от 18 лет и старше. Исследование проведено сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в апреле-сентябре 2020 г. Всего было опрошено 1 050 чел. (итоговая выборка превысила квоту на 50 ед.). Из них в возрасте: 18–24 лет — 154 чел., 25–34 лет — 155 чел., 35–44 лет — 150 чел., 45–54 лет — 150 чел., 55–64 лет — 148 чел., 65–74 лет — 148 чел., старше 75 лет — 145 чел.

Целью исследования являлось выявление причин потери хакасского языка, факторов, которые могут способствовать его сохранению. Задачами — изучить языковые компетенции, использование языка, роль хакасского языка в качестве родного языка, мотивацию к изучению, отношение населения к проблеме сохранения родного языка.

Роль родного языка для хакасского населения

С 1992 г. в Хакасии официально закреплено двуязычие, государственными языками являются хакасский и русский [Закон 1992]. В двуязычных сообществах носители владеют первым или родным-материнским и вторым языками, основными критериями деления выступают порядок и тип усвоения.

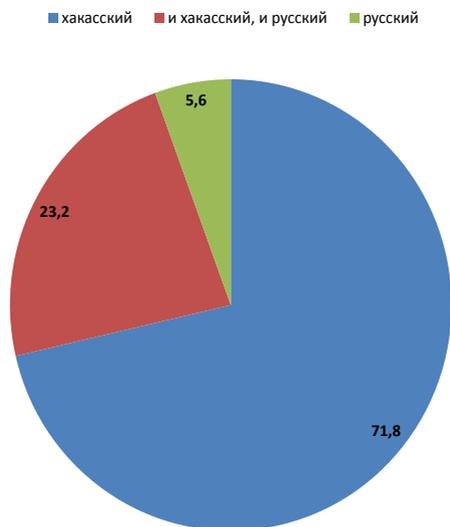
Усвоение родных или материнских языков, как правило, происходит в порядке первой очередности естественным путем передачи знаний от родителей-носителей к детям. В некоторых случаях, когда речь ведется о социальной общности, материнский язык рассматривается как язык своего этноса, своей культуры [Алпатов 2014: 11].

Несомненно, что усвоение родного языка эффективнее происходит в детском возрасте (до 5 лет) посредством имитации, повторения и практики [Бальхина 2007: 12–13].

Вторым языком является язык, усвоенный как одновременно, так и после освоения материнского языка в процессе социализации. Это основной язык общения, на котором осуществляется межэтническая коммуникация. В нашем случае таковым является русский язык.

В силу объективных обстоятельств в более уязвимом положении находятся родные языки. Отсутствие объективной необходимости в их знании приводит к сокращению числа носителей, языковой компетентности, снижению статуса языка, его престижности. Несмотря на данное обстоятельство, языковые предпочтения хакасов относительно выбора в качестве родного языка — хакасского — остаются достаточно высокими.

Результаты исследования подтверждают положение о несоответствии показателей языкового поведения, оценки языковой компетентности респондентами и языковых предпочтений хакасов. Из 69,3 % опрошенных, оценивающих свое знание и владение языком как достаточно хорошее, только половина (32,6 %) отличается активным языковым поведением (предпочитает общаться, читать газеты, журналы и книги на хакасском языке). В то же время значительная часть респондентов признает родным языком язык своего этноса (71,1 %), четверть опрошенных — русский и хакасский (23,2 %), малая часть — русский язык (5,6 %) (рис. 1).

Рис. 1. Соотношение опрошенных в зависимости от указанного родного языка, в % от ответивших

Ситуация различается в разрезе муниципальных образований. В г. Абакане и в Аскизском районе значительное количество респондентов признают родным языком хакасский (31,2 % и 39,4 % соответственно). В Таштыпском, Бейском административно-территориальных образованиях процент таковых на две трети меньше. В Ширинском и Орджоникидзевском — показатель не превышает 5 %.

По иерархии языковых предпочтений опрошенных ситуация несколько иная. Высокий статус хакасского языка характерен для респондентов Аскизского и Бейского районов, там преобладающим родным языком является хакасский (39,4 % и 9,2 % соответственно), в г. Абакане и Таштыпском, Ширинском районах — хакасский и русский языки (32,1 %, 13,2 % и 4,3 % соответственно), в Орджоникидзевском — русский язык (19,0 %) (рис. 2).

Критериями выбора родного языка выступают функциональный, культурно-ценностный или синтез данных основ [Исраилова,

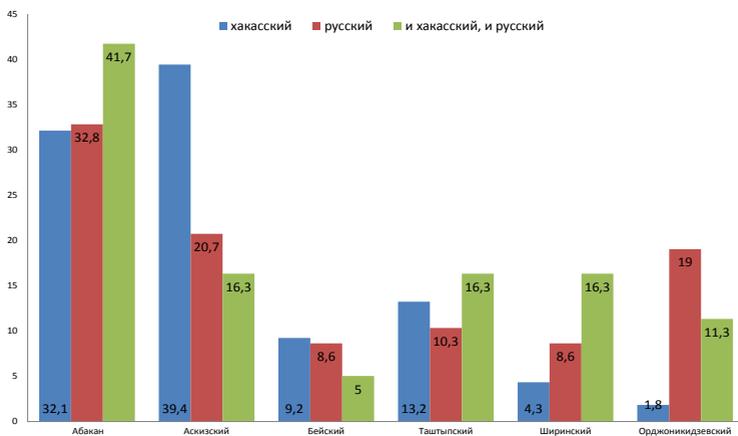

Рис. 2. Соотношение опрошенных в зависимости от языковых предпочтений, в % от ответивших

Исраилова 2020: 71–73]. У носителей второго родного-материнского языка, таковым, как правило, выступает культурно-ценностный критерий, в связи с тем, что значительная часть населения, определяя свой родной язык, редко его использует его в повседневной жизни (общается на родном языке).

Критериями выбора родного языка явилось распределение на мыслящих, говорящих, знающих, рассматривающих родной язык в качестве этнокультурного компонента (язык моих родителей) (рис. 3).

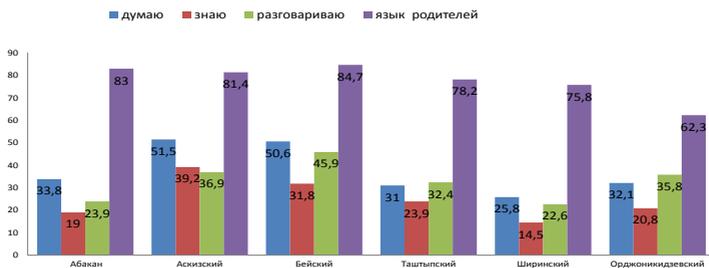

Рис. 3. Соотношение критериев выбора родного-материнского языка у хакасов, в % от ответивших

Среди респондентов высока доля признающих хакасский язык в качестве этнокультурной составляющей (средний показатель 80,5 %). Количество мыслящих и использующих хакасскую речь в повседневной жизни составляет менее половины опрошенных (35,8 %). Количество знающих родной язык составляет около четверти (27,1 %).

Больше всего хакасов, мыслящих на родном языке, проживает в Аскизском районе. И вполне очевидно, что там в связи с этим отмечается высокая концентрация этноса.

В г. Абакане тоже проживает значительное количество хакасов, и здесь представлен расширенный перечень возможностей обучения родному языку. Таштыпский и Бейский районы отличаются средними показателями в силу меньшей концентрации хакасов. Оказалось, что в Ширинском и Орджоникидзевском районах при соотношении долей между административно-территориальными образованиями меньше всего таковых.

В связи с тем, что основным качественным показателем в выборе родного языка является доля мыслящих на родном языке, мы рассматривали соотношение качественных и количественных показателей.

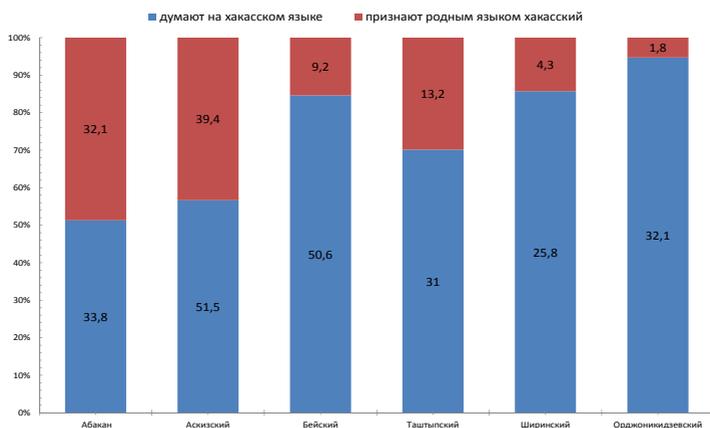

Рис. 4. Соотношение думающих и признающих родной-материнский язык у хакасов, в % от ответивших

Анализ данных показал, что доля респондентов, думающих на хакасском и признающих хакасский язык в качестве родного языка, равнозначна в г. Абакане (соотношение 33,8 % к 32,1 %), в Аскизском районе процент мыслящих на родном языке в 1,3 раза ниже признающих хакасский язык, в Таштыпском и Бейском районах — в 3,6 раза, в Орджоникидзевском и Ширинском районах — в 18,8 раза.

Данные результаты позволяют сделать вывод, что хакасское население г. Абакана, отчасти — Аскизского района, в большей степени, чем в иных муниципальных образованиях, признают родным языком хакасский. Они не только чаще используют его в повседневной жизни, но и мыслят на нем.

Можно предположить о наличии зависимости между уровнем этнокультурного образования, концентрацией хакасов и долей, думающих и признающих хакасский язык родным языком.

Для выявления основного фактора, оказывающего влияние на выбор родного языка, нами было выделено три критерия: этнокультурная ценность, социальная среда, уровень национального образования. Результаты исследования показали, что основным фактором, определяющим признание хакасского языка в качестве родного, является уровень этнокультурного. Данные выводы несколько разнятся с результатами некоторых исследований о повышении статуса показателя языкового предпочтения над иными в связи с доминированием у этноса культурно-ценностного критерия языка над функциональным [Исраилова, Исраилова 2020: 73], значимой роли этнического маркера, выступающего в символической роли, когда для этноса становится важным само наличие родного языка, а не его знание и уровень владения им [Харитоновна 2020: 4].

Значимость родного языка повышается в связи с сужением компонентов этнокультурной системы, приводящего к возрастанию роли исторической памяти, повышению этнической самоидентификации [Дробижева 1991: 65–82]; в «кризисных» для этнической группы или конкретного индивида условиях, связанных со страхом перед ассимиляцией, угрозой исчезновения (утраты)

«этнических ценностей» — атрибутов этнической идентичности [Пивнева 2011: 66].

Для того чтобы понять взаимосвязь уровней национального образования и языковых предпочтений современных хакасов, мы соотнесли число хакасов, признающих в качестве родного языка материнский, со ступенями их национального образования (начальная школа, основная школа, среднее специальное или высшее образование, дополнительные образовательные курсы, в том числе платные).

Анализ корреляций показал наличие связи между рассматриваемыми компонентами. Данная взаимосвязь более выражена у хакасов, имеющих национальное среднее специальное и высшее образование. Можно говорить о следующей закономерности: чем выше уровень национального образования респондентов, тем выше признание родного-материнского языка.

В целом, несмотря на сокращение использования хакасского языка в повседневной жизни, его роль в качестве родного языка остается достаточно высокой. Три четверти хакасов признает родным языком язык своего этноса, четверть опрошенных — русский и хакасский, малая часть — русский язык. Более четверти хакасов признают родным языком хакасский в г. Абакане, Аскизском районе. В Таштыпском, Бейском административно-территориальных образованиях процент таковых на две трети меньше. В Ширинском и Орджоникидзевском — показатель не превышает 5 %.

Роль родного языка среди иных языков обусловлена уровнем этнокультурного образования. Для повышения его роли среди хакасского населения необходимо поднимать уровень национального образования респондентов через все ступени образовательной системы. Мотивация изучения хакасского языка обусловлена различными факторами, среди которых значимым является непрямая культурная трансмиссия (общение с носителями языка). Отношение населения к сохранению родного языка зависит, прежде всего, от формирующей социальной среды, наличия этнокультурных центров в местах компактного проживания этноса. Национально-культурные центры (общественные организации, учреждения об-

разования и культуры, созданные в целях сохранения и развития этнических культур) содействуют развитию традиций, языка, народных промыслов.

Мотивация к изучению родного языка

Человек может изучить язык, если только сам увидит необходимость в изучении, этим он и будет замотивирован.

Уровень мотивации общения, изучения родных-материнских языков стремительно снижается на современном этапе развития общества, в том числе и в регионах РФ со значительной долей титульных этносов [Намруева 2014: 109; Антонов, Очирова 2020: 209; и др.]

Результаты нашего исследования показали, что более половины из тех, кто не владеет хакасским языком, испытывают необходимость изучения родного языка (25,0 %). У шестой части опрошенных (4,9 %), из тех, кто не знает и не владеет родным языком, отсутствует таковая мотивация. Десятая часть хакасов (3,1 %) затруднилась с ответом на данный вопрос (рис. 5).

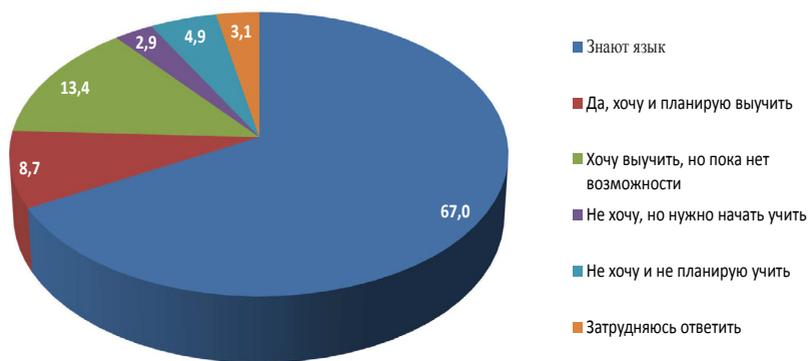

Рис. 5. Планы респондентов относительно изучения родного языка, в % от ответивших

В разрезе муниципальных образований ситуация неоднозначная. Высоким уровнем мотивации (47,3 %) обладают респонденты

Аскизского района, что вполне очевидно в связи с большим удельным весом хакасского населения в районе. Значительна доля желающих изучать родной язык в г. Абакане (26,4 %), что обусловлено высоким этнокультурным потенциалом территории. В иных районах уровень мотивации населения на порядок ниже. У респондентов Орджоникидзевского района преобладающей категорией является отсутствие желания изучать родной язык, при этом наличествует осознание необходимости его усвоения. Преобладающая часть опрошенных Бейского и Ширинского районов (18,1 % и 12,1 % соответственно) затруднились дать ответ на данный вопрос. Доминирующая часть хакасов Таштыпского района не хотят и не планируют изучать родной язык (19,6 %) (рис. 6).

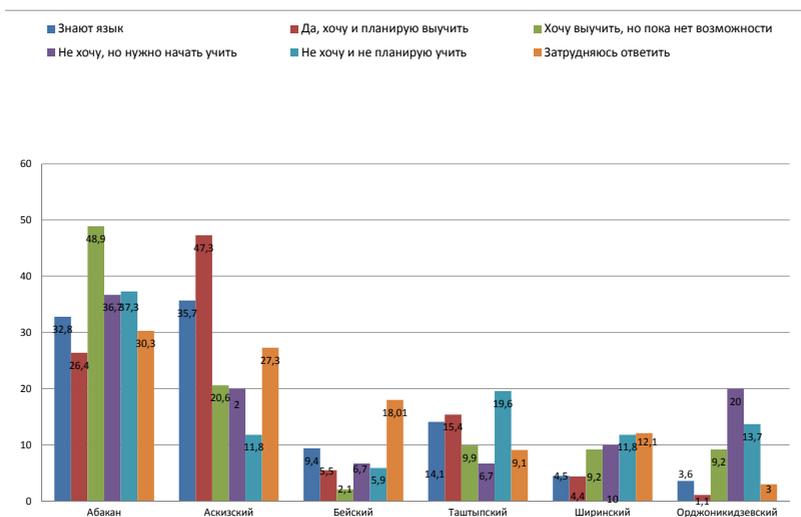

Рис. 6. Соотношение опрошенных в зависимости от уровня мотивации, в % от ответивших

Исследователи выделяют внутреннюю и внешнюю мотивации изучения родного языка, где первая является ведущей. Влияние внешних мотивов (престижа, самоутверждения) может приумножать внутреннюю мотивацию [Ягубцева 2015: 116].

Внутренняя мотивация связана со стремлением человека к компенсации утраты этнического языка, отсутствия или недостаточности естественной среды общения, неудовлетворенности существующим статусом языка (возврат к корням, поиск идентичности, удовольствие от общения на родном языке и процесса его изучения). Основными мотивами внешней мотивации выступает повышение уровня компетенций (желание научиться читать или писать на родном языке, изучение литературной формы языка, стремление передать язык детям) и социальной близости (общение с окружением, обусловленное наличием круга общения) [Москвичева, Сафина 2018: 292].

Исходя из результатов исследования, внутренний мотив изучения родного языка является у хакасов преобладающим (рис. 7).

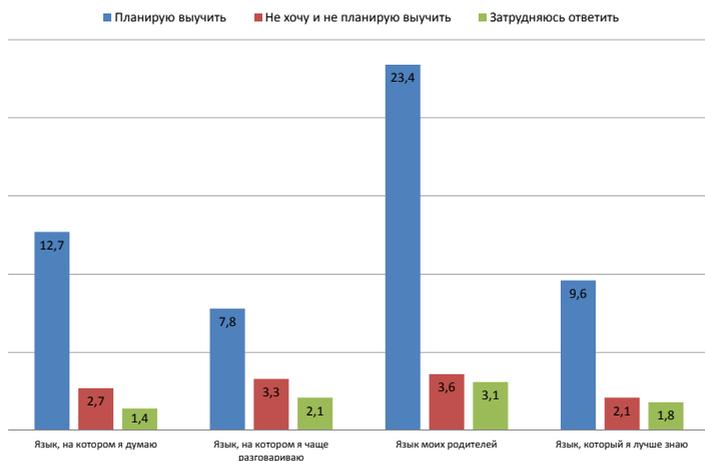

Рис. 7. Соотношение мотива изучения родного языка и понимания родного языка, в % от ответивших

Основным фактором низкой мотивации обучения является отсутствие потребности использования родного языка в повседневной жизни. Результаты нашего исследования подтверждают это. Среди причин нежелания учить хакасский язык треть респондентов отметили отсутствие потребности, четвертая часть — финан-

совые проблемы, пятая часть опрошенных указала лень и нежелание, наименьшая доля опрошенных отметила отсутствие времени (рис. 8).

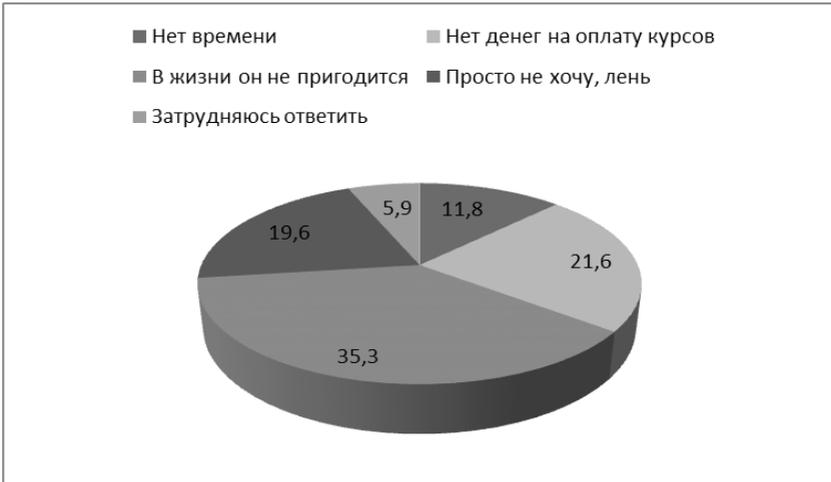

Рис. 8. Причины нежелания изучать родной язык, в % от ответивших

Среди основных факторов мотивации изучения языка ученые выделяют непрямую культурную трансмиссию (общение с носителями языка) [Баркан 2013: 18]. Можно говорить о наличии связи между мотивом изучения родного языка и социальным окружением.

Отношение населения к проблеме сохранения хакасского языка

Хакасский язык, по данным экспертов Организации объединенных наций по делам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), включен в Атлас языков мира как находящийся под угрозой исчезновения [Боргоякова 2001: 4]. Это значит, что он может исчезнуть в ближайшее время, так как не изучается детьми в качестве родного языка.

Родной язык неразрывно связан с культурой этноса, его утрата означает, что вместе с ним могут исчезнуть культура, особое видение мира, кроме того, это и утрата национальной идентичности.

Языки уносят с собой в небытие не только отдельные слова и особенности культур, но и значительную долю познаний, накопленных человечеством [Зайнулин 2012: 57].

Актуальность сохранения хакасского языка высока и в связи с тем, что численность хакасов как носителей родного языка сокращается — с 65,4 до 63,6 тыс. чел по РХ [Итоги ВПН 2005; Итоги ВПН 2013].

Значительная часть хакасов озабочена проблемой сохранения родного-материнского языка. Около 90 % опрошенных отметили, что данная проблема является очень важной, одна десятая часть респондентов не исключает значимости данного вопроса (8,9 %), только 1 % процент хакасов считают, что проблема является абсолютно неважной, поскольку в жизни можно обойтись без родного языка (0,8 %) (рис. 9).

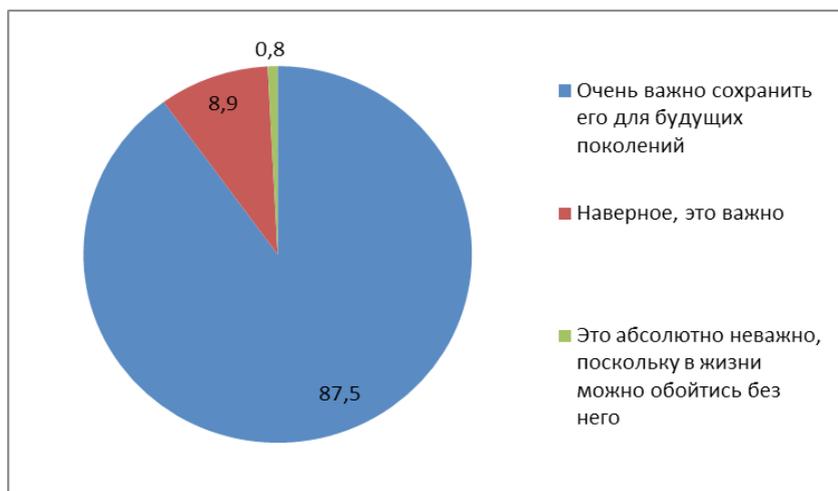

Рис. 9. Отношение респондентов к проблеме сохранения хакасского языка, в % от ответивших

Наличие этнокультурных центров в местах компактного проживания этносов оказывает влияние на отношение населения к

сохранению родного языка. Национально-культурные центры (общественные организации, учреждения образования и культуры), созданные в целях сохранения и развития этнических культур) содействуют развитию традиций, языка, народных промыслов [Тарасова 2018: 124–128]. Полученные в нашем исследовании результаты подтверждают это (рис. 10).

Высокую значимость сохранения языка отмечают респонденты г. Абакана, Аскизского района (33,4 и 34,4 % соответственно), там, где наличествуют образовательно-культурные центры. Среди опрошенных Бейского, Таштыпского, Орджоникидзевского районов высок процент склонных занижать важность сохранения родного языка (12,5 %, 25,0 % и 12,5 % соответственно). Преобладающая часть хакасов в Ширинском районе испытывает затруднение в ответе на данный вопрос.

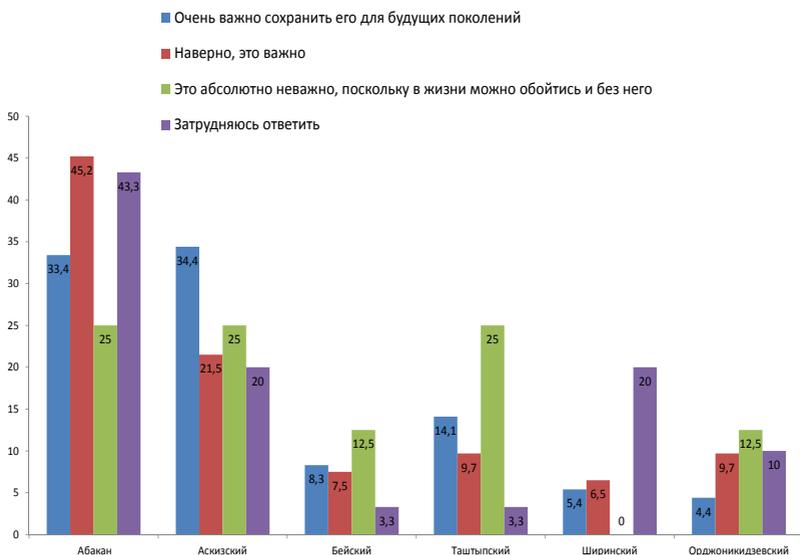

Рис. 10. Отношение респондентов к проблеме сохранения родного-материнского языка, в % от ответивших

Распределение показателей по гендерному признаку позволило установить некоторые особенности, которые проявляются в большем удельном весе женщин (60,6 %), считающих данную проблему очень важной, в отличие от мужчин (39,4 %). Возрастной критерий показал, что респонденты зрелого возраста II периода (55–64 лет — 19,7 %, 45–54 — 18,8 %, 35–44 — 18,4 %) склонны придавать большую значимость данной проблеме, нежели опрошенные молодого и пожилого возраста.

Респонденты отмечают пути и способы сохранения родного языка: значимость образовательного потенциала в сохранении языка (более 70 %), знание хакасского языка для достижения благ (15,0 %), формирование информационного пространства на хакасском языке (12,2 %) (рис. 11), среди иных не рассматриваемых в выборке ответов высока доля ответов о значимости социальной среды, где семье отводится ведущее место.

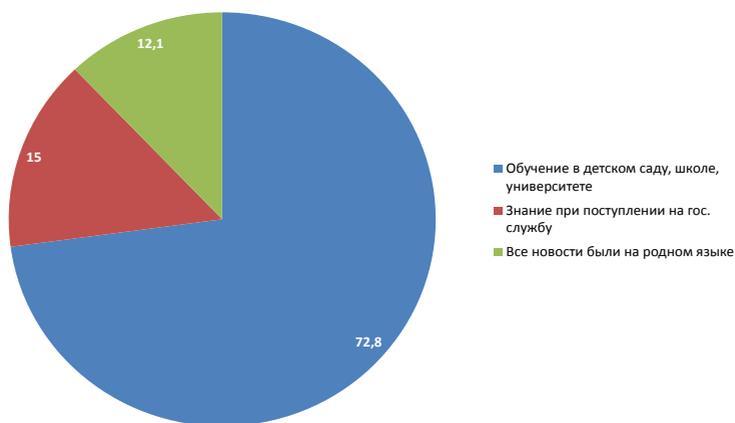

Рис. 11. Позиция респондентов относительно путей и способов сохранения родного языка, в % от ответивших

При оценивании региональной власти и политики по сохранению родного языка мнение респондентов фактически пропорци-

онально распределилось между различными вариантами ответа. Все же большая доля опрошенных (34,4 %) склоняется к ответу о том, что предпринимаемые действия органов власти и законы, направленные на сохранение хакасского языка, малоэффективны. Четвертая часть респондентов затруднилась в таковой оценке (29,7 %), одна пятая часть опрошенных (20,1 %) считает, что в регионе ведется эффективная грамотная политика, одна шестая часть хакасов (17,6 %) отрицательно оценивает языковую политику (рис. 12).

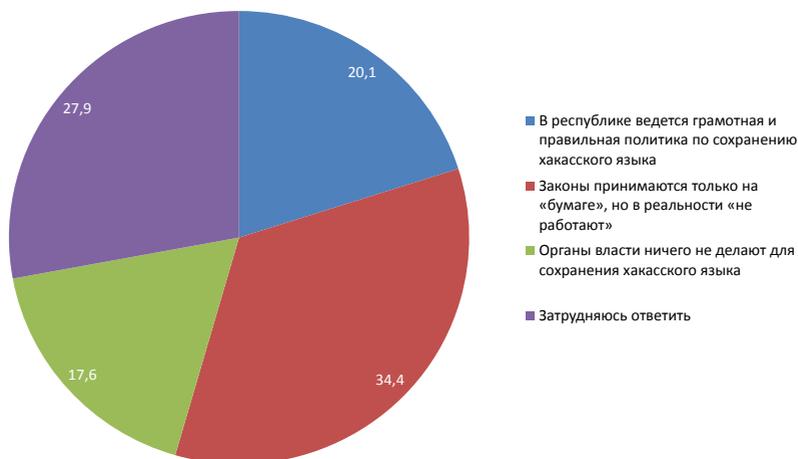

Рис. 12. Отношение респондентов к оценке роли региональной власти и политики по сохранению родного языка, в % от ответивших

Во многих регионах вопрос сохранения родных языков обусловлен отсутствием единого учебно-образовательного стандарта: единой методики и концепции преподавания, образовательных стандартов, современной учебно-методической литературы. Среди иных проблем сохранения родного-материнского языка исследователи отмечают отсутствие единого языкового информационного пространства [Антонов, Очирова 2020: 215].

Выводы

Проведенный анализ результатов исследования показал, что роль родного языка среди иных языков обусловлена уровнем этнокультурного образования. Для повышения его роли среди хакасского населения необходимо поднимать уровень национального образования респондентов через все ступени образовательной системы.

Мотивация изучения хакасского языка обусловлена различными факторами, среди которых значимым является непрямая культурная трансмиссия (общение с носителями языка).

Отношение населения к сохранению родного языка зависит, прежде всего, от формирующей социальной среды, наличия этнокультурных центров в местах компактного проживания этноса. Национально-культурные центры (общественные организации, учреждения образования и культуры, созданные в целях сохранения и развития этнических культур) содействуют развитию традиций, языка, народных промыслов.

Литература

- Алпатов 2014 — *Алпатов В. М.* Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: междунар. конф. (г. Москва, 16–19 сентября 2014 г.): доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. М.: Тезаурус, 2014. 643 с.
- Антонов, Очирова 2020 — *Антонов В. И., Очирова О. А.* Бурят-монгольский язык в современных условиях: проблемы, противоречия, поиск конструктивных путей развития // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 204–215.
- Балыхина 2007 — *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): уч. пособ. для препод. и студ. М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
- Баркан 2013 — *Баркан А. И.* Как родителям и учителям воскресных школ развить мотивацию к изучению русского языка у русскоязычных детей, живущих в иммиграции // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2013. № 1. С. 18.

- Боргоякова 2001 — *Боргоякова Т. Г.* Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. Уч. пособ. Абакан: изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. 159 с.
- Дробижева 1991 — *Дробижева Л. М.* Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX века (в конце 80-х – начале 90-х гг.) // *Духовная культура и этническое самосознание.* Вып. 2. М.: изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 65–82.
- Зайнулин 2012 — *Зайнулин М. В.* Проблемы развития и сохранения родных языков и национальных культур в эпоху глобализации // *Проблемы востоковедения.* 2012. № 3. С. 57–61.
- Закон 1992 — Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 года № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804956793> (дата обращения: 16.12.2020).
- Исраилова, Исраилова 2020 — *Исраилова Л. Ю., Исраилова Л. Ю.* Проблемы языкового предпочтения чеченцев-билингвов // *Lingua-universum.* 2020. № 2. С. 71–73.
- Итоги ВПН 2005 — *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.:* В 11 т. [электронный ресурс] // Управл. Федер. службы гос. статистики по Краснояр. краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 4.: Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по Республике Хакасия. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 17.03.2021).
- Итоги ВПН 2013 — *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.:* В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам РФ. 847 с.
- Москвичева, Сафина 2018 — *Москвичева С. А., Сафина Л. М.* Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // *Acta Linguistica Petropolitana.* Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. 14. № 3. С. 275–300.
- Намуева 2014 — *Намуева Л. В.* Современная молодежь и состояние калмыцкого языка (по итогам социологического анализа 2000-х гг.) // *Российский академический журнал.* 2014. Т. 27. № 1. С. 109–113.

- Пивнева 2011 — *Пивнева В. А.* Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. С. 66.
- Тарасова 2018 — *Тарасова Ю. Б.* К вопросу о понятии «этнокультурный центр» // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 10. С. 124–128.
- Трошкина 2020 — *Трошкина И. Н.* Этноязыковая ситуация в регионах Южной Сибири // Социодинамика. 2020. № 12. С. 27–38.
- Харитоновна 2020 — *Харитоновна В. Г.* Культурные и языковые предпочтения населения республики: по данным социологических исследований // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. М.: изд-во ООО «ИД «Среда», 2020. С. 171–176.
- Ягубцева 2015 — *Ягубцева Е. П.* Мотивация в изучении иностранных языков // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве. IV межвуз. молодеж. науч.-практ. конф. (г. Омск, 8 апреля 2015 г.) / редкол.: Л. К. Кондратьюкова, М. А. Гросс, Т. А. Винникова. Омск: ОмГТУ, 2015. С. 114–117.

Женщина как глава неполной семьи в современном российском обществе: стратегии самоопределения

Галина Дмитриевна Гриценко¹, Татьяна Федоровна Маслова²

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

² Ставропольский государственный педагогический институт
(д. 417 А, ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация)
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
ORCID: 0000-0002-0829-677X. E-mail: tatianamaslova@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф., 2021

Аннотация. *Введение.* Масштабные социокультурные трансформации конца XX – начала XXI вв. затронули жизнедеятельность российской семьи. Происходит формирование так называемой постнуклеарной семьи, для которой характерной становится размытость родительских статусов и ролей, в частности, в результате распространения неполных семей. Согласно официальным данным, в российском обществе, как правило, неполная семья с ребенком (детьми) возглавляется женщиной. Следствием приспособления женщины к условиям неполной семьи становится та или иная стратегия самоопределения. *Цель* исследования — изучение и анализ адаптивных стратегий, позволяющих женщине из неполной семьи самореализоваться. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели исследования использовалась методология, ориентированная на микросоциологический уровень, а именно микротеорию «doing family», что обеспечила поворот в сторону изучения семейных практик.

Результаты. На основании результатов социологического опроса сконструированы три основных типа таких стратегий: «инновационная, или активно деятельностная», «традиционная, или ориентированная на поддержку» и «патриархальная, или пассивно-репродуктивная». Несколько преобладающей признана первая стратегия самоопределения — «инновационная, или активно деятельностная», которая соответствует социокультурным трансформациям, происходящим в современном мире и российском обществе в частности. *Выводы.* В статье также отмечено, что для любой из стратегий самоопределения женщины из неполной семьи характерна дисфункция процессов воспитания и социализации, что требует от государства и заинтересованных в благоприятной социализации детей структур системных мер по минимизации негативных последствий проживания в неполной семье.

Ключевые слова: неполная семья, стратегий самоопределения, инновационная, традиционная, патриархальная

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН, № гр. проекта № ААААА19-119011190170-5.

Для цитирования: Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Женщина как глава неполной семьи в современном российском обществе: стратегии самоопределения // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 194–209. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-194-209

Woman as Head of Incomplete Family in Modern Russian Society: Self-Determination Strategies Revisited

Galina D. Gritsenko¹, Tatiana F. Maslova²

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate
ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

² Stavropol State Pedagogical University (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-0829-677X. E-mail: tatianamaslova@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Gritsenko G. D., Maslova T. F., 2021

Abstract. *Introduction.* Large-scale sociocultural transformations of the late 20th – early 21st centuries affected the life of Russian family. The period witnesses the shaping of the so-called post-nuclear family characterized by the blurring of parental statuses and roles resulting, in particular, from the spread of incomplete families. *Goals.* According to official data, in Russian society, as a rule, incomplete family with a child (children) is headed by woman, and her adaptation to the conditions of incomplete family takes shape via one or another self-determination strategy. So, there emerges a need to study adaptive strategies that allow women from incomplete families to self-actualize. *Methods.* In terms of methodology, the study focuses on the microsociological level, namely, the ‘doing family’ microtheory which provided a turn towards the study of family practices. *Results.* The results of our sociological survey make it possible to delineate three main types of such strategies, namely: 1) ‘innovative, or proactive one’, 2) ‘traditional, or support-oriented one’, 3) and ‘patriarchal, or passive-reproductive one’. The first self-determination strategy is recognized as prevailing, which corresponds to sociocultural transformations experienced by the contemporary world and Russian society proper. *Conclusions.* The article also notes that each of the self-determination strategies adopted by women from incomplete families implies a dysfunction of education and socialization processes, which requires that the Government and related structures aimed at beneficial socialization of children take systemic measures to minimize negative consequences inherent to the phenomenon of incomplete family.

Keywords: incomplete family, self-determination strategies, innovative, traditional, patriarchal

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment for Southern Scientific Center of the RAS, project no. AAAAA19-11901190170-5.

For citation: Gritsenko G. D., Maslova T. F. Woman as Head of Incomplete Family in Modern Russian Society: Self-Determination Strategies Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 194–209. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-194-209

Масштабные трансформации начала XXI в. отразились на изменении форм и функционировании российской семьи. Широкое распространение в общем числе семей получил тип неполной семьи, состоящей из одного родителя и ребенка (детей): «около 5 миллионов из 17 миллионов российских семей — это семьи с матерями-одиночками, еще в 600 тысячах семей детей воспитывают отцы-одиночки» [[Почти в трети российских семей 2017](#)].

Данное явление говорит о трансформации взглядов на семью, ее роли в жизни личности и общества. Неполную семью характеризует определенная степень отличий от социокультурных стандартов традиционной семьи: избирательное выполнение семейных функций ее членами, их активная роль в процессе деформаций внутрисемейной структуры, восприимчивость к факторам внешней среды, нивелирующим семейные ценности и традиции. Главный признак и сущностные характеристики сегодняшней неполной семьи связаны с тем, что такие семьи чаще всего возглавляет женщина. За последние 20 лет матерей-одиночек в России стало втрое больше. Сегодня это практически треть всех семей в стране [[Россиянки выбирают 2017](#)]. Учитывая распространенность в современном российском обществе числа неполных семей, состоящих из женщины с несовершеннолетним ребенком (детьми), представляется возможным рассматривать в качестве типичной неполной семьи такую её разновидность, как женская, «феминная» семья. Женщина выступает специфическим субъектом, формирующим модель самоактуализации в выполнении семейных ролей: традиционной — женщины-матери и нетрадиционной — главы семьи. Женщине приходится самостоятельно обеспечивать реализацию семейных функций и выполнять большинство семейных ролей. Это требует повышенной траты физических и духовных сил, активизации собственных возможностей и поиска дополнительных ресурсов.

Проблемы женщины-матери в неполной семье находятся в центре внимания российского дискурса. Однако, по заключениям исследователей, «наблюдается отсутствие представлений об одиноком материнстве и неполных семьях как о динамическом состоянии для матерей и их детей...» [[Захаров, Чурилова 2013](#)].

Между тем рассмотрение стратегий поведения женщин, возглавляющих неполные семьи, приобретает научную и практическую значимость в связи с востребованностью представлений о степени стабильности такой формы семьи в обществе.

В период становления постиндустриального общества на смену полной нуклеарной семейной структуры приходит постнуклеарная семья, или семья «постпарсоновского» типа, в которой отсутствует «четкая поляризация родительских ролей» [Чернова 2012: 105]. Кроме этого, повседневность и функциональность такой семьи обусловлены новейшими семейными трансформациями, а именно: переформатированием внутрисемейных ролей, распространением новых видов родительского поведения и др. [Носкова 2015; Носкова 2013: 148].

Необходимость в «переосмыслении семейных практик» [Miller 2011] повлекла за собой обновление исследовательской методологии, выразившееся в явной ориентации на микросоциологические исследования [Эспинг-Андерсен 2008: 245], бесспорном повороте в сторону изучения семейных практик [Jurczyk 2013] и производных от них практик материнства и отцовства, практик родительства.

В данном контексте показательными могут считаться работы известного британского социолога Т. Миллер: «Создание чувства материнства: нарративный подход» [Miller 2005] и «Создание чувства отцовства: гендер, забота и работа» [Miller 2011].

Необходимо отметить, что при анализе семейных практик исследователи уходят от одной единственной модели семьи и акцентируют внимание на многообразии вариантов организации семейных отношений, а следовательно, перевод исследовательского внимания со структуры к процессу производства и поддержания семейной жизни, к активной повседневной деятельности членов семьи [Morgan 2011].

В центре исследовательского интереса оказываются проблемы совмещения работы и домашней жизни, организации опеки и ухода за нетрудоспособными членами семьи, обустройства жизнедеятельности семьи и т. д.

Важно также подчеркнуть, что новые стратегии в исследовании семьи реализовались в так называемой микротеоории «doing family» (что можно перевести как «процесс повседневного производства семьи»). По утверждению ведущего немецкого социолога К. Юрчик, это есть новый подход к осмыслению современной семьи и ее трансформации, есть центральная идея «практического поворота» в науке о семье [Jurczyk 2013].

С точки зрения А. Ланге и К. Юрчик, микротеоории «doing family» является неизбежной научной реакцией на процессы размывания границ между трудовой и семейной жизнью. Социальная схема «семья – работа – гендерные роли – повседневная жизнь» утрачивает свою нормативную состоятельность. В результате изменяются функции государства, и на первый план выдвигается задача демпфирования дисфункциональных социальных последствий от новых форм организации «семья/работа» [Lange, Jurczyk 2006: 119–140].

Поворот к иным методологическим принципам исследования семейных отношений на фоне институциональных и демографических трансформаций в семье [Bosoni 2013: 685], структурных изменений на рынке труда и преобразования гендерных идентичностей предполагает продолжение исследования женской роли в семье, особенно неполной. Примером может быть исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выполненное при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» [Захаров, Чурилова 2013; Чурилова 2015].

Предварительный анализ объекта исследования, в качестве которого выступает неполная «феминная» семья, говорит о том, что выбор стратегии самоопределения женщины как главы неполной семьи обусловлен многими факторами.

Во-первых, это материальные проблемы, обострившиеся в результате отсутствия полноценных доходов второго родителя. Вопросы о том, насколько алименты на детей после распада брака, пенсии по потере кормильца и социальные пособия одиноким родителям реально обеспечивают функцию материальной поддерж-

ки детей в неполных семьях, определяют стратегию самоопределения женщины, в рамках которой она старается решить проблему источника денежных поступлений, призванных частично (или полностью) компенсировать снижение доходов в «феминной» семье [Прокофьева, Корчагина 2020: 172].

Во-вторых, это условия социализации детей в неполной семье. Вот что говорят эксперты по этому поводу: «Нередко те дети, которые воспитываются одной лишь матерью, страдают от неумения контролировать себя, свой повседневный график. Жизнь в неполной семье часто бывает нестабильной. Мать приходит с работы поздно. Иногда вместо того, чтобы получить помощь с уроками, ребенок должен сам помогать взрослому с выполнением домашних дел. В результате он вырастает хорошим исполнителем, гиперответственным сотрудником, однако вовсе не тем человеком, который может дисциплинировать себя самого. Как бы парадоксально это ни казалось, ребенок из неполной семьи нередко бывает крайне недисциплинированным» [Россиянки выбирают 2017].

В-третьих, это личностное самоопределение женщины в условиях неполной семьи, субъективная оценка возможностей выбора своей позиции, целей и средств принятия и реализации стратегии самоопределения [Шлыкова 2020].

Изучению последнего фактора и было посвящено исследование «Стратегии адаптации женщин, возглавляющих неполные семьи, в социокультурном пространстве современной России», проведенное в 2018–2019 гг. в Ставропольском крае. Выборочную совокупность исследования, проведенного с помощью анкетного опроса, представили 250 женщин-матерей из неполных семей, не имеющих ни юридических, ни фактических брачных отношений при наличии несовершеннолетнего ребенка (детей). В число женщин, участвующих в опросе, вошли представительницы разных возрастов — от 23 до 45 лет. В отношении «стажа семейной жизни» в неполной семье данные распределились следующим образом: 34,4 % респондентов проживали в неполной семье от 1 до 5 лет; 39,4 % — от 6 до 10 лет, 26,2 % женщин — от 11 до 15 лет [ПМА 2018–2019].

В основу конструирования стратегий самоопределения женщин, имеющих статус главы неполной семьи, авторами статьи были положены следующие индикаторы, отражающие социальные диспозиции женщин: представление об обязательности полноценной семьи; отношение к собственной семье как неполной; оценка жизненных изменений в результате распада семьи; возможные способы улучшения материального положения неполной семьи; приемлемые способы и пути решения насущных повседневных проблем; ценности, определяющие перспективный «жизненный план»; ощущение степени счастья в условиях неполной семьи; оценка степени адаптации к ситуации распада семьи; обобщенное социально-психологическое самочувствие в условиях неполной семьи.

Выбор типа жизненной стратегии женщин определяется в большей степени субъективными факторами, имеющими ценностно-мотивационный, социально-психологический, эмоционально-волевой и действенно-практический измерения. Их сочетание обеспечивает согласование социокультурных (доминирующих в обществе) и личностных норм, ценностей и целей; и достижение определенной степени адаптации и социальной устойчивости женщины. Дифференциация ценностных ориентаций, способов разрешения схожих проблем, степень готовности к изменению гендерных границ и поля своей деятельности определяют приоритетность стратегий социального самоопределения женщин, возглавляющих неполные семьи. Систематизация и дифференциация установок, выраженных респондентами в ходе опроса, позволили построить стратегии жизненного самоопределения женщин в условиях неполной семьи. Это: «инновационная, или активно деятельностная», «традиционная, или ориентированная на поддержку», «патриархальная, или пассивно-репродуктивная» стратегии.

В условиях современных социокультурных трансформаций российского общества наиболее распространенный вариант жизненной ориентации, которого придерживаются женщины из неполных семей, согласно результатам опроса, отражается в *«инновационной, или активно деятельностной»* стратегии. Такая стра-

тегия в той или иной степени свойственна 42,6 % респондентов. В чем проявляется «инновационная, активно деятельностная» стратегия? Отмечается, что «активные» женщины не расценивают создавшуюся ситуацию как трагедию — для них свойственны следующие суждения: «Не стоит „ломать“ себя ради сохранения брака», «Главное в семье — это мать и её дети» [ПМА 2018–2019].

Отношение к возникшей неполной семье характеризуется скорее позитивным восприятием сложившейся ситуации и себя в ней: основная оценка «Меня в той или иной степени устраивает моя неполная семья» и «Я вполне приспособилась к жизни в неполной семье» [ПМА 2018–2019].

Преобладающей оценкой жизненных изменений стал ответ: «Жизнь стала лучше», несмотря на возможные трудности дальнейшей жизни в неполной семье, например, нехватку денег, трудности в воспитании ребенка (детей), жилищно-бытовые проблемы и т. д. К числу возникших преимуществ неполной семьи женщины, причисленные к первой стратегии, отнесли личную свободу, независимость и самостоятельность; отсутствие стрессовых ситуаций, скандалов, обид; осознание собственной нужности ребенку (детям); повышение жизненного тонуса; уменьшение количества забот и др. Очевидно, такой позитивный настрой обусловлен устойчивой дисгармонией отношений между супругами и желанием их скорейшего разрыва. Тем более что в качестве главного способа преодоления жизненных трудностей неполной семьи «активно действующие» женщины видят в интенсификации профессионально трудовой активности, а именно: или больше работать для реализации своих профессиональных способностей и возможности карьерного роста; или сменить работу и даже профессию на более высокооплачиваемую; или заняться бизнесом, открыть собственное дело.

Женщины «инновационной» стратегии ориентированы, прежде всего, на самостоятельность: «выходить из трудностей самой, своими силами», но только «не возвращаться к прежней полной семье». Среди принципов жизненной стратегии, обустройства собственной семьи доминируют личностно-ориентированные:

интересная работа, личностное развитие, независимость, карьера, друзья.

Достижение «женского счастья» женщины «активно действующей» стратегии самореализации связывают с «любовью и взаимопониманием». Характерными ощущениями социально-психологического самочувствия для таких женщин стали оптимизм, уверенность в преодолении потенциальных трудностей, надежда на жизненный успех и женское счастье. Они утверждают, что «имеют все, чтобы чувствовать себя счастливыми» и даже часть из них «(иногда) чувствуют, что счастливы» [ПМА 2018–2019].

Завершая характеристику женщин, проживающих в неполной семье и придерживающихся «инновационной, активно деятельностной» стратегии самореализации, следует сказать, что это женщины с преобладанием ориентации на личностный рост, профессиональную самореализацию, финансовую самостоятельность. Это обеспечивается позитивным отношением к жизненным переменам, восприятием нового статуса с позиции дополнительных возможностей и перспектив для самореализации. Они предпочитают использовать преимущества сложившейся ситуации в большей степени, чем переживать по поводу возникших трудностей. Поэтому женщины, транслирующие данный тип стратегии, динамичны, мобильны, активны. Все это может расцениваться в качестве показателя реальной адаптированности и гарантии успешности реализуемой жизненной стратегии данной категории женщин.

Следующим вариантом жизненной ориентации является жизненная стратегия самореализации, условно названная «*традиционная, или ориентированная на поддержку*». К данной стратегии были отнесены 29,5 % респондентов. Основным принципом решения повседневных проблем для женщин данной стратегии становится активный поиск «тех, кто может и хочет помочь»: привлечение моральной и материальной помощи со стороны близких, расширение «сети родственного обмена», использование средовых ресурсов «сети родственников и знакомых». Однако наиболее приемлемыми и возможными способами улучшения материального положения своей неполной семьи для этой категории

респондентов является «использование альтернативных источников — дополнительных пособий, льгот»: обращение за помощью к государству. Транслируется так называемая стратегия «поиска ренты», которая предполагает активное использование альтернативных (не зарплатных) источников для пополнения своих доходов (льгот), получение законодательно гарантированной государственной помощи (пособий). Самооценка приспособленности «традиционно» ориентированных женщин выражается в утверждении: «Я отчасти приспособилась, но мне необходима поддержка» [ПМА 2018–2019].

В условиях материальных лишений этим женщинам свойственно стремление сэкономить имеющиеся материальные, финансовые, эмоциональные ресурсы.

Семья для женщины данного типа стратегии является важным фактором, определяющим семейное поведение и позицию женщины. В то же время она готова согласиться с тем обстоятельством, что «семья может быть неполной», хотя ее «скорее не устраивает неполная семья, но терпимо». Как полагают респонденты данной стратегии самореализации, радикальных социально-экономических изменений в связи с появлением неполной семьи не произошло: «жизнь почти не изменилась» [ПМА 2018–2019].

У женщин второго типа стратегии ярче выражены традиционные трудовые ценности, позволяющие сочетать профессиональную и семейную занятость, не содержащие карьерно-статусные устремления, предполагающие прямую зависимость материального благополучия неполной семьи от заработной платы. Именно поэтому предпочитаемой работой становится та, для которой характерны: постоянная и регулярная зарплата, удобный график работы, обязательность социального пакета, близость работы от дома, возможность заниматься детьми и семейными делами, гарантия сохранения рабочего места.

Ориентация на «удобную работу» выражается в согласии на меньшую, но регулярно выплачиваемую зарплату, в отказе от профессиональной самореализации в обмен на послабление трудового режима.

Основой «женского счастья» «ориентированные на поддержку» женщины считают «материнство, благополучие и счастье детей», «семью и поддержку родных» [ПМА 2018–2019].

Ориентация на ответственное выполнение роли матери обуславливает в социально-психологическом самочувствии доминирование таких ощущений, как «постоянное внутреннее напряжение», таких чувств, как «вина перед ребенком». Женщины данной стратегии не чувствуют себя «исключенными» из социальной жизни, но обеспечивают свою самореализацию по большей части в частной сфере.

Женщины, причисленные к третьему типу стратегий (27,9 %), условно названному «патриархальный, или пассивно-репродуктивный», в большей степени поглощены переживанием своих проблем и страдают от несоответствия реальной ситуации идеальным представлениям о семейном и гендерном предназначениях. Неполноте семьи эти женщины считают главным препятствием для достижения жизненного благополучия.

Основной причиной такого отношения женщин к ситуации и собственному положению являются не сами по себе патриархальные стереотипы, а социально-психологическое согласие самих женщин с вторичностью своей деятельности по оптимизации ситуации [Балабанова 2000].

Именно поэтому взгляд на семью и семейное поведение остается патриархальным: «Семья должна быть полной», а отношение к собственной форме семьи и жизненным изменениям однозначно негативное: «Такая форма семьи не устраивает», «Жизнь стала хуже». Респонденты этой стратегии самоопределения оценивают степень своей приспособленности к ситуации не только отрицательно: «я не приспособилась», но и отрицательно пессимистично: «я никогда не привыкну жить в неполной семье» [ПМА 2018–2019].

Восприятие себя в качестве «одинокой матери» и, следовательно, «несчастной» женщины поддерживается еще одной патриархальной установкой: «женщина-мать должна быть „социально подопечной“» [Балабанова 2002: 34], которая в свою очередь

обуславливает неуверенность в себе и низкую инициативность в профессионально-трудовой сфере; неспособность справиться с неудачами и зависимость от жизненных обстоятельств, чрезмерную сосредоточенность на своих семейных проблемах и пассивность в социальной жизни.

Продолжением рассматриваемой установки могут считаться и «пассивное ожидание» как основной принцип решения житейских ситуаций и повседневных проблем: «в решении проблем не отказываться от помощи других» и «замужество и/или помощь мужчины» как наиболее приемлемый способ справиться с проблемами, в частности улучшить материально-финансовое положение семьи и повысить ее социальный статус. Об установке женщины с пассивно-репродуктивной стратегией самореализации быть «социально подопечной» свидетельствуют и ее предпочтения при выборе работы или рода занятий: хороший коллектив; гарантия сохранения рабочего места, постоянство заработной платы; безопасные условия труда.

Основными компонентами «женского счастья», по определению респондентов пассивно-репродуктивной стратегии, являются «защищенность и стабильность», которые не свойственны для семейно-брачных отношений неполной семьи. В результате женщины данной категории «не считают себя счастливыми» и даже «не верят, что вообще смогу быть счастливыми». Соответственно, социально-психологическое самочувствие характеризуется «ощущением незащищенности» и «страхом перед будущим» [ПМА 2018–2019].

Итак, женщины патриархальной, или пассивно-репродуктивной стратегии самоопределения испытывают резко негативное отношение к своему положению; рассматривают собственную неполную семью как совокупность проблем, не поддающихся решению собственными силами; испытывают неуверенность в себе и пассивно ожидают помощь извне: от родственников, друзей, коллектива, государства и / или нового замужества. Это порождает тенденцию к неустойчивой адаптации, возникновению рисков социальной дезадаптации, разного рода девиаций.

В условиях новейших семейных трансформаций, ведущих к становлению постнуклеарной семьи, в которой отсутствует «четкая поляризация родительских ролей», переформируются внутрисемейные роли, складываются различные варианты организации семейных отношений, наблюдается поворот в сторону изучения семейных практик и производных от них практик материнства в неполных семьях.

Исследование проблем обустройства жизнедеятельности неполной семьи через анализ ценностных установок и ориентаций женщин, возглавляющих эти семьи, позволило сконструировать три основные стратегии самореализации. Наиболее распространенной признана «инновационная, или активно деятельностная» стратегия, которая соответствует современным тенденциям развития постиндустриального, информационного общества. В то же время сохраняют актуальность и те стратегии самореализации женщин, которые были характерны для индустриального («традиционная, или ориентированная на поддержку») и доиндустриального («патриархальная, или пассивно-репродуктивная») обществ. Что предполагает наличие разветвленной системы поддержки женщин из неполных семей с ребенком (детьми), включающей экономическую помощь, психолого-педагогическое сопровождение, медико-социальную реабилитацию, правовое консультирование, системы, направленной на помощь в воспитании детей, в организации досуга, на преодоление дискриминационных проявлений. Но, несмотря на распространенность в современной неполной семье женщины-матери с инновационной, активно деятельностной стратегией, необходимо признать, что данная жизненная ориентация не может исключить проблем функционирования неполной семьи и, прежде всего, с точки зрения ее воспитательной и социализационной функции. Это выражается в инверсии воспитательных и семейных ролей; рисках неадекватного отношения к ребенку (гипер- или гипопека, повышенная строгость или либерализм в отношениях и т. д.); в трудностях гендерной идентификации детей; в сужении круга семейного общения и др. Это означает, что система поддержки необходимо и важна для неполной семьи, независимо от стратегии самоопределения и самореализации женщины-матери.

Полевые материалы авторов

ПМА 2018–2019 — Анкетный опрос 250 человек в рамках исследования «Стратегии адаптации женщин, возглавляющих неполные семьи, в социокультурном пространстве современной России» (Ставропольский край, 2018–2019 гг.).

Литература

- Балабанова 2000 — *Балабанова Е. С.* Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 266–277.
- Балабанова 2002 — *Балабанова Е. С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования. 2002. №11. С. 26–36.
- Захаров, Чурилова 2013 — *Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII. № 4. С. 86–117.
- Носкова 2015 — *Носкова А. В.* Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177–185.
- Носкова 2015 — *Носкова А. В.* Семья перед лицом вызовов глобализирующегося мира // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 147–149.
- Почти в трети российских семей 2017 — Почти в трети российских семей детей воспитывают матери-одиночки [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 07.02.2017. URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- Прокофьева, Корчагина 2020 — *Прокофьева Л. М., Корчагина И. И.* Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9–1 (48). С. 172–179.
- Россиянки выбирают 2017 — Россиянки выбирают растить детей без мужа [электронный ресурс] // РОСБАЛТ: информационно-аналитическое агентство. 2017. 10 февраля. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2017/02/10/1591028.html> (дата обращения: 10.01.2021)
- Чернова 2012 — *Чернова Ж. В.* Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. С. 103–123.

- Чурилова 2015 — *Чурилова Е. В.* Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.
- Шлыкова 2020 — *Шлыкова Е. В.* Субъективная оценка безопасности как показатель адаптированности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода // Социологическая наука и социальная практика. № 4. Т. 8. 2020. С. 105–120.
- Эспинг-Андерсен 2008 — *Эспинг-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266.
- Bosoni 2013 — *Bosoni M. L.* New Fathers or Breadwinner? A Picture of Men, Fathers & Work in Italy and Europe // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change (28–31 August 2013, Torino, Italy). Turin: University of Turin, 2013. Pp. 680–689.
- Jurczyk 2013 — *Jurczyk K.* Doing Family – Structuring Everyday Life as a Modern Challenge // The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science. Bamberg, 2013. Pp. 35–49.
- Lange, Jurczyk 2006 — *Lange A., Jurczyk K.* Family, work and the welfare state under conditions of blurring boundaries in Germany // Reconciling Family and Work: New Challenges for Social Policies in Europe / Giovanna Rossi (ed.). Mailand: Franco Angeli. 2006. Pp. 119–140
- Miller 2011 — *Miller T.* Making Sense of Fatherhood: Gender, Caring and Work. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 206 p.
- Miller 2005 — *Miller T.* Making Sense of Motherhood. A Narrative Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 186 p.
- Morgan 2011 — *Morgan David H. J.* Rethinking family practices. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2011. 159 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: Куканова В. В.

2021. № 1

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 26.04.2021. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 13,1. Тираж 100 экз. Заказ 03-21.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8